

НОВЫЙ хронограф

Федеральное агентство
научных организаций

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО **Современные исследования**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Булдаков В.П.
доктор ист. наук

Вишневский А.Г.
доктор эконом. наук

Горшков М.К.
академик РАН,
председатель

Давыдов А.П.
доктор культурологии,
зам. председателя

Иванов А.Е.
доктор ист. наук

Туманова А.С.
доктор ист. наук,
доктор юрид. наук

Федотова В.Г.
доктор филос. наук

Яковенко И.Г.
доктор филос. наук

ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ИДЕОЛОГИЙ К СЛУЖЕНИЮ ИДЕАЛАМ **РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО** **В 1914—1945 ГГ.**

Москва
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ
2016

УДК 94(47).083/.084.8(082)
ББК 63.3(2)6я43
О-80

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. <i>Мягков М.Ю.</i>	7
<i>Кагарлицкий Б.Ю.</i> Революция как инструмент модернизации.....	10
<i>Нелипович С.Г.</i> Антиинемецкая пропаганда в России в первые месяцы Первой мировой войны.....	19
<i>Астахов А.Б.</i> Моральный дух и настроения русской армии в Первой мировой войне.....	33
<i>Соловьев К.А.</i> Русские либералы о целях России в Первой мировой войне.....	47
<i>Иванов А.А.</i> «Русский щит должен быть прибит к вратам Царьграда»: взгляды русских консерваторов на цели России в Первой мировой войне.....	57
<i>Чистяков О.В.</i> Кампания по сбору пожертвований в пользу Российского общества Красного Креста во время Первой мировой войны.....	71
<i>Пахалюк К.А.</i> Российское общество Красного Креста в годы Первой мировой войны (по воспоминаниям Э.П. Беннигсена).....	84
<i>Копылов Н.А.</i> Национальный вопрос в отношениях России и Австро-Венгрии времен Первой мировой войны (история одного славянского мифа).....	107
<i>Голубинов А.В.</i> Память поэта: опыт Великой войны в творчестве М.П. Герасимова.....	127
<i>Васильев М.В.</i> 1-й Петроградский женский батальон в событиях 1917 года.....	141
<i>Голубев А.В.</i> «До последнего русского солдата»: Эволюция представлений о союзнике в 1914—1945 гг.	154

0-80 От противостояния идеологий к служению идеалам: российское общество в 1914—1945 гг. : сб. ст. / под ред. М. Ю. Мягкова, К. А. Пахалюка. — М.: Новый хронограф, 2016. — 288 с. — ISBN 978-5-94881-351-6.

И. Мягков, М. Ю., ред.

В основу сборника легли доклады научной конференции «От противостояния идеологий к служению идеалам: российское общество в 1914—1945 гг.», которая была проведена Российским военно-историческим обществом 16 ноября 2015 г. Основное внимание уделено взаимосвязи политических, идеологических, культурных и символических трансформаций в российском (советском) обществе в 1914—1945 годы, которые предстают как единая эпоха, ограниченная двумя мировыми войнами.

© Коллектив авторов, 2016
© Издательство «Новый хронограф», 2016

ISBN 978-5-94881-351-6

<i>Гребенкин И.Н.</i> Революция и контрреволюция: офицерский облик.....	170
<i>Цветков В.Ж., Гагуев Р.Г.</i> Белое дело и коллаборационизм. О неправомерности отождествления программ белого движения и политических лозунгов коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны.....	185
<i>Васильева О.В.</i> «Отечество защищается оружием и общим народным подвигом»: Патриотическая деятельность православного духовенства и верующих в годы Великой Отечественной войны.....	202
<i>Орлов И.Б.</i> Патриотический дискурс в советской пропаганде 1941–1945 гг.: историческая традиция и советская идеология.....	226
<i>Тихонов В.В.</i> Сталинская премия как инструмент формирования исторической политики в годы Великой Отечественной войны.....	238
<i>Синицын Ф.Д.</i> Национально-патриотический фактор в советской идеологии в предвоенный период (1933–1941 гг.).....	251
<i>Ларионов А.Э.</i> Методологические проблемы изучения фронтовой повседневности Великой Отечественной войны.....	270
Сведения об авторах.....	284

ПРЕДИСЛОВИЕ

Долгое время в России события обеих мировых войн рассматривались отдельно. Практически непроницаемым барьером между эпохами являлась революция 1917 г., которая разделяла историю страны на две части: до и после себя. Тем самым в историческом сознании образовался разрыв, который ныне, практически сто лет спустя, мы преодолеваем и преодолевать.

В 1914 - 1945 гг. России пришлось пройти сложный путь: от патриотического энтузиазма августа 1914 г. через трагедии и жертвы военного времени, революционный хаос 1917 г. и Гражданской войны, строительство нового социалистического общества к событиям еще более тяжелой войны, которая завершилась победным маем 1945 г. Это единый период, когда нашей стране приходилось неоднократно отражать иностранную агрессию, мобилизуя все общество, всю экономику ради достижения победы. В эти годы на собственном — порой очень горьком — опыте мы научились понимать, насколько важно национальное единство и какую опасность таит стремление в период внешней опасности следовать только личным интересам в ущерб всеобщим.

Россия (СССР) являлась ключевой участницей обеих мировых войн. Однако в отличие от вклада нашей страны в разгром агрессоров во Второй мировой пока общее дело союзников по Антанте знают далеко не все: более 40% всех вражеских дивизий сражались на нашем фронте, активные действия русских армий неоднократно спасали от поражения и Францию, и Италию, и Сербию, и Румынию, и английские войска на Ближнем Востоке.

Опыт мировых войн убедительно показывает: без России невозможно построить стабильную и эффективную систему

международной безопасности. Революция 1917 г. и разившаяся после нее Гражданская война не позволили нам воспользоваться плодами победы. На Версальской конференции наши бывшие союзники уже без России закладывали основы будущего мироустройства. Созданная Версальско-Вашингтонская система не смогла предотвратить рост реваншистских настроений поверженной Германии, которая после прихода Гитлера к власти вновь взяла курс на агрессию. Итогом стала еще более кровопролитная война, основная тяжесть которой пала на плечи советского народа. Однако новые основы мироустройства, заложенные на Ялтинской и Потсдамской конференциях, действуют до сих пор.

История участия России в обеих мировых войнах — это история патриотического служения своему государству. Весьма интересно, что обе войны современниками назывались «великими», «отечественными» и «священными», обе они были оборонительными, и в 1914 г., и в 1941 г. солдаты вставали грудью против врага, сознавая, что решается судьба всего государства. О преемственности может говорить и тот факт, что ряд героев — георгиевских кавалеров Первой мировой — стали потом выдающимися военачальниками Великой Отечественной. Среди них маршалы К.К. Рокоссовский и С.К. Тимошенко, генералы К.П. Трубников и И.В. Тюленев. Такие известные партизаны как С.А. Ковпак и Минай Шмырев также были георгиевскими кавалерами Первой мировой.

Любовь к Родине и чувство долга в 1914 г. стали важнейшими составляющими успехов русских войск на галицийских полях и в карпатских горах, под стенами Варшавы и Сарыкамыша. Однако неудачи 1915 г. серьезным образом сказались на моральном состоянии войск. Неприятная правда года «Великого отступления» заключается в том, что в тылу многие были не готовы нести тяготы военного времени и жертвовать собой ради грядущей победы, в то время как многие политики считали допустимым в своих целях воспользоваться неудачами, чтобы захватить власть. Итогом стали революционные потрясения 1917 г. Можно сказать, что ошибки этих лет были исправлены в годы Ве-

ликой Отечественной, когда патриотическая мобилизация позволила советскому обществу выдержать еще большие испытания и разгромить противника.

История Гражданской войны учит нас, что идеологическое противостояние, помноженное на готовность насильственными методами расправиться с политическими оппонентами, обернулось страшной катастрофой: около 10 млн. погибших со всех сторон и несколько миллионов эмигрантов. Вероятно, именно здесь кроится причина того, что даже 100 лет спустя эти события остаются в центре внимания не только исторической науки, но и всего общества. Однако, несмотря на неизбежные дискуссии, нам необходимо двинуться дальше, прежде всего, с уважением отнестись к обстоятельствам, толкнувшим действующих лиц 1917 г. занять ту или иную позицию. Нельзя постоянно делить предков на однозначно правых и виноватых, ведь каждая сторона по-своему понимала, как добиться процветания родины и лучшей жизни на Земле. Дань уважения предкам — лучшее средство для идеологического примирения, стимул для нового витка духовного развития, без которого немислимо достойное существование нашего народа.

Доктор исторических наук,
профессор,
Мяков М.Ю.

Кагарлицкий Б.Ю.

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация. В начале XX века в России почти все соглашались, что существует проблема отсталости страны по отношению к Западу, но не было согласия по вопросу о том, как это отставание преодолеть. На самом деле проблема была не столько в отсталости как таковой, сколько в периферийном характере развития экономики. Революция 1917 г. и «Великий перелом» 1929–1932 г.г. в два этапа решили эту проблему, осуществив, пользуясь терминологией Самира Амина, *de-linking* (отключение) экономики Советской России от глобального процесса накопления капитала. Это позволило сосредоточить ресурсы на индустриализации, благодаря чему и была одержана победа в Великой Отечественной войне. Жертвы и потрясения, сопровождавшие этот рывок, были чудовищными. Но именно так и осуществляется прогресс в истории. Радикальные перемены невозможны без радикального разрушения структур и отношений, которые блокируют развитие.

Ключевые слова: Модернизация, отсталость, мировостемный анализ, индустриализация, революция

Кагарлицкий В.

REVOLUTION AS AN INSTRUMENT OF MODERNIZATION

Abstract: By 1900s almost everybody in Russia agreed that the country had to overcome its backwardness vis-a-vis its Western partners and rivals but the debate was about how to achieve that goal. However the problem was not just that of backwardness but that of being part of the global capitalist periphery and developing accordingly. After the revolution of 1917 and during the «Great Turn»

of 1929–32 Soviet Russia de-linked itself from global accumulation process (the term of Samir Amin) thus securing for itself both independent development and fast modernisation that allowed to win the war with Germany in 1941–45. It became only possible at the cost of great losses and great turmoil. However this is exactly how history moves forward because breakthrough isn't possible without radical change which includes no less radical destruction of structures and relations that present obstacles for development.

Key words: *Modernisation, backwardness, world-system theory, industrialisation, revolution*

Практически все общественные силы в России начала XX века были едины в том, что страна отставала от Запада. Дискуссии велись лишь о масштабах проблемы и о том, каким способом и какими темпами она может быть решена. В этом смысле ситуация во многом похожа на то, что мы наблюдаем сто лет спустя. Правительство доказывало, что мы идем верным путем и все проблемы будут решены, либералы видели спасение в распространении принципов свободного рынка, расширении политических свобод и более тесном сотрудничестве с Западом, а левые настаивали на социальных преобразованиях, поскольку решить вопросы развития невозможно, не искоренив тех структур и отношений, которые это развитие сдерживают.

Любопытно, что оценка положения дел в России начала XX века современниками была гораздо более жесткой и негативной, чем мы можем сегодня услышать от многих историков. Если говорить не о публицистах, прославляющих царский режим как утерянный рай всеобщего счастья и процветания, а о серьезных исследователях, то характерным примером могут быть работы историка Б.Н. Мironова¹, который, ссылаясь на рост потребления и благосостояния в России на рубеже веков, доказывает, что страна успешно развивалась и достигла бы изрядных успехов безо

¹ См. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII - начало XX века. М., 2012.

всякой революции. Данные и выводы Миронова подвергаются резкой критике со стороны С.А. Нефедова², доказывающего, что социально-экономическое развитие страны блокировалось противоречием между объективно стоящими задачами хозяйственной модернизации и интересами элиты. Аналогичной позиции придерживается Александр Шубин³ и марксистские историки. Однако даже если бы мы полностью отвергли аргументы и приняли бы описываемую Борисом Мироновым картину как безусловно правильную, это огню не подтверждало бы его выводов. Основаны они на экстраполяции, предполагающей, что экономический рост и рост потребления, наметившиеся в периоды, когда рыночный цикл был на подъеме, автоматически должны были продолжаться в долгосрочной перспективе теми же темпами. Но, увы, это утверждение противоречит базовым фактам экономической истории. В рыночной экономике подъем сменяется спадом. Для стран, вывозящих сырье и продовольствие, это также означает, что цены на их продукцию в период подъема растут быстрее цен на другие товары, а в периоды спада — снижаются тоже быстрее. Иными словами, когда экономика на подъеме, возникает иллюзия резкого ускорения развития, которая разрушается последующими событиями, когда уничтожается изрядная часть достигнутых предыдущего периода. Для того чтобы понять, как это происходит, достаточно посмотреть на текущие события в стране. Рост 2000-х гг. опережал общемировой, а в 2008-2009 гг. Россия оказалась одной из самых «быстро падающих» экономик мира. То же самое повторилось и в цикле 2011-2015 гг. Сами по себе подобные колебания свидетельствуют о структурной слабости.

Однако, возвращаясь к дискуссиям 1900-х гг. и современным попыткам их реинтерпретации и повторения, важно отметить, что вопрос был изначально неверно сформулирован. Вопрос не в темпах развития, а в типе

² См. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 2. М., 2011.

³ См. Шубин А.В. Великая Российская революция от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: Родина МЕДИА, 2014.

развития. Такую постановку вопроса в начале XX века мог предложить лишь М.Н. Покровский, да и то — ретроспективно, поскольку был все же не экономистом, а историком. Концепция «торгового капитализма», разработанная Покровским и его школой, продемонстрировала, что интеграция целого ряда стран в мировое капиталистическое хозяйство отнюдь не способствует преодолению отсталых форм общественных и экономических отношений⁴. Напротив, торговый капитал эффективно использует прибавочную стоимость, производимую в некапиталистическом секторе, снижая при этом собственные издержки. Иными словами, в краткосрочной перспективе отсталость становится своего рода «конкурентным преимуществом», не преодолевается капиталистическим развитием, а закрепляется им.

То, что М.Н. Покровский обнаружил, исследуя историю России, параллельно с ним открыла Роза Люксембург, изучая колониальные и полуколониальные страны. А позднее те же выводы были обобщены представителями школы миросистемного анализа (И. Валлерстайн, С. Амин и др.). Если применить к российской истории ее методологию, картина резко меняется. То, что современники воспринимали как отсталость, на самом деле являлось следствиями периферийного и зависимого характера развития. Эта проблема в принципе не решается увеличением темпов роста, поскольку зависимость от мирового рынка и соответствующие структурные диспропорции на каждом рыночном цикле воспроизводятся. Опыт России на рубеже XIX и XX веков как раз является очень хорошей иллюстрацией этого явления — рост промышленности в 1890-е гг. сопровождался стремительным ростом технологической зависимости и внешней задолженности, иными словами, ускорение развития и рост производства вели к нарастанию системных диспропорций, а не к их смягчению. В этом смысле революции 1905 и 1917 гг. были *предопределены успехами царской России и ее достижениями ничуть не в меньшей степени, чем ее отсталостью и неудачами.*

⁴ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке, ч. 1-3, М., 1920—1923.

В 1914 г. Россия столкнулась с вызовом мировой войны, но мало кто обращает внимание, что еще до этого глобальная и отечественная экономика начали погружаться в очередную кризис, масштабы которого сейчас трудно оценить, поскольку он был прерван вооруженным противостоянием. Нельзя исключить, что война лишь отсрочила на 15 лет экономическое потрясение, известное нам под названием «Великой депрессии». Но в любом случае очевидно, что крайняя агрессивность поведения правящих классов всех основных европейских держав в 1914 г. была не случайна, она была порождена кризисом. Глобальный конфликт развился из-за локального, в сущности, инцидента в Сараево после того, как мировое сообщество неоднократно умудрялось избежать конфронтации из-за куда более значительных поводов (достаточно вспомнить провокационное по отношению к Англии поведение Германии во время Англо-бурской войны или Агадирский инцидент 1911 г., поставивший Францию и Германию на грань вооруженного столкновения). Но именно эта кажущаяся нелогичность, когда именно наименее значительный из целой череды кризисов породил самую грандиозную катастрофу, доказывает, что ситуация объективно созрела для войны — не хватало только повода. Который, естественно, появился.

Война лишь продемонстрировала более явно все проблемы, от которых страна страдала в мирное время. В академических и даже бюрократических кругах в начале века много говорили о необходимости проводить меры в области образования, о том, чтобы повышать, говоря современным языком, социальную мобильность, но радикальных перемен не наступало. Никто почему-то не задумывается о том, что этому мешали не только те или иные практики государства и общества, но мешало и само существование старой элиты, которая, занимая все ключевые посты, наглухо блокировала каналы социальной мобильности. Забегая вперед, напомним историю про «философский пароход», когда большевики разом выслали из страны значительную часть старой академической элиты. Можно по этому поводу гуревать, а можно сделать вывод, что тем самым были созданы условия для продвижения новых научных кадров

и предпосылка для того самого рывка отечественной науки, которым мы до сих пор гордимся.

Революция 1917 г. смела старые элиты и не просто заменила их новыми людьми, но и создала качественно новые каналы социальной мобильности. Однако она решила и другую задачу, ключевую с точки зрения миросистемного подхода.

Самир Амир подчеркивает, что условием успешного развития является *de-linking*, отключение страны от мировой системы. Причем речь идет не об автаркии или уходе с мировых товарных рынков, а о том, чтобы ваше собственное развитие перестало обслуживать накопление капитала в странах «центра». Фундаментальная причина «отставания» одних стран от других состоит не в отсутствии необходимых для развития технологий или институтов, а в том, что ресурсы и прежде всего капитал в открытой экономической системе постоянно перераспределяются от стран «периферии» к странам «центра» (что вполне естественно, поскольку именно там могут быть обеспечены наиболее эффективное использование и наибольшая концентрация капитала). Для того, чтобы ресурсы не перераспределялись таким образом, системе надо сломать, перекрыв каналы их перераспределения (что, однако, вовсе не означает отказа от внешней торговли, обмена технологиями или тем более — идеями).

Отказавшись заплатить внешние долги и национализировав крупные компании, большевики решили эту проблему, поскольку остановили переток капитала из страны по направлению к центру мировой системы. Но проблема была решена лишь частично, поскольку структура экономики нового государства — Советского Союза — в начале 1920-х гг. оставалась периферийной, зависящей в своем развитии от внешних рынков⁵. Эта проблема была решена в ходе Великого перелома и последовавшей за ним индустриализации. Решена была, мягко говоря, не самым гуманным способом. И мы имеем право задать вопрос: были ли возможны иные сценарии, не связанные с массовыми репрес-

⁵ Подробнее см. *Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М., 2016.*

сиями против крестьянства, которое фактически должно было заплатить за индустриальный рывок в буквальном смысле миллионами жизней. Однако так или иначе, но проблема была решена, перелом состоялся.

Победа в Великой Отечественной войне стала возможна благодаря этому перелому. Мы можем спорить о роли Сталина (особенно на первом этапе войны и в период подготовки к ней), мы можем по-разному оценивать роль советских военных лидеров, включая маршала Жукова. Однако существенно то, что победа была, в конечном счете, predeterminedена экономической мобилизацией. Эвакуация промышленности из западных регионов СССР в 1941 г. явилась беспрецедентным фактом мировой экономической истории, и именно она решила исход борьбы. Потому что не принципиально важно, насколько отставало немецкое наступление от первоначальных планов командования. Принципиально важно то, что в полном соответствии с замыслами А. Гитлера и его окружения под оккупацией оказалась территория, на которой находилась большая часть советской промышленности. Если бы эта промышленность в самом деле была бы потеряна для СССР, воевать было бы нечем. И никакой ленд-лиз эту проблему бы не решил. Но промышленные предприятия были эвакуированы и начали в кратчайшие, почти невообразимые сроки работу на новых местах в восточных областях страны. Летом и осенью 1941 г. из западных регионов СССР было эвакуировано 1523 промышленных предприятия и 10 миллионов людей⁶. Никакая другая модель экономики, кроме советского планового хозяйства, ничто подобного никогда не делала и не могла сделать. Это уникальный исторический опыт. Войну выиграла именно советская плановая экономика, строившаяся на основе социалистических идей⁷.

⁶ См. Всемирная история: в 10 тт. / Под ред. Е.М. Жукова. Т. 10. М., 1965. С. 123.

⁷ Любопытно, что значение военной перестройки советского хозяйства порой недооценивалось и советскими историками, уделявшими основное внимание именно военному противостоянию и событиям на фронтах, из-за чего экономическое соревнование немецкой и советской промышленности в 1941–1943 гг. уходило на второй план.

Выводы из всего вышесказанного очевидны. Да, можно было уменьшить потери, сделать процесс преобразований менее жестоким, избежать многочисленных ошибок и проступлений. Но избежать потрясений и потерь в принципе было все равно невозможно. Более того, в истории России, как и в истории всех других стран, величие достигается именно через потрясения — через социальный слом, ломку существующих структур, преодоление консервативных общественных тенденций, радикальное изменение правил игры и преодоление традиционных ценностей, препятствующих модернизации.

История не пишется на заказ, она определяется исходными обстоятельствами, в которых действуют люди. А эти исходные обстоятельства были таковы, что для модернизации страны необходим был радикальный слом прежней модели. Иными словами, потрясения.

Урок для нашего времени состоит в том, что ускорить развитие без социальных преобразований и без преодоления тех *внутренних* структур, которые определяют периферийный характер экономики и внешнюю зависимость, невозможно. Вопрос не в том, какие цели провозглашаются государством, а в том, насколько движение к этим целям соответствует специфическим интересам господствующим групп. Именно поэтому призывы к диверсификации экономики России и преодолению ее зависимости от экспорта углеводородного сырья не только не привели к изменению хозяйственной структуры в период высоких цен на нефть (2001–2013 гг.), но не увенчались сколько-нибудь масштабными преобразующими мерами после того, как в 2014–2015 гг. нефтяному процветанию пришел конец. Внешняя зависимость не может воспроизводиться без опоры на внутреннюю структуру. Поэтому, кстати, никакая борьба с агентами Запада в политике не имеет перспективы в условиях, когда зависимость от иностранных рынков, капитала и технологий является внутренним структурным принципом самой российской экономики и питательной средой для воспроизводства действующего правящего класса. Поэтому наивно надеяться, будто можно занять качественно новую нишу на международном уровне,

а внутри страны все оставить по-старому. Надеждам тех, кто в начале XXI века, как и сто лет назад, мечтает, говоря словами поэта И. Кормильцева, въехать в вечность «на мягких подушках», не суждено сбыться. И обращаясь к прошлому, мы должны там искать не аргументы в пользу застоя, а примеры консерватизма и замшелых традиций, а примеры радикального действия, решительности, преобразований, которыми мы можем и должны гордиться как великими достижениями отечественной истории. Именно революция вместе со всеми ее трагическими последствиями сделала советскую Россию великой мировой державой и образцом, вдохновлявшим другие страны и народы на протяжении значительной части XX века. Очень дорогой ценой были куплены успехи всемирно-исторического значения, предопределившие направление развития не только в нашей стране, но и создавшие предпосылки для перемен в других странах — от создания социального государства на Западе до деколонизации Азии и Африки. Сейчас все эти достижения оказываются под угрозой либо вовсе утрачиваются. Но это лишь значит, что нам — России и человечеству — предстоит новый виток жестокой борьбы за социальный прогресс и ценности Просвещения.

Отсюда — самый последний вывод, который относится к прошлому так же, как и к будущему. Если мы хотим великой России, нам нужны великие потрясения.

Нелипович С.Г.

АНТИНЕМЕЦКАЯ ПРОПАГАНДА В РОССИИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье анализируется деятельность российской пропаганды в первые месяцы Первой мировой войны на территории Царства Польского. При создании образа врага упор делался на продвижение идей «борьбы с засильем германизма» и «освобождения славянства», которые в дальнейшем стали использоваться для легитимации различных репрессивных мер и массовых депортаций. Хотя пропаганда и удалось блокировать усиления германских пропагандистов по сплочению возмужавших слоев населения Царства Польского, в целом попытки развить антинемецкие настроения в польском и еврейском сообществах так и не удалась.

Ключевые слова: пропаганда, Первая мировая война, немецкое засилье, Калиши.

Nelipovich S.

ANTI-GERMAN PROPAGANDA IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF WWI

Abstract: The articles is devoted to Russian propaganda at the beginning of the WWI in Polish regions. The image of the enemy was created with the emphasis on promoting the ideas of the “fight against the domination of Germanism “ and the “liberation of the Slavs “. These ideas later were used to legitimize a variety of repressive measures and mass deportations . Despite the fact that propaganda managed to block the efforts of the Germans to raise sympathy among possible collaborators, it failed to develop anti-German sentiments among Polish and Jewish communities.

Key words: propaganda, the First World War, German domination, Kalisz

Первая мировая война, ставшая трагическим прологом XX столетия, принесла множество коренных изменений в общественную жизнь. Одним из них была тотализация конфликта — война должна была вестись не только на поле боя, но и проникнуть в сознание людей.

На первый взгляд это было новым явлением после так называемых «чистых» конфликтов XIX века. Но стоит вспомнить о наполеоновских войнах, когда английская и русская сторона не жалели средств для пропагандистских кампаний. Во многом и освобождение Германии от французской оккупации в 1813 г. не могло бы свершиться без основательной идеологической подготовки.

Для Российской империи, имевшей давние дружественные экономические, культурные и династические связи с Германией, вступление в войну с ней означало и серьезный кризис в общественном сознании. О неприятии войны народными массами было написано много, однако нельзя не признать, что определенная эйфория, связанная с объявлением войны, имела место в русском обществе, а точнее сказать, в привилегированной его части, были и старания распространить верноподданнические чувства на все слои общества.

Сделавший почти блестящую карьеру во время Первой мировой войны генерал от кавалерии А.А. Брусилов писал в мемуарах, что солдаты не знали «истинных» целей войны, а именно «борьбы с германизмом», против «немецкого засилья». Он возлагал ответственность за это на правящие круги, которые, по его мнению, недостаточно внушали простому солдату идею великой борьбы славянства против немцев¹. Насколько это соответствовало действительности?

Анализ даже небольшого количества опубликованных архивных источников рисуют иную картину. Уже в манифесте о войне от 20 июля (2 августа) 1914 г. император Николай II заявил о защите братьев-славян против немцев. В объявлении верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича также говорилось об «исторической миссии» освобождения славян, историческими врагами и угнетателя-

¹ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 198–200.

ми которых выступали, естественно, немцы. Такой же смысл имело и воззвание великого князя к полякам от 1 (14) августа 1914 г. Одновременно 29 июля (11 августа) 1914 г. последовала депортация немецкого населения (русских подданных) из окрестностей крепости Новогеоргиевск — на расстояние не менее 25 верст. При чем эта мера постигла поселенцев, получивших земельные наделы по указу от 19 февраля 1864 г. (то есть потомков сохранивших верность режиму во время польского восстания 1863–1864 гг.)².

«Идеологическая» подготовка к конфликту началась гораздо раньше. За неделю до объявления войны 13 (26) июля 1914 г. было высочайше утверждено «Положение о подготовительном к войне периоде» (постановление Совета министров). Оно включало и изменения в правилах цензуры. Так, под запрет попала вся информация о «действительном положении иностранных выходцев и поселенцев» на территории России, прежде всего о «немцах-колонистах»³.

1 (14) августа 1914 г. были приняты меры и военным командованием. В приказе № 30 главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала от артиллерии Н.И. Иванова в частности говорилось: «Разъяснить всем чинам вверенных мне армий, от последнего рядового, основную мысль, ради которой Россия взялась за оружие. Разъяснить, что Россия воюет по дерзкому вызову общих врагов всего славянства — Германии и Австрии». Далее говорилось о необходимости для поляков соблюдать «полную лояльность»⁴.

Еще одной стороной пропагандистской подготовки к антинемецкой кампании стало перепечатанное в полковых приказах 16-й пехотной дивизии обращение («рапорт») ломжинского раввина и известного талмудиста Л.М. Гордина от

² Archiwum Państwowe Miasta Stołecznego Warszawy (Polska; dalej APW). Zespol Kancelaria Gubernatora Warszawskiego. Referat I. Tajny. Jedn. Arch. 576. Переписка о выселениях «неблагонадежных». Л. 181.

³ APW. Zespol Kancelaria Gubernatora Warszawskiego. Referat I. Tajny. Jedn. Arch. 575. [Перечень сведений, не подлежащих оглашению в печати]. Л. 1–3.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2685. Оп. 2. Д. 116 а. Л. 126. Это верно?

4 (17) августа 1914 г. В нем раввин сообщал о сделанном им призыве к евреям во всех синагогах: «Каждый еврей, знающий, где немцы прячутся, или знающий кое-что, могущее принести пользу отечеству вообще, а нашим военачальникам и полиции в особенности, обязан непременно сейчас об этом донести начальству». Кроме этого, он толковал фразу об «амалакитянах» Пятикнижия, которых Бог повелел стереть с лица земли, именно как о немцах — «народе Амалака»⁵.

Наконец, 5 (18) августа от Верховного главнокомандующего последовало «Воззвание к русскому народу» (славянскому, по большей части украинскому населению Галиции), где завоевание Галиции преподносилось как освобождение «подъяремной Руси» и «завершение дела великого князя Ивана Калиты»⁶.

Таким образом, накануне объявления войны и в первые ее дни, еще до развертывания активных действий (как раз накануне вторжения в Восточную Пруссию и Галицию) в действующей армии велась пропаганда, направленная в первую очередь на разъяснение, а по большей части на декларацию цели войны как борьбы с «немцами» и освобождение «славянства». Упор делался на изоляцию Германии от наиболее вероятных «сочувствующих» — поляков и евреев Царства Польского. Последнему способствовал и «Калишский инцидент» (репрессии против населения губернского города Калиш, на улицах которого были обстреляны неизвестными лицами германские войска), раздутый пропагандой до размеров чудовищного преступления против человечества и ставший расхожей темой «лубочных картинок». Пропагандистская война дала свои плоды. Даже после окончания войны один из лидеров польского национального движения Е. Оренски отмечал: «Если бы не было погрома в Калише, манифест великого князя наверняка был бы воспринят с большей сдержанностью, которой он целиком заслуживал. Он ведь не давал ничего, кроме общих мест и туманных фраз. Немецкая же прокла-

⁵ РГВИА. Ф. 2628. Оп. 2. Д. 76. Л. 106.

⁶ APW. Zbiór Korotyńskich - X. Л. 31.

мация, обещавшая полякам "вольность и независимость", после Калишского погрома не воспринималась иначе, как фразерство»⁷.

В дальнейшем портрет «германца» стал обрисовываться четче. 6 (19) сентября 1914 г. впервые в официальной газете военного ведомства «Русский Инвалид» появился термин «немецкое засилье» и «засилье немца». Автор статьи, В. А. Алексеев, правда, сравнивал это «явление» с более страшным, по его мнению, засильем водки и вина в России [14, с.5]. Но это был один из первых намеков на «внутреннего врага», так как статья описывала колонию гернгутеров в Сарепте. 8 (21) октября в газете появился материал «Великая война славян за освобождение от немецкого засилья», где уже не скрывалось отношение к «немецко-колонистам» как к агентам «германизма» в России [15, с.4].

В начале октября 1914 г. (новый стиль) главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта объезжал войска на Варшавском направлении и выступал с краткими речами, в которых четко конкретизировал образ врага: это немцы, считающие славян скотом, навозом для удобрения «их немецких полей», которым на юге России сейчас принадлежит будто бы 70% земли. В частности, выступая 23 сентября (5 октября) перед л.-гв. Волынским полком, Н.И. Иванов прибавлял: «Среди вас есть много честных обруселых немцев. Не смешивайте их с врагами нашими. Они те же русские, а начальники из них заботятся о солдате»⁸. Так конкретизировался образ врага: германские войска, ведущие боевые действия, и немцы, владеющие землей в России, но не офицеры немецкого происхождения, то есть поселяне-собственники, именуемые уже тогда официально «немцами-колонистами».

В это же время в Варшаве были получены доносы о якобы имевшей место массовой сдаче в плен саратовских немцев. Не говоря уже о том, что укомплектованные в Казанском военном округе части не воевали под Варшавой,

⁷ Archiwum Akt Nowych (Polska; dalej AAN). Zespol Biuro prac kongresowych przy MSZ w Warszawie. Jedn. arch. 206. Л. 4-5.

⁸ РГВИА. Ф. 2573. Оп. 2. Д. 141. Л. 66.

следует отметить здесь «инициативу снизу», которая не могла в тех условиях проявляться без «команды сверху». Речь идет о доносе Б. Сувальды, обвиненного в клевете и прибежавшего к заведомо ложному «важному» заявлению о сдаче в плен и даже о переходе на сторону противника около ста солдат «из немцев» у фольварка Гонсин. Разбирательство длилось с середины ноября 1914 г. по 7 января 1915 г. (по ст.ст.), но национальность славившихся не была установлена⁹. Для пропаганды эти «частные детали» были уже не важны.

С перенесением боевых действий на территорию Варшавской губернии случайные и стихийные самочинные аресты и задержания «подозрительных» приняли более регулярный характер. Если в августе 1914 г. такие инциденты были редкими, то 25 октября (7 ноября) 1914 г. распоряжением Варшавского генерал-губернатора генерал-лейтенанта А.Ф. Турбина все задержанные подлежали высылке как «подозреваемые в шпионаже»¹⁰.

«Программным» выступлением против крестьян немецкого происхождения стала большая статья Х. Верченского «Немецкое кольцо» (Pętsięć Niemceki) в журнале Tygodnik Pustowany («Иллюстрированный Еженедельник») № 45 за 1914 г. Позднее автор работал в МИДе Польши, готовя «идеологическое» обоснование для лишения немцев земли в Польше: «Теперь мы хорошо осознаем, что эта тихая добровольная колонизация на польских землях и далее — к богатым землям южной России, есть планомерное создание немецких плацдармов к востоку и усилению их с конечной целью вытеснения местного населения и замены его на немцев-колонистов. И потому борьба с немцами, сдерживание волны, идущей с запада, есть дело, касающееся не только поляков, но и России. Общая защита наших

⁹ APW. Zespol Kancelaria Gubernatora Warszawskiego. Referat I. Tajny. Jedn. Arch. 610. Распоряжения Варшавского генерал-губернатора. Л. 2, 3, 6.

¹⁰ APW. Zespol Kancelaria Gubernatora Warszawskiego. Referat I. Tajny. Jedn. Arch. 582. Донос Болеслава Сувальды 15 ноября 1914 г., материалы допросов и переписка с начальником Блонского уезда статским советником А.Ланским по 7 января 1915 г. Л. 135.

интересов велит обоим народам — польскому и русскому — воевать с немцами в едином строю»¹¹.

Автор прямо писал о «направленности и планомерности географии расселения», о «направлении колонизации по утвержденному свыше плану». Колонии (907 и присутствие немцев в 2179 польских деревнях) назывались им не иначе, как «левое крыло армии немцев-колонистов» (о поселениях в Сувалкской губернии), «самое сильное крыло немецкой колонны» (Калишская и Петроковская губернии — более 320 тыс. человек), «запасная коммуникационная линия» (Радомская и Люблинская губернии). Он обращал внимание на то, что во всех 27 гминах на левом берегу Вислы и в 18 на правом берегу живут немцы-колонисты — «форпост» германской колонизации (приводится число населения по гминам Плоцкой, Варшавской, Люблинской и Радомской губерний — 66075 человек, но это чуть более четверти живших там немцев, или 10–11% немцев Царства Польского)¹².

В «реферате» указывалась и «главная вина» немцев-колонистов. Х. Верченский подчеркивал: «Если бы [немцы-колонисты] были равномерно расселены по всему краю, то давно бы ассимилировались, как их предшественники — голландские буры или немецкие бюргеры Кракова». Особенно досталось школам: «Дети до 7–10 лет не знают другого языка, кроме немецкого. Их густонаселенные школы, так называемые кантораты, с исключительно немецким языком, воспитывают не только их общий язык, но и чувство, обязанность, идеалы немцев. Старшие поддерживают связь с родной литературой и периодическими изданиями, которые выписываются в большом количестве»¹³.

Военные трудности и постепенное осознание длительного, затаянного характера войны усиливали пропагандистские меры, но одновременно и ослабляли их воздействие на

¹¹ AAN. Zespol Biuro Prac Kongresowych przy MSZ w Warszawie. Jedn. Arch. 177. Л. 2–3.

¹² Archiwum Akt Nowych (Polska; dalej AAN). Zespol Biuro Prac Kongresowych przy MSZ w Warszawie. Jedn. Arch. 177. Л. 8–12.

¹³ Archiwum Akt Nowych (Polska; dalej AAN). Zespol Biuro Prac Kongresowych przy MSZ w Warszawie. Jedn. Arch. 177. Л. 13.

население. Поздней осенью 1914 г. русское военное командование должно было признать, что ни лишить вооруженные силы противника поддержки среди, главным образом, не немецкого населения Царства Польского, ни завоевать симпатии населения Галиции в качестве «освободителей от немцев» не удалось. Практика власти Российской империи не изменилась, и упоминание о «собирании земель» именно вокруг Москвы не вызывало поддержки. Находившийся на занятой территории Галиции член Государственной думы граф В. Бобринский признавался: «Если ... восточная Галиция и Буковина будут совершенно обукраинены, то тогда вся сила вражеского натиска будет направлена на нашу Малороссию, и украинская пропаганда у нас значительно усилится. Мы спасаем не галичан, не буковинцев, не угорусских: они тут все ни при чем, а спасаем только самих себя»¹⁴.

Новая публицистическая волна готовила вполне осознанное решение о депортациях и лишении собственности немецкой диаспоры в Российской империи. В ряду грядущих решений стоит и повеление Верховного главнокомандующего по отношению к вопросам частной собственности на территории Германии. Оно было провозглашено в секретной директиве начальника штаба армий Северо-Западного фронта В.А. Орановского и генерал-квартирмейстера М.Д. Бонч-Бруевича от 27 сентября (9 октября) 1914 г.: «Главная задача военных действий есть стратегическое одоление неприятеля, разгром его армии. Наряду с ней нельзя однако забывать — и это в особенности приложимо к Германии, — как стране интенсивного экономического развития и капиталистического строя жизни — о другой задаче: истощении жизненных сил врага, подрыва благосостояния нации как целого... Ввиду того, что частное имущество является по существу достоянием общенациональным и жизненным нервом общенациональной производительной деятельности, принцип неприкосновенности может иметь лишь относительное применение. В той борьбе, в которую

¹⁴ *Запоровський В. Буковина в останній війні Австро-Угорщини 1914–1918. Чернівці, 2003. С. 28.*

мы вовлечены, было бы непростительно руководствоваться отвлеченными, шаблонно-формальными началами к их истинному современному значению и кругу действия в конкретных случаях»¹⁵.

12 (25) декабря 1914 г. в «Русском Инвалиде» появляется статья Л.В. Евдокимова «Немецкие крепости на русской земле», где поселения немцев-колонистов объявлены специально укрепленными местами для армии противника¹⁶. В это же время начинается депортация немцев-колонистов с левого берега Вислы — первое полное выселение без каких-либо определенных законом оснований. Вскоре оно будет дополнено выселением с правого берега, по сторонам от железных дорог, и наконец — полной депортацией из Царства Польского, совпавшим с подписанием первого «ликвидационного закона» от 2 (15) февраля 1915 г.

Анализ приведенных документов и публикаций показывает, что «идеологическая подготовка» к войне с Германией и формирование в массах образа врага-немца как извне, так и внутри страны, была начала до объявления войны 1 августа 1914 г. Провозглашенные лозунги «борьбы с германизмом» и «освобождение славянства от немецкого засилья» вскоре получили характер оправдания репрессивных действий против части населения собственной страны, отличавшейся если не полной лояльностью, то аполитичностью. Направить на немецкую диаспору поляков и евреев, как наиболее массовое население приграничных губерний, вплоть до принятия решений о депортации не удалось. Более того, и эти народы были также затронуты политической секвестров собственности и выселения.

Попытки национального стравливания уступают к концу 1914 г. новому направлению — обвинением в адрес немецкой общины России в привнесении враждебного влияния, в подготовке к вражескому вторжению, наконец — в «мирном завоевании». В будущем это стало частью обоснования в глазах «общественного мнения» практики

¹⁵ РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 917. Л. 267–268.

¹⁶ *Евдокимов Л.В. Немецкие крепости на русской земле // Русский инвалид. 1914. 12 дек. С.4.*

депортации и лишения собственности. Эти попытки в целом надо признать неудачными, поскольку масса сельского населения, кому собственно и адресовалась анти-немецкая агитация, не могла ее воспринимать по причине малограмотности и слабого распространения печатных изданий вообще.

Тем не менее, следует рассмагивать пропагандистские шаги военного и гражданского руководства Российской империи, направленные против немецкой общины страны, в общем контексте ведения «тотальной войны» не против государства, а против народа, что стало характерной и трагической чертой конфликтов XX века.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Приказ главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала от артиллерии Н.И. Иванова от 1 (14) августа 1914 г.

Разъяснить всем чинам вверенных мне армий от последнего рядового основную мысль, ради которой Россия взялась за оружие. Разъяснить, что Россия воюет по дерзкому вызову общих врагов всего славянства — Германии и Австрии, из которых последняя совершила разбойничье нападение на братское нам славянское государство — Сербию.

Развязывая войну, Австрия руководствовалась только материальными расчетами. Постоянная защитница славянства — Россия, вновь решительно вступающая в этой роли, как всегда, движима одними нравственными побуждениями. Поэтому живущие в России и за рубежом поляки, доказавшие своим поведением понимание ими идеи борьбы за независимость и величие славянства, а в связи с этим — полную законность отношения к нашим армиям и правительственным постановлением, будут находиться под особым покровительством тех и других. Личная и имущественная безопасность поляков от каких бы то ни было насильий будет ограждена самыми решительными мерами. Всякие нарушения личных и имущественных

прав поляков, не уличенных во враждебных к России действиях, будут караться по всей строгости законов военного времени.

РГВИА. Ф. 2685. Оп. 2. Д. 116а. Л. 126. Цитируется по объявлению в приказе по 71-му пехотному Белевскому полку.

Приложение 2.

Равнин города Ломжи Ломжинского божищного округа Л.М.Гордин — его высокоблагородию господину коменданту г. Ломжи, 4(17) августа 1914 г.

РАПОРТ

В военное время, в котором мы живем, внушает мне доложить Вашему Благородию, как Господину Коменданту города Ломжи, о следующем.

В местной синагоге и во всех молитвенных домах в городе Ломже я обнаруживал: каждый еврей, знающий, где немцы прячутся, или знающий кое-что, могущее принести пользу отечеству вообще, а нашим военачальникам и полиции в особенности, обязан непременно сейчас об этом донести начальству. Слыша сии слова, весь народ с восторгом отвечал: «мы охотно это сделаем».

Также считаю своим долгом присовокупить тут и следующее.

Еврей, по традиции здешнего края, питают чувство сильной ненависти к Германии, и зная хорошо, что она мать юдофобства и антисемитизма (известно всем, что на почве Германии родился выродок — антисемитизм, открывший Пандорин ящик в отношении к живущим по всем частям света евреям), считая немцев амалакитянами, или, вернее, потомками Амалака, о котором Моисеево пятикнижие — Исход 17 ст.14 и 15; Второзаконие 25 ст.19 — гласит: MILCHOMO LAASCHEM BAAMELEK, TUMSHE ZESHER AMALRA, что на отечественном языке значит: «Сам Бог воюет с Амалаком, согри с лица земли потомков Амалака», пламенно желают погубели немцам и всячески стараются прийти на

помощь нашей русской доблестной армии. Все вышеизложенное я хотел словесно доложить *(так в оригинале — С.Н.)* Вашему высокоблагородию 2-го сего августа, когда желал иметь у Вас аудиенцию и говорить об амалакитах в пос. Новоград.

С молитвою на устах о ниспослании победы нашему русскому оружию, должествующему спасать теперь отечество и сынов его от врагов, сиречь, немцев-амалакитян, я кончаю сей рапорт.

Российский государственный военно-исторический архив.
Ф. 2628. Оп. 2. Д. 76. Л. 106. Обнародован в приказе по 14-му пехотному Олонецкому полку.

Приложение 3.

*Из приказа по Лейб-Гвардии Волынскому полку
от 23 сентября (6 октября) 1914 г.*

22-го сего сентября на переходе полка из Гарволина в район посада Колбель, в лесу между дер. Михалувка и Липувка, изволил смотреть на походе Главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта генерал-адъютант Иванов. Обходя полк, собранный по-батальонно в резервные колонны, Его Высокопревосходительство изволил обратиться к волынцам со следующими приветом:

«Желаю вам, братцы, успеха, доброго здоровья, счастья, побед. Вам не привелось еще быть в бою, но я уверен, что вы в нем послужите царю также, как немало потрудились и теперь. Помните, ребята, что вы сражаетесь с немцами, которые считают нас, славян, за быдло, рабочий скот, который на них, немцев, должен работать, Один важный немецкий сановник на совещании высказался, что славяне — это навоз для немцев, который им нужен для удобрения их немецких полей. Знайте, что несколько десятков лет тому назад на юге России было земли в руках немцев и жидов 30%, а в руках русских — 70%, ныне наоборот, в руках немцев и жидов — 70%, а в руках русских — 30%. Вот так жмет немец. Потихоньку да полегоньку. Жмет по закону по-немецки, а жить русскому человеку все трудней и трудней. Русских

в Австрии было 4 миллиона, поляков — 10 миллионов, других славян под немцем до 40 миллионов. Своих славян немец уже задушил, теперь и до нас хочет добраться».

Затем главнокомандующий изволил добавить: «Среди вас есть много честных обруселых немцев. Не смешивайте их с врагами нашими. Они те же русские, а начальники из них заботятся о солдате».

РГВИА. Ф. 2573. Оп. 2. Д. 141. Л. 66.

Приложение 4.

Приказ командующего 10-й армией генерала от инфантерии генерала от инфантерии Ф.В. Сиверса от 1 ноября 1914 г. № 123

Согласно повелению Верховного главнокомандующего при действиях вверенных мне войск в пределах Германии предписываю:

1. Ввиду явно враждебного к нам отношения немецкого и еврейского населения удалять всех жителей немцев и евреев мужского пола и рабочего возраста вслед за отсутствующим неприятелем.

2. Тщательно осматривать госпитали и больницы, поручая это дело офицерам, объявлять военнопленными всех находящихся там здоровых и отправлять немедленно их в тыл.

3. Брать в крупных населенных пунктах заложников из числа наиболее зажиточных и почетных жителей немцев, объявляя им и местному населению, что заложники отвечают жизнью за всякое проявление враждебности к нашим войскам.

4. За малейшее проявление враждебности местных жителей к нашим войскам налагать чувствительные контрибуции властью старших начальников до начальников дивизий включительно.

5. Принимать меры предосторожности в ограждение себя от присущего германцам вероломства. Такими мерами могут служить обыски, осмотры погребов и печей, запре-

щение выхода из домов от наступления темноты до расвета, недопущение выезда и въезда в населенные пункты и запрещение работ в поле и в лесу.

6. За выдачу жителями скрытых станций радиотелеграфа, подземных проводов и телефонов, стоянок воздухоплавательных аппаратов немедленно давать крупные денежные награды за счет взыскиваемых контрибуций.

7. В самой широкой мере применять административную и войсковую реквизицию, преследуя мародерство со всюю строгостью закона.

8. Излишек собранных или обнаруженных в складах запасов вывозить в Россию, в пункты по выбору главного начальника снабжений.

9. Сбор местных средств производить эксплуатационными командами, образуя их из состава отдельных дружин, приданных начальнику этапно-хозяйственных отделов каждой армии.

10. Имущество частных лиц, проявивших враждебные действия против нас, уничтожать немедленно.

11. Всякое казенное имущество, принадлежащее Германскому государству, если его нельзя вывезти, уничтожать или приводить в полную негодность, а равно уничтожать железные дороги, кроме тех, которые приказано будет сохранять.

12. В видах подрыва обрабатывающей промышленности и подрыва этим благосостояния Германского государства основательно портить машины на казенных и частныхладельческих фабриках, поручая это дело саперам.

13. Уничтожать всякого рода оборонительные сооружения, укрепления и блокгаузы.

За уклонение от настоящего приказа или за неточное его исполнение буду налагать самые строжайшие взыскания.

РГВИА. Ф. 3744. Оп. 2. Д. 8. Л. 119 и об.

Цитата по приказам 68-й артиллерийской бригады.

Асташов А.Б.

МОРАЛЬНЫЙ ДУХ И НАСТРОЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. В статье на архивных и статистических материалах исследуются основания и трансформация настроений и морального духа русской армии в годы Первой мировой войны. Автор приходит к выводу, что военный опыт участия в современной войне большинства солдат-крестьян русской армии привел к формированию новых установок, обусловил их политику и участие во революции 1917 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, военный опыт, русская армия, настроения, моральный дух, революция 1917 г.

Astashov A.

THE MORALE AND MOOD OF THE RUSSIAN ARMY IN WORLD WAR I.

Abstract: The article on archival materials researched and statistical bases and transformation of attitudes and morale of the Russian army during the First World War. The author concludes that the military experience in modern warfare most of the peasant soldiers of the Russian army led to the formation of new plants, and caused their politicization and participation in the Revolution of 1917

Keywords: The First World War, military experience, the Russian army, mood, morale, 1917 Revolution

При характеристике настроений в русской армии в годы Первой мировой войны необходимо учитывать ее состав, менталитет, довоенный и главное — военный опыт, повлиявший на смену настроений и формирование новых установок, с которыми армейские массы ушли с войны на гражданку.

В количественном отношении русская армия в течение всей войны составляла 6–6,5 млн. на фронте, включая передовую и ближний тыл, и около 1,5 млн чел. в глубоком тылу — в составе гарнизонов и запасных частей. Но в связи с большими потерями убитыми, ранеными и пленными русская армия изменялась в качественном, социальном, возрастном и иных отношениях. Поэтому можно говорить о трех составах (контингентах) армии.

Первый контингент армии состоял в основном из ее кадрового состава, действовавшего на начало войны, и запасников, прошедших военную службу ранее. Этот контингент принял участие в маневренной войне в 1914–1915 гг., в ходе которой он понес гигантские потери, почти перестав существовать к осени 1915 г.

Второй контингент армии был представлен сохранившейся частью кадрового состава, но главное — громадной частью ратников ополчения. Именно этот состав армии противостоял противнику в упорных позиционных, перемавшихся с наступательными боях в конце 1915 — 1916 гг., и также понес значительные потери к осени 1916 г.

Третий контингент армии состоял из еще более уменьшившейся части кадрового состава и продолжавшей возрастать части необученных ратников ополчения, а главное — все возрастающей части новобранцев внеочередных призывов, в основном молодежи в конце 1916 г. Этот контингент испытал тяжелый моральный кризис, переросший в 1917 г. в коллапс армейской машины¹.

¹ Россия в мировой войне 1914–1918 (в цифрах). Издательство: Москва: Центральное статистическое управление. Отдел военной статистики, 1925. (Далее: Россия в мировой войне...) С. 17; Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг. (Сборник документов). Куйбышев: Издание Куйбышевской военно-мед. академии Красной армии, 1942. (Далее: Санитарная служба...) С. 7, 8, 79, 92, 142; Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. Вып. 1. С. 137; Гаврилов Л. М., Кутузов В. В. Перепись русской армии 25 октября 1917 г. // История СССР. — 1964. — № 2. — С. 87–91; Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1210. Л. 13; Ф. 2000. Оп. 2. Д. 6. Л. 122, 130; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 497. Л. 142, 185.

Важные изменения в течение войны происходили и в качественном составе армии. Первый ее состав был хорошо обучен и вполне соответствовал маневренному характеру войны на ее начальном этапе. Но уже второй контингент из-за особенностей призывной степени был плохо обучен и мало дисциплинирован². Будучи в преобладающей степени крестьянским, он нес на себе значительный груз традиционализма, что резко контрастировало с нараставшим техническим характером современной войны, требовавшей повышенной обученности и дисциплинированности. Это давало повод командованию называть армию этого состава ополчением «совершенно скверно-милиционного характера»³. Наконец третий состав не только был еще менее обучен, но и испытал влияние протестных и революционных настроений революции 1905–1907 гг. и после нее. В конце 1916 г. этот контингент состоял в значительной степени из хулиганствующих, антивоенных, а порою и преступных элементов, отражавших подобные настроения внутренней России в период разразившегося социально-экономического кризиса накануне 1917 г.⁴

Наиболее важным фактором качественного изменения русской армии было постоянное уменьшение части обученных солдат кадровой действовавшей, довоенной армии, включая призывников, и наоборот, увеличение необученной части. Это означало, что армия в 1914–1917 гг. все менее отвечала нараставшему характеру современной технической войны. Этому явлению соответствовал и социальный состав армии, отражавший социальное разнообразие остальной России. На 84–88% армия состояла из членов крестьянского и мелкотоварного традиционного хозяйства с характерными для мелкотоварных сообществ обычными чертами: патриархальностью, недостатком ин-

² Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж, 1939. Т. 1. С. 29–30.

³ Брусилев А. А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 124.

⁴ См. письмо Протопресвитера русской армии и флота Г. Шавельского в январе 1917 г. в Ставку ВГК о состоянии русской армии: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8072. Л. 2–4.

новационных технологий, локальностью, зависимостью от традиций семьи и корпорации⁵.

Существующие комплексы источников отражают достаточно подробно характер и трансформацию настроений русской армии на протяжении всей войны. Основными источниками по характеристике настроений в армии являются материалы военной цензуры, проводившей подобный мониторинг солдатских настроений с лета 1915 г. и вплоть до весны, а в некоторых армиях и до осени 1917 г. По 1917 г. подобный мониторинг представлен в отчетах комиссаров фронтов и армий и охватывает период вплоть до ликвидации русской армии. Существенным дополнением к материалам цензуры является переписка между штабами различных уровней во время морального кризиса армии (отступления 1915 г.; братания весной 1916 г.; солдатских бунтов поздней осени 1916 г. — зимы 1917 гг.). Еще одним источником являются статистические сведения и переписка о воинских преступлениях во время войны.

Указанные источники обладают некоторыми особенностями. Так, в наиболее объемных материалах о настроениях солдат — военной цензуры — письма собственно о войне составляют только 2–5% корреспонденции. Но именно по этой части высказываний и строятся в литературе вычисления «бодрых» и «угнетенных» настроений⁶, что не отражает картину настроений в армии в целом. Остальная часть писем, свыше 90%, не касалась собственно военных действий и не отражала прямых настроений о войне («письма не о войне», как их называли цензоры). Однако применение к этим письмам методики обработки «ненамеренных свидетельств»

⁵ *Гаркавенко Д. А.* Социальный состав вооруженных сил России в эпоху империализма // *Революционное движение в русской армии в 1917 г. М.: 1981. С. 38; Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 288.*

⁶ *Поршнева О. В.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004; *Нарский И. В.* «Я как стал среди войны жить, так и стала мне война, что дом родной...». Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // *Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. / Редкол.: И. В. Нарский и др. Челябинск, 2007. С. 496–497.*

(отношение к дому, семье, хозяйству, к условиям быта на войне и т. п.) дает существенные результаты для выявления настроений основной солдатской массы в ходе войны.

Однако и в части писем с ярко выраженным отношением к войне можно отметить важные особенности. Прежде всего, стоит констатировать вплоть до первых месяцев 1917 г. господство «бодрых настроений». В письмах отражены такие мифы официальной пропаганды, как мотивация борьбы вельствие проявления нравственных качеств русского солдата: «жизнерадостный фатализм», самопожертвование, заступничество за единоверцев и единокровных братьев, защита слабого и т. п. Отражением этих заимствованных из печати призывов является готовность сражаться «за царя», «за Родину», «за славянство», за возвращение «отобранных территорий», за «свободу Родины». После Февральской революции официальная идеология на первое место ставила тезис борьбы «за свободную Россию». Особенностью этих высказываний является их неразвернутый характер, что носит, в сущности, смысл официального штампа, неосознаваемого солдатами. Такой же характер штампов солдатского сознания носят в качестве мотивации борьбы высказывания о необходимости воевать за «правое дело», «правду», «братьев славян», «православную веру» и т. п., без конкретного упоминания, в чем заключается эти «правда», «правое дело» и т. п.

Ряд высказываний носит характер наивного патриотизма, не требующего обоснования мотивации борьбы. Другие патриотические высказывания являются проявлением воинственности, молодечества, характерные для молодежной среды. Есть высказывания, являющиеся проявлениями фронтového товарищества, маскулинности, агрессивности, состязательности, характерные для мужского военного сознания. Наконец, ряд патриотических цитат и выражений отражают верность полковым традициям, веру в любимых начальников, в союзников, или вызваны удачными на данный момент операциями России и ее союзников на фронтах мировой войны.

При характеристике большинства писем, свыше 90% их количества, следует учитывать центральный фактор —

крестьянский менталитет подавляющего числа солдат русской армии. Именно он определял мотивацию борьбы, моральную стойкость, с одной стороны, а с другой — изменчивость настроений вплоть до неприятия самой войны. Для крестьянского менталитета характерны тяготение к семье, родине, семейному хозяйству; локальность (верность месту рождения, с которым и ассоциировалась «родина»); неприятие механического, технического, отчужденного характера войны; представления о пользаности на войне; сезонность военных действий, заключающаяся в преобладании «бодрых» настроений весной и летом и, наоборот, «угнетенных» — осенью и зимой, что вполне соответствовало привычным представлениям солдат-крестьян о характере трудовых повседневных усилий.

Такой менталитет был и в основании «пассивного» патриотизма в виде долга перед царем, семьей, крестьянским миром. Многие патристические высказывания окрашены страдательной интонацией. В письмах часто высказывалось, что «суждено», «пришлось», «судьба», «так угодно Господу», «такая участь» «оказаться на военной службе, защищать свою Родину и Царя-батюшку» и т.п.⁷ Именно крестьянский менталитет лежал в основе терпения, привычки, фатализма, столь характерных для традиционного проявления морального духа русской армии. С менталитетом большинства солдат-крестьян связаны и приверженность к традиционной военной иерархии во главе с царем. Это объясняет солдатскую мотивацию борьбы, принятию в крестьянской среде: службу царю, родителям, своему дому, крестьянскому обществу. С другой стороны, характерны и лежавшие в основе упорства русского солдата опасения поражения от врага, «порабощения», введения нового «крепостного права», «зверств» со стороны противника, опасности для личной семьи и хозяйства.

Главным содержанием военного опыта солдат русской армии явились боевые и военно-трудовые практики в виде

⁷ Царская армия в период мировой войны и февральской революции: (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). Казань: Татиздат, 1932. (Далее: Царская армия... С. 18-19; РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 1671. Л. 545; Д. 1673. Л. 490.

строительства оборонительной полосы, ее обеспечения и военных действий (ратного труда). Военный опыт предстает как опыт сверхбыстрого (то есть намного быстрее) и масштабнее модернизации в России на рубеже веков) вхождения крупной социальной группы (фронтвики) в зону современной войны, что было обусловлено практикой индустриальной войны. Постоянно создаваемые особенности строительства, эксплуатации, трудовых практик, сырьевого обеспечения ратного труда потребовали громадного напряжения русской армии: солдат, офицеров, администраторов, обслуживавших эту оборонительную полосу. Тяготы современной войны было трудно выдержать при наличии имевшихся ресурсов, данного человеческого контингента, традиций ратного труда, привычных форм трудовой дисциплины. В результате тяготы военного противостояния привели к глубокой трансформации социальных представлений групп, сформированных в значительной степени в традиционных ценностях, прежде всего солдат-крестьян. В ходе войны обнаружилось несоответствие большинства этих представлений реалиям войны. Это касалось даже таких проверенных столетиями, привычных для ментальности русских солдат качеств, как выносливость, с трудом проявляемая в условиях технического превосходства противника. Ритм военных действий и в целом ратного труда не соответствовали привычным представлениям о сезонном распылении труда и отдыха солдат-крестьян. Были поставлены под вопрос такие традиционные ценности солдат-крестьян, как полезность в условиях затянувшейся войны, не приводившей, казалось, ни к каким конкретным результатам. Современная упорядоченность привычного жизненного цикла не соответствовала «рваному» темпу современной войны с ее многочисленными битвами, сменяющимися длительными, казавшимися бессмысленными передышками. Широкое разнообразие боевых средств, многомерный характер боевых действий (с земли, с воздуха, с моря), применение широкого диапазона вооружений, включая артиллерию, пулеметы, удушливые газы, огнеметы, массивная пропаганда создавали представление о «неправильности»

войны. Привычный противник, представлявшийся как уступающий поле боя «азиат», оказался на деле упорным и технически оснащенным, трудно преодолимым врагом. Наконец, солдат угнетала казавшаяся «чужой» территория (Польша, Галиция, Прибалтика), которую надо было защищать как свою.

Еще менее прочным для противостояния в современной войне оказался ресурс пропаганды и военно-религиозного обеспечения военных действий, что проявилось в феномене широко распространенных в армии антивоенных настроений, представленных в успешной деятельности такой референтной группы, как пацифисты-отказники. Армия испытала глубокий кризис религиозных чувств на войне⁸. Дала серьезный сбой и система военной иерархии — как подготовленная еще до войны в виде кадрового офицерства, так и формация офицеров военного времени, выпавшая из общей цепи субординации между кадровым офицерством, прямым начальством и солдатами. Полковое братство, являвшееся одной из основ боеспособности русской армии, исчезало перед лицом быстро изменявшегося состава солдат и офицеров.

Показателем изменения настроений и упадка морального духа были воинские преступления в русской армии. Важнейшее из них — уход в плен, начавшийся с первых месяцев войны и продолжавшийся до ее последних дней. Погодное (учитывая незначительное количество боев за 1917 г.) количество военнопленных русской армии показывает нарастание данной тенденции. За 1914 г. по официальному (Главное управление Генерального штаба) данным они составили 192 009 человек, сдавшихся в плен и пропавших без вести, в 1915 г. — 1 365 581, в 1916 г. — 1 505 822, а в 1917 г. — 574 859 из общего количества 3 638 271 человек. Это составило 23,66% всего количества призванных в ряды армии. По годам войны за 1914-1917 гг. это составляло

⁸ Байрау Д. Фантазии и видения в годы Первой мировой войны: православное военное духовенство на службе Вере, Царю и Отечеству // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М.: РОССПЭН, 2008. С. 752-774; *Поршнева О.С.* Указ. соч. С. 181-185. Шриффт!

5,3; 37,5; 41,4; 15,8% соответственно⁹. Уход в плен в годы Первой мировой резко контрастирует с подобным явлением в Великой Отечественной. В период ВОВ погодное количество военнопленных Красной армии по официальным данным показывает очевидную тенденцию на убывание: 2 335 482 человек в 1941, 1 515 221 — в 1942 г., 367 806 — в 1943 г., 167 563 — в 1944 г. и 68 637 — в 1945 г. В процентном соотношении это дает 52,4; 33,9; 8,3; 3,8; 1,5%¹⁰.

Еще одним проявлением упадка морального духа было массовое дезертирство. Всего до 1 марта 1917 г. при переходе с театра военных действий во внутренние районы России было задержано 195 130 человек, а на 1 августа 1917 г. — 365 137.¹¹ К числу дезертиров следует прибавить задержанных жандармско-полицейскими управлениями на путях сообщений внутри России. Всего вне театра военных действий с ноября 1914 г. по декабрь 1916 г. было задержано 229 145, а до 1 марта 1917 г. — 247 475 человек. Таким образом, только по официальным отчетным данным военных и жандармских учреждений всего было задержано на фронте и в тылу с конца 1914 г. 442 605 человек. Это на порядок превышает общее количество дезертиров в германской (35–45 тыс.) и британской (35 тыс.) армиях¹². Однако эти цифры вовсе не повод полагать, что все эти солдаты реально выбыли из строя, поскольку по истечении 1-2 месяцев

⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1210. Л. 13; Ф. 2000. Оп. 2. Д. 6. Л. 122, 130; Россия в мировой войне... С. 32; Санитарная служба... С. 8, 79, 92, 142.

¹⁰ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М. ОЛМА-Пресс, 2001. С. 250.

¹¹ Россия в мировой войне... С. 26.

¹² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1069. Л. 409-410; Д. 4461. Л. 56-57, 101-102, 145-146, 189-190, 235-236, 278-279, 322-323, 366-367, 410-411, 452-453, 494-495, 534-535; Ф. 2068. Оп. 1. Д. 267. Л. 26, 297-297 об., 391-391 об.; Д. 350. Л. 406-407; Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3860. Л. 322-323 об., 378, 483, 502, 524 об., 624 об., 662-663; Д. 3861. Л. 54 об.-55., 160 об.-161, 207 об.-208, 255 об.-256, 281, 302-303, 353 об.-354; Jahr Ch. *Gewöhnliche Soldaten: Desertion und Deserteure im deutschen und britischen Heer 1914-1918*. Göttingen, 1998. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht 1998. S. 150, 168. Шриффт!

они вновь возвращались на фронт, а помесечная убыль составляла всего около 17700 человек в месяц, или 0,3% состава армии. Однако опыт уклонения сотен тысяч солдат от военной службы, естественно, облегчил для них, а также и для их товарищей на фронте, восприятие «антивоенных» идей в 1917 г. В революционный период рост дезертирства не стал обвальным потому, что и в самой армии, то есть в строю, в сущности, прекратились военные действия и даже занятия.

Дезертиры не только оказывали негативное действие на состав армии, но и являлись серьезным фактором роста общей преступности в стране. На театре военных действий они участвовали в незаконных «реквизициях», погромах, прямых грабежах, проматывании казенного имущества, пьянстве и разврате. Во внутренних районах России дезертиры, среди которых было множество известных еще до войны хулиганов, терроризировали местные население, выступали зачинщиками антивоенных беспорядков, проводились бунтов и т. п. Дезертиры были зримой частью фронтовиков, поддерживавших массовое недовольство войной среди населения, в том числе и в Петроградском районе. Преступные действия дезертиров были в наибольшей степени связаны с антиобщественными и антигосударственными настроениями и выступлениями накануне революции.

Наряду с дезертирством можно рассматривать такой вид «ухода от войны», как членовредительство, также постоянно возраставшее в ходе войны. Если в среднем «обычное» число ранений в верхние конечности составляло в прежние войны в русской и других армиях 25–35% от всех ранений, то в годы Первой мировой войны это количество составляло от 45% до 55,8%¹³. Таким образом 10–15% (сверх «обычных» 35%) «легкораненых» являлись следствием «са-

¹³ Савин В. Н. Первые 100000 больных и раненых нижних чинов, прошедших через Пресненский распределительный госпиталь в Москве за время с 3/X 914 г. по 20/VII 1915 г. // Русский врач. — 1917. — № 3. — С. 53; Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. — 1916. — № 9. — С. 1149; *Отдель В. А.* Очерки хирургии войны. Л., 1940. С. 42.

моранений», что составляет 200–350 тыс. «палечников» от общей цифры в 2 588 538 раненых за войну¹⁴. Для сравнения отметим, что, несмотря на также высокий процент «палечничества» в годы Великой Отечественной войны (43,3% ранений в верхние конечности от общего количества ранений), их общее количество постоянно снижалось и составляло по 4-м фактическим годам войны в индексах 100; 65,8; 55,4; 49,6¹⁵.

Еще одним проявлением упадка морального духа в русской армии были братания с противником. Как и в других случаях, этот вид «ухода от войны» носил нарастающий характер: единичные случаи на Рождество в 1914 г., заметное количество на Пасху в 1915 г., десятки полков на Пасху 1916 г. и уже сотни полков на Пасху 1917 г. При этом наблюдалась устойчивая связь братаний с ростом антивоенных настроений, по сравнению с братаниями на Западе, где их количество наоборот, постоянно уменьшалось, ограничиваясь ритуализированной агрессией и т. п. формами временного «ухода от войны» без попыток перерастания в антивоенные настроения. Во время ВОВ известны лишь единичные случаи братаний.

Свидетельствовало об упадке морального духа и поведение солдатами казенных вещей, обмундирования, коррелировавшее с ростом дороговизны и спекуляцией внутри России, а на последнем этапе войны принимавшее, в сущности, форму мешочничества. В том же ряду следует рассматривать и рост пьянства, сопровождавшего братания, падение дисциплины, воинские правонарушения. Наконец, о серьезном падении морального духа вплоть до прямого разложения войск говорил рост уголовного преступности военных в отношении гражданских лиц на театре военных действий и внутри России. Такая преступность имела место в скрытой форме — в виде реквизиций, погромов (так на-

¹⁴ Россия в мировой войне... С. 25, 30.

¹⁵ Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 г. т. 18. М., 1950. С. 17–19, 29–37; Энциклопедический словарь военной медицины. М., 1950. Т. 6. Стб. 198; М., 1947. Т. 2. Стб. 1412. Шрифт!

зываемый «социальный бандитизм»), и открытой — в виде преступлений в отпусках, вообще на гражданке, вплоть до создания дезертирами банд. Важным фактором, сопровождавшим воинскую преступность на фронте и в стране, было нарастание ее декриминализации: потворство со стороны командования, врачей и т.п., ослабление наказаний, паралич судебной машины.

В годы войны армия неоднократно испытывала моральный кризис. Так, подъем, сопутствующий началу войны (лето – осень 1914 г.) уже поздней осенью 1914 г. — зимой 1915 г. сменился упадком, в результате чего для усиления мотивации борьбы стала раскручиваться кампания шпионмании и «зверств противника». Летом 1915 г. в ходе «великого отступления» имели место массовые сдачи в плен, насильственные по отношению к населению реквизиции, сопровождавшиеся ростом скрытой армейской преступности. Осенью 1915 г. — весной 1916 г. армия вновь испытала моральный кризис, сопровождавшийся волной дезертирства, брагания. После морального подъема весной — летом 1916 г. уже с октября армия погрузилась в тяжелейший кризис, проявившийся в неуклонном нарастании негативных настроений вплоть до Февральской революции. Закономерным был все увеличивавшийся размах каждого нового витка морального кризиса в армии, достигший к концу 1917 г. своего апогея. Мощь кризиса в русской армии по сравнению с моральным кризисом, поразившим армии западных стран участниц войны (в 1917 г.), заключалась в том, что он не мог быть урегулирован идеологическими, административными, дисциплинарными мерами. Его решение виделось в общей смене политического режима. Для характеристики настроений в армии в 1917 г. больше подходит термин советской историографии «разложение», нежели «моральный кризис».

Несмотря на указанные негативные аспекты военного опыта в русской армии, вообще на Русском фронте в годы войны, этот же опыт привел к смене настроений и, в конечном счете, — к формированию установок солдата, позволивших ему совместить выход из войны с началом процесса борьбы за социальные преобразования. Эти уста-

новки являлись следствием закономерного втягивания крестьянского хозяйства в экономику мировой войны, что позволило массам солдат выйти из пределов чисто крестьянской ментальности, определило курс солдат-крестьян на включение их в социально-политические преобразования. Именно этот фактор — связь с тылом на почве защиты гражданского населения от социальных невзгод периода войны — определил политизацию армии с осени 1916 г. Эти установки нацеливали солдат на социальные, внутренние перемены, вплоть до революции, а не защиты родины. Началось формирование из солдата, защищающего родину, солдата-гражданина, ищущего врага не перед собой, а внутри страны, за линией фронта. Среди многочисленных врагов солдат были «знаменитые купцы», банковские деятели («Колупай Колупаевичи»), «все сплошь воры, писарь, обозные герои», «хищники-спекулянты», грабители-спекулянты, «немцы, торгаши и прочие проходимцы», «прохвосты-купцы», «мародерье», помещики и вообще владельцы земли, вечные враги крестьян, крестьяне, оставшиеся в деревне, главным образом — немолодые, имевшие выгоды от войны. В число врагов попадали даже родственники, жены, которые послали их на войну, а сами развратничали с военнопленными. Солдаты резко выступили против правительств, городских, сельских стражников и жандармов. Под критику попала и Государственная дума, не оправдавшая надежд на перемены. В целом с конца 1916 г., в ноябре-декабре, армия стала политизироваться.

Такая картина изменения настроений и формирования новых установок русской армии ставит под сомнение утверждение части отечественных авторов, обеляющих ее, защищающих от негативных процессов, приписывая ей только тылу, где и готовился «нож в спину» «Великой войны»¹⁶. Эти утверждения не выдерживают критики в свете представлений о современном характере Первой миро-

¹⁶ Нарский И. В. Указ соч. С. 494–498; Никонов В. Крушение России. М., 2011; Стариков Н. В. 1917. Разгадка русской революции. СПб, 2013.

вой войны. Для нее характерны неразрывная связь фронта и тыла, где внутренний фронт является не менее важным в деле организации страны для обороны. Неспособность режима обеспечить необходимые регулирующие мероприятия в экономике, сбалансировать военные тяготы для населения в виде социального обеспечения перед лицом договоровизны, и вызвали социальные протесты внутри России. Армия же, прежде всего солдаты-крестьяне, рассматривала свое пребывание на фронте как задание семьи с условием, что эта семья будет обеспечена перед лицом военных тягот. Рост дороговизны, нехватка предметов первой необходимости из-за засилья «внутренних немцев» подрывали такой негласный договор. Гражданское население вошло в солдатах своих защитников перед лицом «внутреннего немца», что и давало поддержку массовым протестам внутри России. С другой стороны, армия, солдаты в многочисленных письмах постоянно обещали обеспечить защиту интересов семей, тем самым поддерживая борьбу населения за свои права¹⁷. Именно моральный кризис, изменение настроений солдат, формирование новых установок и обеспечили легитимность и размах социально-политических протестов, приведших к революции 1917 г. Впервые в истории России масса населения, а не только элита, включилась в широкие социально-политические, а впоследствии и социально-экономические преобразования, модернизировавшие страну и подготовившие ее к новым испытаниям, в том числе и к современной войне.

Соловьев К.А.

РУССКИЕ ЛИБЕРАЛЫ О ЦЕЛЯХ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. *Статья посвящена представлениям либералов о том, как должны измениться Россия и Европа в целом по окончании войны. В этом, а не только (и не столько) в территориальных приращениях, русские либералы видели оправдание мирового конфликта, участие России в котором им не казалось беспспорным еще в июле 1914 г. Этот проект, рассчитанный на будущее России, конечно, не был реализован, тем не менее он многое может рассказать об особенностях русского либерализма начала XX в.*

Ключевые слова: либерализм, Первая мировая война, идеология, национальные интересы

Solovyov K.

RUSSIAN LIBERALS ON THE RUSSIA'S AIMS IN THE I WORLD WAR

Abstract: *The article is devoted to the liberal vision — in what way Russia and Europe should have changed after the War. For the liberals internal transformation (and not the future territorial augmentation) was the main justification of the Russian participation in the I World War. This project was not realized at all. However it can help us to characterize Russian liberalism in the beginning of the XXth century.*

Key words: liberalism, the First World War, ideology, national interests.

Говоря о понимании либералами целей России в Первой мировой войне, обычно вспоминают тексты П.Н. Милоко-

¹⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 676об.; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 904. Л. 304-305; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 384об.; Д. 2935. Л. 362об.; Д. 2937. Л. 30об.; Д. 3845. Л. 357, 362об.; Д. 3863. Л. 149 об.; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1181. Л. 510; Д. 1184. Л. 575 об.; Царская армия... С. 97.

ва о черноморских проливах, будущей судьбе Армении, Галиции, Польши... Действительно, лидер партии кадетов много об этом писал и говорил, его размышления были подкреплены обстоятельными аналитическими обзорами и картографическими изысканиями¹. Однако в этом отношении среди своих коллег и соратников он был практически в одиночестве². Они, конечно, тоже рассуждали о целях России в войне, но все же делали это совсем иначе.

Начало войны буквально «взорвало» представления многих отечественных интеллектуалов о характере европейской цивилизации, о месте России в ней, а главное, о будущем «европейского проекта», в который, по мнению русских либералов, должна была так или иначе вписаться и империя Романовых. Совсем еще недавно не было сомнений, что весь западный мир основан на рациональных началах, которые предвещали пуск медленную, но верную гуманизацию права и демократизацию политических систем всех его составляющих стран. Теперь на практике оказалось, что этот рационализм был мнимым, ложным. Рационализм, зияющий на склонах всех великих держав к тотальному доминированию, с неизбежностью вел континент к масштабной катастрофе. Преодолевая ее, западный мир должен был радикально обновиться. Ему следовало отказать от господствующих представлений о первостепенном значении внешнеполитической мощи, когда в системе международных отношений сильный всегда прав. Будущее Европы — в согласовании интересов всех стран, в том числе и малых. Эта точка зрения находила оправдание отнюдь не в гуманистической риторике. С точки зрения русских либералов, «логика силы» непременно вела к иррациональным поступкам, заводившим в тупик любого их совершающего.

В качестве примера приводилась кайзеровская Германия. П.Н. Миллюков детально проанализировал мотивы ведущих немецких политических сил, развязавших войну. Они дей-

¹ Миллюков П.Н. Территориальные приобретения России // Что ждет Россия от войны. Пг., 1915. С. 53 — 65; *Он же*. Нейтрализация Дарданелл и Босфора // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С. 548.

² Может быть, в качестве исключения следует назвать статьи С.А. Котляревского (напр., *Котляревский С.А.* Россия и Ближний Восток // Русская мысль, 1914. № 11. С. 157).

ствовали вполне рационально, защищая свои частные интересы. Однако их резоны, собранные воедино, представляли собой неподконтрольную стихию, которая несла Германию, да и всю Европу к войне. «В громадных размерах борющихся факторов, — подчеркивал Миллюков, — тонут отдельные индивидуальные ошибки, капризы, даже политическая мудрость и дипломатическое искусство. Констатируя это, мы не боремся против прав разума; мы, напротив, лишь признаем, что разум до сих пор недостаточно управлял миром и что расчеты целесообразности были лишь тонким поверхностным покровом, который разорвался и сдвинулся в сторону перед стихийной мощью элементарных инстинктов»³.

Как писал философ Н.А. Бердяев, бессмысленность войны была естественным следствием неразумного рационализма прежних лет. Он возник не случайно и давал о себе знать не только в международных отношениях. И в политике, и в экономике, и, главное, в культуре — всюду доминировавший эгоистический расчет логически вытекал из «мещанского духа» Европы, все подготовившего для будущей катастрофы. Европа, — считал Бердяев, — уже давно «превратилась в огнедышащий вулкан, прикрытый поверхностным и обманным покровом мирной буржуазной жизни. Европейский мир был лживый, иллюзорный мир, за ним скрывалась исступленная вражда и ненависть, отвратительная корысть. Мир охранялся милитаризмом, который, как вампир, сосал кровь народов»⁴.

Об этом писал не только Н.А. Бердяев⁵. Религиозный мыслитель, а в прошлом депутат II Думы из фракции кадетов С.Н. Булгаков точно так же беспощадно критиковал мещанство, которое «есть постоянная угроза и изнанка высокой цивилизованности»⁶. Мещанство — это утрата духовных ориентиров, низведение ценностей до самых элементарных

³ Миллюков П.Н. Происхождение войны // Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год. Пг., 1915. С. 42.

⁴ Там же. С. 244.

⁵ Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997. С. 644.

⁶ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 2009. С. 382.

бытовых потребностей, а, соответственно, о государстве — до культа силы и во внутренней, и во внешней политике. Столь высокое достижение человеческой культуры — государство — становилось инструментом воплощения самых примитивных желаний народов пограбить своих соседей. Следствием этого и стал внешнеполитический курс Германии, зараженной идеями «лжемессианизма»⁷.

Впрочем, русских либералов в большей степени интересовало будущее России. Сражаясь за новую Европу, она, по их мнению, должна была приобрести новое качество. Так, с точки зрения Булгакова, окончание войны способствовало бы внутреннему преобразению страны — началу «нового великого этапа в истории русского самосознания»⁸. Именно тогда Россия должна была стать подлинно европейской державой, решая задачи, стоявшие перед всем континентом. «Мы, — писал философ, приват-доцент Петроградского университета, постоянный автор журнала «Русская мысль» С.Л. Франк, — должны понимать эту войну не как войну против национального духа нашего противника, а как войну против злого духа, овладевшего национальным сознанием Германии, и — тем самым — как войну за восстановление таких отношений и понятий, при которых возможно свободное развитие всеевропейской культуры во всех ее национальных выражениях... Война идет не между Востоком и Западом, а между защитниками права и защитниками силы, между хранителями святынь общечеловеческого духа — в том числе и истинных вкладов в него германского гения — и его хулителями и разрушителями. Лишь в этом сознании можно обрести истинное оправдание великой европейской войны»⁹.

Пускай более приземленно, но, в сущности, о том же самом писал публицист, член ЦК партии кадетов А.С. Изгоев. Он полагал, что перед Россией стояли две взаимосвязанные задачи. Во-первых, надо было одержать победу в войне, а, во-вторых, что было не менее значимо, следовало — еще до

⁷ Там же. С. 398.

⁸ Там же. С. 412.

⁹ Франк С.Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 198.

этой победы и во многом ради нее — серьезно измениться самой. Решение этой двудеиной задачи позволило бы осуществить «демократизацию человеческой жизни, облегчить положение низших классов»¹⁰. Это было тем более важным, что война заставила общество многое переосмыслить, что раньше казалось привычным и незыблемым: например, проблематику социализма. Ведь прежде приходилось верить социал-демократам, заявлявшим, что «пролетариат не допустит европейской войны». Оказалось, что они ошибались. По словам А.С. Изгоева, «все социал-демократы стали националистами. Социалистическая идея обанкротилась»¹¹. Однако задачи, поставленные ею перед человечеством, никто не отменял. Более того, в условиях тотальной войны они даже стали актуальнее. Идеи социализма должны были воспринять все прочие политические силы. Банкротство социализма обозначало, что социалистами в той или иной степени должны были стать их прежние оппоненты. Идеи, которые раньше были маргинальными, теперь должны были обрести право гражданства. В итоге в те роковые годы чувствовались серьезные подвижки и в социальной, и в политической сфере во всех европейских странах, что позволяло А.С. Изгоеву сделать вывод: «Человечество идет к строю демократическому, к хоззайству союзному, к ослаблению социальных неравенств»¹².

Обновленная послевоенная Европа не должна была допустить новой войны. А для этого следовало существенно перестроить всю систему международного права. Оно должно было стать обязательным даже для великих держав, а для этого надо было предусмотреть механизмы принуждения стран к тому, чтобы они все же соблюдали принятые обязательства. Развивая эту мысль, правовед, профессор Гельсингфорского университета барон С. А. Корф сформулировал ряд базовых положений.

Прежде всего, по мнению С.А. Корфа, речь должна идти о создании в будущем «такого международного правового-

¹⁰ Изгоев А.С. На перевале. Перед спуском // Русская мысль. 1914. № 8 -9. С. 163.

¹¹ Там же. С. 163.

¹² Там же. С. 163.

рядка, который не зависел бы от воли отдельных участников общения, который обеспечивал бы рост международных отношений в области права, параллельно с колоссальным развитием социальных и экономических взаимоотношений культурных народов, и гарантировал бы этим новый международный порядок от внешних и внутренних нарушений, и не только в тихое, мирное время, но и в бурное — военное»¹³. Юристы начала XX в. не были идеалистами и полагали войны неизбежными и в будущей истории человечества. Тем не менее, если международному сообществу не удавалось бы предотвратить вооруженный конфликт, то, с точки зрения С.А. Корфа, надо было стремиться хотя бы внести «принципы гуманности в способы и приемы ведения войны, путем охраны раненых и больных, военнопленных и некомбатантов, запрещением или препятствованием наиболее варварских способов истребления врага и т. д.»¹⁴.

С.А. Корф критически оценивал германское законодательство, установившее приоритет национального права над международным. Он полагал, что в будущей Европе отнюдь не государства, а отдельные граждане и их ассоциации будут основными субъектами правоотношений. Важнейшими структурными элементами правоохранительной им международной правовой системы могли бы стать международные мирные конференции, институт нейтральных государств, международные суды, ограничение применения определенных видов вооружения, разработка правовых норм ведения сухопутной и морской войны. Все это могло стать барьером на пути развязывания новой мировой войны. В противном случае она была неминуемой¹⁵.

Другой известный юрист, член ЦК Конституционно-демократической партии Ф.Ф. Кокошкин в своих размышлениях шел дальше. Он ставил вопрос о перестройке самого института государственности в Европе. С точки зрения

¹³ Корф С.А. Международное право в современной войне // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С. 508.

¹⁴ Там же. С. 508 — 509.

¹⁵ Там же. С. 531.

Ф.Ф. Кокошкина, Первая мировая война — в первую очередь это столкновение английского и немецкого порядков. Автор не скрывал своих симпатий к Англии. Германий, основывавшей свое могущество исключительно на силе, он не сочувствовал. Ему представлялось исключительно насилием империя была построена принципиально иначе. К началу XX в. это было уже объединение государств, которые в значительной мере сохранили свою внутреннюю самостоятельность. «Внутри Британской империи, — отмечал Кокошкин, — можно наблюдать не только различные формы государственного устройства, но и различные виды сложных государств. Австралия и Канада представляют собой федерации, состоящие из штатов, и внутреннее устройство южной Африки тоже близко подходит к федеративному. Некоторые крупные колонии, как, например, Австралия, имеют владения, подходящие под тип колониальных, и в числе таких зависимых владений есть даже одна маленькая федерация»¹⁶. Ф.Ф. Кокошкин отмечал и «величайшее разнообразие содержания политической жизни» Британской империи. «И все это огромное и пестрое разнообразие государственных форм, законодательства, обычаев, нравов, систем управления, — подчеркивал автор, — совмещается в пределах одного сложного политического целого. И в критический момент великой международной борьбы это целое не только сохраняет, но и увеличивает свою внутреннюю сплоченность»¹⁷. А самое важное, по мнению Ф.Ф. Кокошкина, это то, что английский и немецкий порядки эволюционировали в противоположных направлениях: «Германия шла от равенства к гегемонии, от германского союза и индивидуализма 1848 г. к военной олигархии. Британская империя, напротив, идет от гегемонии к равенству»¹⁸. Соответственно, германский тип организации Европы вел к милитаризму и войнам, британский тип — к международному миру. Он представлял собой

¹⁶ Кокошкин Ф.Ф. Англия, Германия и судьбы Европы. М., 1918. С. 30.

¹⁷ Там же. С. 30 — 31.

¹⁸ Там же. С. 31.

«наилучший фундамент для здания организации Европы, построенного на начале равноправия народов, иначе говоря — для здания будущей европейской конфедерации»¹⁹. В сущности, к ней Ф.Ф. Кокошкин и призывал.

Разговор о будущем России едва ли был возможен без учета экономических сюжетов. Трудности военного времени лишней раз заставили задуматься о преобразованиях в этой сфере. Так, один из лидеров фракции кадетов в Государственной думе, председатель думской комиссии по военным и морским делам А.И. Шингарев наметил целый план реформирования народного хозяйства. Помимо магистральной задачи — подъема производительных сил России — А.И. Шингарев предлагал «создавать новые источники доходов, используя беспредельные дремлющие богатства страны, вызывая к жизни новую промышленность, новые лесные, горные, фабрично-заводские предприятия, расширяя добычу угля, нефти, металлов, увеличивая выработку и производство бесчисленного множества химических и механических изделий, эксплуатируя движущую силу воды и создавая новые источники дешевой энергии»²⁰. Для использования «громадных спящих богатств нашей родины» А.И. Шингарев предлагал широко привлекать иностранный капитал. Кроме того, признавалось необходимым привлечь науку для развития производительных сил, повысить уровень образования в стране, что позволило бы «выявить новые творческие силы свободной русской нации, вооружить его техническими сведениями и научным опытом»²¹. По мнению А.И. Шингарева, важным стимулом к развитию производительных сил страны должно было стать «разумное, планомерное и закономерное разрешение земельного вопроса в интересах трудящихся земледельцев, соединенное с широкой государственной помощью повышению уровня сельского хозяйства и увеличению производительности сельскохозяйственного труда»²².

¹⁹ Там же. С. 25 — 26.

²⁰ Шингарев А.И. Финансы России во время войны. Пг., 1917. С. 26.

²¹ Там же. С. 27.

²² Там же. С. 27.

Иными словами, так или иначе ставился вопрос о более рациональном устройстве отечественной экономики, о необходимости связать ее дальнейшее развитие с научной основой. Но для начала следовало задуматься и о более рациональной организации самой науки. Это стало предметом размышлений многих ученых, в том числе академика, члена Государственного совета по выборам, члена ЦК партии кадетов В.И. Вернадского. Он считал, что Первая мировая война по своим последствиям могла стать явлением даже более масштабным, чем Французская революция 1789 г. Она открывала собой новую эпоху «величайшей научной революции», стимулируя создание новых типов вооружений, а, значит, и исследования в области естественных наук. Это способствовало бы появлению новых отраслей знания, что, казалось бы, можно считать исключительно оградным явлением. Однако в действительности открывался «ящик Пандоры». Вернадский от мечал, что и после окончания Первой мировой войны, и победители, и побежденные должны были направлять «свою мысль на дальнейшее развитие научных применений к военному и морскому делу»²³. А если это так, то скорая и неизбежная «новая война встретится с такими орудиями и способами разрушения, которые оставят далеко за собой бедствия военной жизни 1914–1915 годов»²⁴. Чтобы избавить человечество от этой дурной бесконечности, Вернадский считал необходимым немедленно приступить к организации «охранительной работы научной мысли»²⁵. Суть вопроса сводилась к тому, чтобы объединить усилия научных организаций и отдельных ученых и направить их на «защитительную работу» против «разрушительных сил войны»²⁶. По его мнению, следовало попытаться «противопоставить разрушительным созданиям человеческой воли и мысли такие технические средства защиты, которые были

²³ Вернадский В.И. Война и прогресс науки // Чего ждет Россия от войны. Пг., 1915. С. 69 — 70.

²⁴ Там же. С. 71.

²⁵ Там же. С. 71.

²⁶ Там же. С. 71.

бы неуязвимы для оружия или которые делали бы ничтожными и малочувствительными результаты разрушительной военной техники»²⁷. Иными словами, наука должна работать не только на армию, но и на общество²⁸.

Русские либералы начала XX столетия пытались посмотреть в корень проблем. Их, как и всегда, отличала системность подходов и решений. При всем разнообразии интересующих их сюжетов «либеральный хор» отличался известной стройностью голосов. Незаменимо отмечалась негодность прежних принципов организации как российской, так и в целом европейской жизни: они не были в полной мере рациональными, как это казалось до начала войны. Будущее же континента — в подлинной рационализации, которая сделает жизнь более предсказуемой и обеспечит прогресс в разных сферах жизнедеятельности. Поразительно, что известные тексты П.Н. Милюкова, благодаря которым он и стал «дарданелльским», диссонировали с этим хором. Ведь лидер партии кадетов, рассуждая о послевоенной Европе, выступал как проповедник «реальной политики», делал ставку на государственную мощь и в своих расчетах исходил из расклада сил великих держав и в настоящее время, и в будущем. В этом он вполне сходил с немецкими (как, впрочем, и с английскими, французскими и др.) аналитиками, жестоко раскритикованными российскими либералами за «мещанство» и «лжемессианизм».

Вместе с тем, проекты П.Н. Милюкова — в сущности, единственные тексты представителя российской либеральной мысли, в которых цели России в войне определены детально и конкретно как возможные требования страны-победительницы. Это тексты политика, пускай пока и находившегося в оппозиции. Большинство прочих сочинений отечественных либералов на эту тему можно аттестовать как философские, историко-софские, научные, но никак не политические. Это лишний раз оттеняет тот факт, что российский либерализм начала XX в. во многом оставался явлением интеллектуальным, не обладавшим ясно выраженным политическим лицом.

²⁷ Там же. С. 71.

²⁸ Там же. С. 78.

Иванов А.А.

«РУССКИЙ ЩИТ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПРИБИТ К ВРАТАМ ЦАРЬГРАДА»: ВЗГЛЯДЫ РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ НА ЦЕЛИ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов русских консерваторов начала XX в. на цели России в Первой мировой войне. В публикации комплексно рассматривается отношение правых к территориальному расширению Российской империи за счет германских, австро-венгерских и турецких владений.

Ключевые слова: русские консерваторы, русские правые, Первая мировая война, внешняя политика Российской империи.

Иванов А.

«RUSSIAN SHIELD MUST BE HUNG ON THE ISTANBUL'S GATES»: THE VIEWS OF RUSSIAN CONSERVATIVES ON THE AIMS OF RUSSIA IN WORLD WAR I

Abstract: The article analyses the views of Russian conservatives of the beginning of the 20-th century on views on the aims of Russia in World War I. The relations of rights to widening of the Russian Empire on the account of German, Austro-Hungarian and Turkish areas are investigated in details in this publication.

Keywords: Russian conservatives, Russian rights, World War I, foreign policy of Russian Empire.

Накануне Первой мировой войны русские консерваторы выступали с критикой внешнеполитического курса правительства, который сближал самодержавную Россию с парламентарными Англией и Францией и тем самым толкал страну к невыгодному для нее конфликту с кайзеровской Германией. Не желая спориться с политически и династически близкой

Германией, бывшей к тому же важным экономическим партнером России, консервативные круги не проявляли перед Первой мировой войны никаких экспансионистских настроений и были, в подавляющем большинстве своем, чужды панславизма, так как последний, свойственный части либералов и националистам, неизбежно толкал страну к военному противостоянию с Османской, Австро-Венгерской и Германской империями, ибо других способов собрать славян, распределенных на пространствах, принадлежащих или контролируемых этими государствами, не существовало. Прекрасно понимая, что активная политика России на Балканах неизбежно втянет империю в военный конфликт с Австро-Венгрией (а значит, и Германией), правые советовали правительству углубиться во внутренние дела страны и не ввязываться «в те дела, которые <...> могут привести к европейскому пожару и заставить нас втянуться в авантюру, о которую разлетится, может быть, наша слава, наше могущество вконец» (В. М. Пуришкевич)¹. Эти взгляды нашли свое выражение уже весной 1909 г., когда правая группа Государственного совета выразила свое недовольство дипломатией А. П. Извольского, которая впутывала Россию в австро-сербские дела. Либерально-оппозиционные круги тогда были вынуждены с недоумением признать «полное отсутствие у правых славянофильских тенденций»².

Наиболее аргументированно предвоенная позиция русских консервативных кругов была выражена в известной «Записке», поданной императору Николаю II лидером правой группы Государственного совета П. Н. Дурново. Предупреждая правящие сферы, что война с Германией может обернуться катастрофой, Дурново обращал внимание на то, что «жизненные интересы России и Германии ни где не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства двух государств»³.

¹ Цит. по: *Ромов Р. Б.* Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 335.

² *Бородин А. П.* П. Н. Дурново: портрет царского сановника // Отечественная история. 2000. № 3. С. 65–66.

³ *Дурново П. Н.* Записка / Публ. и вступ. ст. М. Павловича // Красная новь. 1922. № 6 (10). С. 189.

На вопрос, существуют ли такие выгоды, «которые испутили бы все трудности и жертвы, неизбежные при исключительной по вероятной своей напряженности войны», Дурново дал следующий ответ: «Будущее Германии на морях, то есть там, где у России, по существу наиболее континентальной из всех великих держав, нет никаких интересов. Заморских колоний у нас нет и, вероятно, никогда не будет, а сообщение между различными частями империи легче сухим путем, нежели морем. Избытка населения, требующего расширения территории, у нас не ощущается, но даже с точки зрения новых завоеваний, что может дать нам победа над Германией? Познать, Восточную Пруссию? Но зачем нам эти области, густо населенные поляками, когда и с русскими поляками нам не так легко управляться. Зачем оживлять центробежные стремления, не заглохшие по сию пору в Привислинском крае, привлечением в состав Российского государства беспокойных познанских и восточно-прусских поляков, национальных требований которых не в силах заглушить и более твердая, нежели русская, германская власть?»⁴. Не был Дурново и сторонником присоединения Галиции, о возвращении которой в состав русского государства мечтали националисты. «Нам явно невыгодно, во имя идеи национального сентиментализма, присоединять к нашему отечеству область, потерявшую с ним всякую живую связь, — писал Дурново. — Ведь на ничтожную горсть русских по духу галичан, сколько мы получим поляков, евреев, украинизированных униатов? Так называемое украинское или мазепинское движение сейчас у нас не страшно, но не следует давать ему разрастаться, увеличивая число беспокойных украинских элементов, так как в этом движении несомненный зародыш крайне опасного малороссийского сепаратизма, при благоприятных условиях могущего достигнуть совершенно неожиданных размеров»⁵.

«В Закавказье, — продолжал Дурново, — мы, в результате войны, могли бы территориально расширяться лишь за счет населенных армянами областей, что, при

⁴ Там же. С. 189–190.

⁵ Там же. С. 190.

революционности современных армянских настроений и мечтаниях о великой Армении, едва ли желательны, и в чем, конечно, Германия еще меньше, чем Англия, стала бы нам препятствовать, будь мы с нею в союзе. Действительно же полезные для нас и территориальные, и экономические приобретения доступны лишь там, где наши стремления могут встретить препятствия со стороны Англии, а отнюдь не Германии. Персия, Памир, Кульджа, Кашгария, Джунгария, Монголия, Урянхайский край — все это местности, где интересы России и Германии не сталкиваются, а интересы России и Англии сталкивались неоднократно».

Единственное, что, по мнению консервативного аналитика, было бы действительно ценным приобретением, так это получение контроля над черноморскими проливами, «но, думается, — замечал он, — достижение этой цели едва ли требует войны с Германией. Ведь Англия, а совсем не Германия, закрывала нам выход из Черного моря. <...> И есть полное основание рассчитывать, что немцы легче, чем англичане, пошли бы на предоставление нам проливов, в судьбе которых они мало заинтересованы и ценою которых охотно купили бы наш союз»⁶.

Разразившаяся вопреки желаниям правых война заставила консерваторов менять риторику — раз предотвратить войну не получилось, нужно было постараться извлечь из нее максимальные выгоды. И правые поспешили выдвинуть программу своих требований к войне. Представителями консервативного лагеря отмечалось, что раз Германия и Австро-Венгрия осмелились бросить нам вызов, то Россия обязана воспользоваться судьбоносным моментом для достижения своих исторических задач.

Первое место среди них занимало требование сокращения германского империализма, милитаризма и национализма «как главного в настоящее время врага славянства и России», для чего совершенно необходимым представлялось превращение Германской империи в прежний союз немецких государств с низведением Пруссии «на ее прежнее скромное место», с восстановлением всех областей и государств,

⁶ Там же.

«проглоченных» ею ранее (Ганновер, Шлезвиг, Гольштейн и др.). Только в этом случае, считали русские правые, будет исключена возможность всякого возрождения германского империализма. «Прежде всего предстоит, конечно, сократить и обезвредить Германскую империю, которая до того вознеслась, что другим державам нельзя было шагу ступить без нарушения ее вездесущих интересов и без ее позволения; причем австрийские интересы составляли только часть германских, — писал в 1914 г. видный русский историк и член ряда монархических организаций Д. И. Иловайский. — В особенности страдало от них славянство. Какая-либо крошечная Черногория не смела удерживать за собою отвоеванный у турок старый сербский Скар (Скутари) и принуждена была отдать его сочиненному Австро-Германией Албанскому княжеству. Облаготетельствовавшая Германию Россия уже не могла вести никакой войны на Ближнем или Дальнем Востоке, не заплатив дорого Берлину за его нейтралитет, как это было в Японскую войну с торговым договором. Всякий шаг России в пользу единоплеменных народов вызывал негодование и противодействие, открытое в Вене, скрытое в Берлине. <...> Настоящая затаенная им война во всем блеске показала, до каких чудовищных размеров дошли притязания немцев, политические, экономические и земельные. Чтобы сократить их, следует упразднить здание Германской империи и воротить Пруссию к ее приблизительно прежнему образу»⁷. В связи с этим Иловайский предлагал по окончании войны передать Познанскую провинцию вместе с южной Силезией Польше (автономия которой должна была быть восстановлена), Эльзас и всю Лотарингию вернуть Франции, предложить Дании северный Шлезвиг, Бельгии — часть Прирейнской Германии, а Баварию, Вюртемберг, Саксонию, Ганновер и другие германские земли восстановить как самостоятельные государства. О «всемерном ослаблении Германии путем перестройки ее на новых началах с возможным уменьшением территории Пруссии в пользу Франции, Бельгии, Люксембурга, Дании, а равно мелких германских государств», говорилось и в «Записке», составленной И. Г. Щегловитовым, Н. А. Маклаковым

⁷ Кремль Иловайского. 1914. 30 декабря.

и М. А. Таубе⁸.

Другим пунктом внешнеполитической программы правых было требование объединения под скипетром русского царя всех славянских земель, некогда являвшихся частью русского государства. «... Все русские земли должны немедленно и навсегда слиться с своей матерью Россией, — говорил с думской кафедры председатель фракции правых профессор С. В. Левашев. — <...> Русь Червоная, Русь Зеленая, Русь Угорская, должны немедленно слиться на вечные времена с Великой, Малой и Белой Русью в единую великую нераздельную Россию⁹. Таким образом, правые настаивали на присоединении Галиции, Буковины и Закарпатской Украины, находившейся под властью Австро-Венгрии. Об этом же говорилось и в речах правых членов Государственного совета. Князь Д. П. Голицын-Муравлин указывал, что будущее «начертывает победные слова — освобождение всех славян, полное объединение всей Руси, возрождение Ярославова наследия, возвращение Св. Софии в лоно веры Христовой¹⁰. «Да будут и Великая, и Малая, и Белая, и Червоная Русь — единою Святою Русью, — вторил ему другой член правой группы Государственного совета архиепископ Никон (Рождественский). — Довольно иноплемennому царю владеть достоянием древних русских князей, пора вступить в права Державному Наследнику их — Царю Белому, Православному! Пора воскреснуть Червоной Руси, пора русской душе ее отдохнуть на груди матушки родимой, под ласковым взором Царя-Батюшки!»¹¹. О необходимости усиления коренной Руси в «племенном, экономическом и стратегическом отношении» путем при-

⁸ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стенографические отчеты. Стб. 2792.

⁹ Российский государственный исторический архив (Далее — РГИА). Ф. 1278. Оп. 5. Д. 201. Л. 123—125; Государственная дума. Созыв IV. Сессия III. Стенографические отчеты. Стб. 69—71; Новое время. 1915. 28 января (10 февраля).

¹⁰ Государственный совет. Стенографический отчет. 1913—1914 гг. Сессия X. Стб. 118—119.

¹¹ Никон (*Рождественский*), архиеп. Мои дневники. Вып. 5. 1914. Сергиев Посад, 1915. С. 125.

соединения Галиции, северной Буковины и Угорской Руси отмечалось и в поданной в ноябре 1914 г. записке И. Г. Щегловитова, М. А. Таубе и Н. А. Маклакова¹². При этом правыми особо подчеркивалось, что речь идет не о завоевании, а о воссоединении этих ранее утраченных нами земель с Россией, «чем завершается собирание всех ветвей русского племени в единое целое»¹³. Остальные славянские народы предлагалось навсегда освободить от «тевтонского и австрийского ига» и дать им такое внутреннее устройство, которое позволило бы им развиваться «плечо в плечо, рука об руку» с Россией, а никак ей не во вред.

На повестке дня в программе правых также был пункт об объединении под властью русского царя всех польских земель, частично принадлежавших в данный период Австро-Венгрии и Германии. Консервативный лагерь провозглашал объединение и освобождение Польши «в этнографических пределах»¹⁴, которые трактовались порой довольно широко. Так, Д. И. Иловайский полагал, что для «западной и польской Галиции <...> самое подходящее было бы воссоединение ее с Варшавским и Познанским краями (с присоединением той части Силезии, которая клином вдавнется между ними) и образование самостоятельного государственного организма»¹⁵. Но при этом Иловайский настаивал на том, чтобы будущая единая Польша под скипетром русского императора была отгорожена от остальной России таможенной чертой, «чтобы более развитая польско-немецкая промышленность никоим образом не подрывала русскую». Кроме того, добавлял он, «нельзя гражданам и уроженцам Польши давать права русского гражданства, права служить, торговать, приобретать недвижимую собственность и т. д., т. е. отнимать хлеб у русских и отгеснять их от каких-либо мест, занятий и предпрятий, как это происходило до сих пор и как это в

¹² Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начала XX вв.). СПб., 1998. С. 406.

¹³ Кремль Иловайского. 1914. 30 декабря.

¹⁴ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стенографические отчеты. Стб. 2792.

¹⁵ Кремль Иловайского. 1914. 30 декабря.

особенности резко бросается в глаза в ненормальных отношениях автономной Финляндии к империи»¹⁶. О возможных украинских и польских землях при приобретении ею западно-до войны предупреждал П. Н. Дурново) писал в 1915 г. и такой видный правый деятель как К. Н. Пасхалов: «Я вообще убежден, что по окончании возникших войн для нас настанет самое трудное, самое тяжелое время. Вместишь в свое лоно тройное число поляков, в примирение которых с нами я ничуть не верю, — четыре миллиона мазепинцев (*те украинских сепаратистов*. — А. И.), да еще миллион галицких жидов, — все это едва ли будет способствовать процветанию и спокойствию государства»¹⁷. Но подобные рассуждения проскакивали лишь в доверительных частных письмах, публично же сомневаться в необходимости дальнейшего расширения имперских границ за счет польских и западно-украинских территорий было политически проигранно, особенно учитывая тот факт, что, несмотря на занятую правыми с самого начала войны пагриотическую позицию, политические оппоненты продолжали обвинять их в германфильстве и не радении об интересах родины¹⁸.

Естественно, что одним из программных пунктов правого лагеря стало требование передачи России проливов, составляющих выход к Черному морю с соответствующими участками суши на европейском и азиатском берегах. Эта древняя историческая задача России, говорили они, должна была быть абсолютно удовлетворена, а потому правые настаивали, чтобы до окончания войны точно и определено было «выговорено» у союзников «полное и безусловное владение проливами, Константинополем, Адрианопадем и соответствующими областями с Галлиполи, а также со-лидной областью, прилегающей к Мраморному морю в

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Не понимают величия русской государственной идеи», Переписка К. Н. Пасхалова 1914–1917 годов / Вступ. ст. и публ. Ю. И. Кирьянова // Источник. 1995. № 6. С. 6–7.

¹⁸ См.: Иванов А. А. «Германофильство» русских правых накануне и во время Первой мировой войны: мифы и факты // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2009. №1 (3). С. 202–212.

Малой Азии» (Н. Е. Марков)¹⁹.

При этом правые подчеркивали, что стремление к проливам «объясняется не только религиозно-культурными побуждениями», но и насущными военно-промышленными интересами, поскольку «обладание берегами Босфора с правом укреплять их и не пропускать враждебных судов необходимо нам для облегчения охраны громадного Черноморского побережья», а «наши торгово-промышленные интересы требуют, чтобы наши торговые суда были обеспечены свободным выходом в Средиземное море, через которое мы вывозили в Европу наше сырье»²⁰. В связи с этим идея «нейтрализации» проливов ими категорически отвергалась. Как замечал монархист Н. Д. Облеухов, «для утверждения англо-русского союза на долгие времена существенно необходимо, чтобы преимущественное право России на Босфоре было признано вполне определено и недвусмысленно», причем российская дипломатия должна «притязать на то, чтобы нам предоставили обе стороны Босфорского побережья на тех же основаниях, на которых оно принадлежит в настоящее время Турции». В случае же замены турецкого владычества на Босфоре «нейтрализацией», то есть передачей Босфора в совместное заведывание европейского «концорта», заключал правый публицист, мы «променяем кукушку на ястреба», так как вместо ослабленной Турции «получим у входной двери в наше домашнее море коалицию сильных морских держав»²¹.

Менее категоричен в отношении проливов был Д. И. Иловайский. «Если вместе с Царьградом удержим за собой прилегающую часть Фракии, владение северными берегами до некоторой степени может быть обеспечено, — рассуждал он. — А чем обеспечите его с юга? Неужели завоевывать для этого и прилегающую часть Малой Азии? Во всяком случае, пришлось бы не только укрепиться, но и держать там целую армию. Все это потребовало бы страшных, непосильных рас-

¹⁹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стенографические отчеты. Пг., 1916. Стб. 3303.

²⁰ *Ухтурбужский П. [Облеухов Н. Д.] Русские интересы в вопросе об англо-русских отношениях // Русское знамя. 1916. 18 марта.*

²¹ Там же.

ходов, и все-таки в случае войны не обеспечивало бы нас от прорыва укрепленной линии заграждения проливов с какой-либо, особенно с южной, стороны. Вот почему я всегда проповедовал иметь в своих руках только ключ к Черному морю, т. е. Босфор, чтобы в случае нужды мы могли запереть двери и охранять безопасность нашего юга от нападений неприятельского флота»²². Но такая точка зрения не встречала сочувствия у лидера Союза русского народа Н. Е. Маркова, заявлявшего с кафедры Государственной думы в марте 1916 г.: «...Дать России Босфор и не давать ей Дарданеллы? Первую дверь нам позволяют замкнуть на ключ, а вторую предлагают оставить для кого-то другого. <...> Если это так, то это со- глашение никоим образом русского народа удовлетворить не может. Русскому народу нужно не обманное, не лицемерное частичное разрешение вопроса о проливах, ему нужен полный, безусловный, навсегда свободный выход в Средиземное море, и этот выход должен быть сделан без всяких экивоков и недоговорок»²³.

Среди других пунктов внешнеполитической программы русских правых можно назвать требование присоединения к России Армении с Трапезундом и северной половины Персии (Н. Е. Марков)²⁴, а также полное удаление турок с Балканского полуострова (Д. И. Иловайский)²⁵.

Особую заботу правых вызывала будущая судьба Константинополя. «Это есть самая древняя наша историческая задача, которая должна быть абсолютно удовлетворена. Русский щит должен быть прибит к вратам Царьграда, над св. Софией должен заблистать снова православный крест»²⁶, — декларировали они с трибуны Государственной думы. «И если мы, Русский Народ, в этой войне победим, — с пафосом резюмировал председатель Главного

²² Кремль Иловайского. 1914. 30 декабря.

²³ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стенографические отчеты. Пг., 1916. Стб. 3303—3304.

²⁴ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стенографические отчеты. Пг., 1916. Стб. 3303.

²⁵ Кремль Иловайского. 1914. 30 декабря.

²⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 201. Л. 124—125.

совета Союза русского народа Н. Е. Марков, — то на всю Вселенную раздастся радостный могучий Русский глас:

*Прошла Русь варяжская — Новгородская!
Прошла Русь византийская — Киевская!
Прошла Русь татарская — Московская!
Прошла Русь немецкая — Петербургская!
Да здравствует Русь Славянская — Цареградская!»²⁷*

Впрочем, в отношении Константинополя были и другие мнения. Так, например, в отличие от других консерваторов, Д. И. Иловайский сомневался в целесообразности занятия Царьграда русскими войсками с последующим его подчинением России. «Гут желание очистить многовековую святыню от мусульманского налета и отслужить торжественную православленную обедню в храме св. Софии должно быть согласовано со средствами и нуждами самой России, чтобы такая обедня не обошлась ей слишком дорого, — рассуждал он. — Да еще нужно принять все меры, чтобы мусульманский фанатизм не взорвал православную святыню, при благосклонном участии полухристиан, полужычников немцев»²⁸. Соглашался с ним и такой «патриарх» русских правых как К. Н. Пасхалов, лессимистично настроенный относительно осуществления заявленных внешнеполитических целей: «Лестно снова воздрузить крест на Св. Софии и получить ключ от проливов, но сбудется ли это даже при блестяще успешной кампании... <...> А чтобы сделаться хозяевами выхода из Черного моря, надо взять не один только Константинополь, но оба берега Босфора, Мраморное море и Дарданеллы, и окружиться вечными непримиримыми врагами, все мечты когорных будут в том, чтобы нас оттуда выгнать... Нет, теперь очевидно, что беспримерная военная слава принесет нам беспримерные горькие плоды»²⁹.

Отдельно правыми проговаривалось освобождение от

²⁷ Вестник Союза русского народа. 1915. 9 августа.

²⁸ Кремль Иловайского. 1914. 30 декабря.

²⁹ «Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К. Н. Пасхалова 1914—1917 годов / Вступ. ст. и публ. Ю. И. Кирьянова // Источник. 1995. № 6. С. 6—7.

турок и дальнейшая передача в совместное владение и управление с союзниками Святой земли (Палестины). Иловайский называл этот вопрос «вопросом величайшей важности для всего христианского мира» и требовал «освобождения Гроба Господня и Святой земли из рук мусульманских»³⁰. А архиепископ Антоний (Храповицкий) призывая очищать от турок не только Европу, но и весь Православный Восток — «Господень Гроб, Голгофу, Вифлеем, Дамаск, Бейрут и вообще все православные епархии» — считал, что «если в настоящую войну удалось бы только очистить от них Константинополь, то на это следовало бы взирать лишь как на первый этап освобождения христианства и непременно обеспечить за собою сильный и постоянный натиск на дальнейшие пределы турок, населенные православными греками и православными арабами»³¹. В связи с этим владыка желал, чтобы Россия восстановила Византийскую империю, «объединив теперешнюю свободную Грецию с Царградом под мирскою властью Самодержца-грека и под духовною властью Вселенского греческого Патриарха», тем самым отблагодарив «эллинский народ за то, что он некогда освободил нас от рабства диавола и ввел в свободу чад Божиих, соделав нас христианами»³². Что же касается самой России, то она, по мнению архипастыря, должна была при содействии восстановленной Византии «овладеть широкой лентой земли от Южного Кавказа до Дамаска и Яффы и овладеть Сирией и Палестиной, открыв для себя берег Средиземного моря и соединив его с Кавказом железными дорогами»³³.

А чтобы все эти пожелания не остались неосуществленными проектами, правый лагерь на протяжении всей войны настоятельно рекомендовал правительству следовать при мере союзников, прежде всего Англии, «которые при всей необходимости отражать врага, при всей необходимости вести войну до конца, тем не менее, мудро и разумно берегут свои

³⁰ Кремль Иловайского. 1914. 30 декабря.

³¹ Антоний (Храповицкий). Чей должен быть Константинополь? Ростов-на-Дону, 1916. С. 8.

³² Там же. С. 9.

³³ Там же.

войска, дабы к моменту заключения мира не быть окончательно обессиленными»³⁴. Как отмечалось в жандармском отчете о настроениях политических партий, правых очень беспокоил риск того, что в войне, ведущейся преимущественно русскими силами, «победа достанется англичанам»³⁵. В связи с этим одним из видных членов правой группы Государственного совета, А. А. Римским-Корсаковым, указывалось правительству: «Необходимо использовать все силы союзников, не упуская из виду, что гнет Англии в итоге так же недопустим, как и немецкий»³⁶. А видный правый публицист П. Ф. Булацель, напоминая 165-й стих из первой песни «Илиады», в котором повествуется о том, как фессалийцы, приводимые Ахиллесом, выказавшие в Троянской войне чудеса храбрости, при дележе добычи всегда оказывались обойденными микенским царем Агамемноном, проводил следующую аналогию: «История постоянно повторяется, и Россия уже много раз оказывалась в положении фессалийцев, вынесших всю тяжесть союзной троянской борьбы на своих могучих плечах! <...> Долг каждого любящего свою родину российского гражданина предостеречь от этого наше правительство, пока еще не поздно. <...> Дай Бог, чтобы наш министр иностранных дел представил бы в Государственной Думе хотя какие-нибудь доказательства, что на этот раз Англия не будет подражать Агамемнону»³⁷.

Для того чтобы российский МИД по окончании войны не проделывал, одним из лидеров русских правых В. М. Пуришкевичем в 1916 г. было создано «Общество русской государственной карты», имевшее целью «выработку основных положений, на которых Россия, после победоносной войны, может заключить мир, осуществляющий ее исторические,

³⁴ История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1999. С. 512.

³⁵ Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении / Публ. М. Покровский // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 23.

³⁶ Программа Союза русского народа перед Февральской революцией / Публ. И. Тоболин // Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 243.

³⁷ Булацель П. Ф. Дневники // Российский гражданин. 1916. № 5. 31 января. С. 15.

национальные, государственные и славянские задачи»³⁸. «Необходимо, чтобы народ был осведомлен об истинных задачах воинствующего империализма тевтонов и об истинных исторических своих задачах, дабы в момент мира он не продешевил, не проиграл, не продал за чечевичную похлебку свои права тем союзникам, которые сейчас с нами в дружбе, а потом будут требовать каждый для себя побольше», — указывал Пуришкевич в одной из своих работ³⁹. Итогом деятельности общества должны были стать составление и массовое издание такой послевоенной карты мира, «которая была бы приятна русскому народу, но и приемлема для Европы и признана нашими союзниками»⁴⁰.

Но разразившаяся в 1917 г. революция, низвергнувшая монархию и ее защитников, а также последовавший за ней развал фронта, приход к власти большевиков и сепаратный выход России из войны полностью разрушили все проекты правых — вместо расширения имперских границ произошло крушение Российской империи. Стучилось то, чего консервативный лагерь справедливо опасался накануне войны: вместо блистательной и славной победы произошел слом последних авторитарных европейских монархий, на месте которых, выражаясь словами Н. Е. Маркова, явились «Аттилы, имя которым социал-демократы...»⁴¹

³⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 117. Оп. 1. Д. 698. Л. 7. Подробнее см.: *Иванов А. А.* Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правового политика (1870—1920). М.: СПб., 2011. С. 214—218.

³⁹ *Пуришкевич В. М.* Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов. Пг., 1916. С. 70.

⁴⁰ *Пуришкевич В. М.* Дневник // Последние дни Распутина. М., 2005. С. 59.

⁴¹ Цит. по: *Богоявленский Д. Д.* Проблема лидерства в Союзе русского народа. М., 2012. С. 177.

Чистяков О. В.

КАМПАНИЯ ПО СБОРУ ПОЖЕРТВОВАНИЙ В ПОЛЬЗУ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. *Российское общество Красного Креста (РОКК) было мощнейшей общественной благотворительной организацией Российской империи. Особенно возрос масштаб его деятельности во время Первой мировой войны. Для привлечения дополнительных финансовых средств РОКК был предпринят ряд успешных шагов по увеличению сбора пожертвований от частных лиц, учреждений и организаций. Во многом благодаря этим мерам все войну деятельность Общества пользовалась широчайшей поддержкой населения страны. Исследование деятельности РОКК в Российской империи помогает возродить традиции и вернуть к жизни забытые ценности гуманизма и милосердия.*

Ключевые слова: *Красный Крест, Первая мировая война, благотворительность, пожертвования, финансы, кружечный сбор.*

Chistyakov O.

RUSSIAN RED CROSS' RAISING FUNDS CAMPAIGN DURING THE FIRST WORLD WAR

Abstract: *Russian Red Cross (RRC) was the most powerful public charity organization of the Russian Empire. The scale of its activities especially increased during the First World War. To increase funds RRC undertook a number of successful steps to augment the taking of donations from individuals, institutions and organizations. Largely due to these measures, all war activities of the Company were supported broadly by of the country's population. This research helps to revive the traditions and bring back to life the forgotten values of humanism and mercy.*

Key words: *Red Cross, First World War, charity, donations, finance, charity box.*

В 2017 г. исполняется 150 лет со дня образования Российского общества Красного Креста (РОКК). Оно на протяжении всей своей дореволюционной истории занимало важное место в общественной жизни Российской империи. Со дня своего основания эта организация выражала общечеловеческие ценности, помогая пострадавшим независимо от национальности и гражданства, основываясь на принципах гуманности и милосердия. РОКК строило свою деятельность на положениях Конвенции «Об облегчении участи больных и раненых воинов», подписанной в 1864 г. в Женеве. Появление этого знаменательного акта, по сути, положило начало созданию норм международного гуманитарного права. В Конвенции впервые в истории человечества были установлены принципы неприкосновенности санитарных служб на войне и обязательства по оказанию помощи раненым и больным независимо от их национальной принадлежности. Для наблюдения за соблюдением положений Женевской конвенции тогда же был создан Международный комитет помощи раненым, который в 1876 г. был переименован в Международный комитет Красного Креста.

Российская империя, в которой в то время проходила перестройка всего общества и набирала ход формы императора Александра II, через некоторое время примкнула к общеевропейскому движению. В 1867 г. по инициативе лейб-медика Ф.Я. Кареля образовалась инициативная группа, целью которой стало учреждение в России общественного объединения для помощи пострадавшим от войн. Ее возглавили две женщины — известные общественные деятельницы М.С. Сабина и баронесса М.П. Фредерикс. Кругом этот занялся адаптацией общих положений Женевской конвенции к российским условиям и разработкой устава будущего Общества попечения о больных и раненых воинах. 3 мая 1867 г. готовый устав был внесен для обсуждения в Государственный Совет

и был утвержден императором Александром II, а 23 мая опубликован.

10 мая 1867 г. министр иностранных дел князь А.М. Горчаков от имени правительства Российской империи подписал декларацию о присоединении нашей страны к Женевской конвенции. 29 сентября эту декларацию ратифицировал Правительствующий Сенат¹.

Согласно уставу, главной целью Общества попечения о больных и раненых воинах было «содействовать во время войны военной администрации в уходе за ранеными и больными воинами и доставлять им, по мере средств своих, как врачебное, так и всякого рода вспомоществование». Все денежные средства Общества составлялись исключительно из ежегодных взносов его членов, а также единовременных пожертвований. Хотя словосочетание «Красный Крест» в названии Общества пока отсутствовало, ему были присвоены белые флаг и нарукавная повязка с красным крестом, установленные Женевской конвенцией 1864 г. Для руководства Обществом образовывалось Главное управление (ГУ) в Санкт-Петербурге, ему подчинялись местные управления в столичных и губернских городах, которые возникали по общественной инициативе. Члены управлений и комитетов исполняли свои обязанности в Обществе совершенно безвозмездно. Все вопросы на общих собраниях Общества и собраниях ГУ решались открытым голосованием².

Устав Общества подвергался незначительным изменениям в 1873, 1879, 1893 и 1900 гг., но основные принципы его деятельности оставались неизменными. При изменении устава в 1873 г. кроме местных отделений в городах Российской империи было разрешено открывать местные комитеты для различных отраслей деятельности, причем для этого не требовалось определенное число учредителей, а сам комитет мог избрать себе любой специальный вид деятельности и получить соответствующее наименование. А при изменении

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 12561. Оп. 1. Д. 4. Л. 2, 4.

² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1871. Т. 42. Отд. 1. № 44519. С. 424-432.

устава в 1879 г. Общество получило свое окончательное название — Российское общество Красного Креста.

Количество членов РОКК в Российской империи росло очень быстрыми темпами. Если на момент учреждения, в мае 1867 г., их насчитывалось 218, то уже к концу года — 2503. В 1868 г. в Обществе состояли 7895 членов, а в 1875 г. — 10047. Аналогичными темпами росло и количество местных учреждений. В 1867 г. их насчитывалось 24, в 1869 — 145, в 1875 — 170. К 1898 г. количество учреждений РОКК достигло 457³. Таким образом, в России не осталось ни одной губернии и почти ни одного уезда, где ни присутствовало бы Общество.

РОКК, так или иначе, приняло участие практически во всех военных конфликтах последней трети XIX — начала XX вв. Очень активной и плодотворной была деятельность в русско-турецкой (1877—1878 гг.) и русско-японской войнах (1904—1905 гг.). Но для него, как и для всего государства, войной, в которой пришлось напрячь все свои силы, стала Первая мировая, по своим масштабам несопоставимая с предыдущими военными конфликтами, которые вела Российская империя.

Мобилизация РОКК была объявлена ГУ в первый день войны — 19 июля 1914 г.⁴ Денежные средства, которыми располагало Общество к моменту начала Первой мировой войны (на 15 июля 1914 г.), выражались в следующих цифрах. 5 498 757 руб. 82 коп. составлял запасный капитал ГУ. В кассах местных учреждений хранилось 4 452 996 руб. Еще 600 790 руб. из средств местных управлений и комитетов находилось в ГУ. То есть общая сумма запасного капитала РОКК составляла 10 552 554 руб. 78 коп. Естественно, сразу было уделено большое внимание увеличению средств. Перед Бюро печати РОКК ГУ была поставлена задача «способствовать популяризации Общества и усилению притока пожертвований». Была составлена инструкция о приеме пожертвований

³ *Бояновский В.Ф.* Исторический очерк деятельности Российского общества Красного Креста. СПб., 1896. С. 23.

⁴ Здесь и далее даты по старому стилю.

и послано ходатайство в Государственный банк, который вскоре распорядился начать прием пожертвований в пользу РОКК во всех своих отделениях, конторах и казначействах. Также ГУ обратилось к православной церкви. Определением Святейшего Синода от 20 июля 1914 г. все монастыри и храмы Российской империи были призваны к сбору пожертвований в пользу РОКК. Для этого в них были установлены кружки или блюда для сбора денег. После каждого богослужения настоятель храма зачитывал прихожанам воззвание, а затем один из священнослужителей либо церковный староста обносил прихожан кружкой или блюдом. При нем должен был всегда находиться плакат с надписью «На раненых и больных воинов» и знаком Красного Креста. По окончании сбора пожертвования передавались церковному старосте, который в конце каждого месяца отправлял их благочинному церковного округа для пересылки в губернскую духовную консисторию и дальнейшего перечисления в ГУ РОКК. Кроме этого в храмах и монастырях проводились однодневные сборы в пользу местных учреждений РОКК. Всего в период с начала военных действий по конец 1915 г. в церквях в пользу ГУ РОКК было собрано 3 140 738 руб. 19 коп.⁵

Одновременно с организацией церковного сбора отделом по сбору пожертвований ГУ РОКК были выработаны правила о сборе пожертвований вне церквей. До начала Первой мировой войны кроме кружечных сборов РОКК практиковал прием пожертвований по кви-танционным книжкам и подписным листам. С началом военных действий от этой практики решили отказаться и впредь ограничиваться только кружечными сборами, которые было существенно легче контролировать. Было заказано 6 000 кружек одного образца, окрашенных белой краской. На всех кружках разместили знак Красного Креста и надпись «В пользу больных и раненых воинов». Каждая кружка имела порядковый номер и опечата-

⁵ Краткий обзор продолжающейся деятельности РОКК по оказанию помощи раненым и больным воинам. Пг., 1916. С.38—40.

валась пломбой. Государственным, частным и общественным учреждениям и организациям, изъявившим желание установить кружку для пожертвований, она немедленно высылалась вместе с инструкциями о емкости и слаче собранных средств. Всего в период с начала военных действий по конец 1915 г. РОКК было заказано и разослано 24 595 кружек для пожертвований, через которые собрали 337 262 руб. 56 коп.⁶

Также использовалась практика однодневных кружечных сборов. В день такого сбора волонтеры, в число которых часто привлекались учащиеся средних учебных заведений, ходили с кружками для пожертвований по улицам городов. Первый общероссийский однодневный кружечный сбор в пользу полевых учреждений РОКК под названием «День Красного Креста помощи раненым воинам под неприятельским огнем» был проведен по предложению вел. кн. Ксении Николаевны 14 ноября 1914 г.⁷

Также однодневные кружечные сборы, обычно для сбора пожертвований на какой-либо конкретный вид помощи военнослужащим, постоянно проводились местными управлениями и комитетами. Так, например, Кузнецкий местный комитет РОКК Саратовской губернии провел 1 октября 1915 г. однодневный кружечный сбор с продажей флажков в пользу русских военнопленных. Было собрано 751 руб. 42 коп. К этой сумме из средств комитета добавили 248 руб. 58 коп., а на полученную 1000 руб. купили продовольствие, табак и одежду, отправив их в лагерь для русских военнопленных.⁸ В свою очередь Дмитровский местный комитет РОКК Московской губернии 20 декабря 1915 г. организовал однодневный кружечный сбор на подарки к Рождеству солдатам русской армии на передовых позициях, собрав 82 руб. 87 коп.⁹

⁶ Краткий обзор продолжающейся деятельности... С. 40

⁷ Отчет Ковровского местного комитета Российского общества Красного Креста за 1914 г. Ковров, 1916. С. 9.

⁸ Отчет Кузнецкого местного комитета Российского общества Красного Креста за 1915 г. Кузнецк, 1916. С. 9.

⁹ Отчет Дмитровского местного комитета Российского общества Красного Креста за 1915 г. Дмитров, 1916. С. 8.

В зависимости от целевой направленности проведенных местными учреждениями РОКК однодневных кружечных сборов часть собранных на них средств оставалась на местах, а часть перечислялась в ГУ. За период до мая 1916 г. однодневные кружечные сборы принесли в кассу ГУ РОКК 677 910 руб. 55 коп.¹⁰

Вообще местные учреждения РОКК практиковали разнообразные формы привлечения пожертвований. Например, Миасский (Оренбургской губернии) комитет РОКК 25 марта 1915 г. организовал драматическое представление, во время которого работал благотворительный чайный буфет, что принесло чистого дохода 196 руб. 45 коп., которые были направлены на выдачу пособий инвалидам войны. А 25 мая 1915 г. комитет провел кружечный сбор, принесший 1560 руб. 23 коп. Эта сумма была потрачена на содержание Миасского лазарета и на одежду для выписывающихся из него. С 15 по 20 ноября 1915 г. был проведен еще один кружечный сбор денежных средств, а также фургонный сбор вещевых пожертвований. В кружки было собрано 812 руб., половина которых была переведена в ГУ, а вторую направили в Миасское казначейство на одежду для выписанных из лазарета военнослужащих. Все собранные во время фургонного сбора вещи были отосланы в Петроград на Главный склад РОКК¹¹.

В том же 1915 г. Царицынский комитет РОКК провел 2 марта, 6 августа и 13 декабря благотворительные лотерейно-аллегри (то есть беспроигрышные лотереи), принесшие 21 118 руб. 22 коп., а 16 мая и 26 ноября — «Дни кинематографов» с благотворительными показами фильмов, сбор от которых составил 3 931 руб. 45 коп., несколько вечеров и драматических спектаклей, на которых было собрано 2 901 руб. 35 коп. Кроме этого были проведены 6 января 1916 г. однодневный церковный кружечный сбор, а 12 февраля

¹⁰ Краткий обзор продолжающейся деятельности... С. 52.

¹¹ Отчет Миасского комитета Российского общества Красного Креста, состоящего под Августейшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны. За 1915 год. Миасс, 1915. С. 3–4.

кружечный сбор на улицах Царицына, которые вместе с постоянным сбором в учрежденных губернии дали 4 888 руб. 56 коп.¹²

Надо сказать, что всплеск патриотических чувств населения в начале Первой мировой войны и принятые ГУ меры принесли желаемый эффект. Пожертвования населения только в кассу ГУ (без учета местных управлений и комитетов) в период с 20 июля по 18 сентября 1914 г. составили 1 888 612 руб. 27 коп., что было почти на треть больше пожертвований, полученных РОКК за тот же период русско-японской войны. Самые крупные пожертвования, в размере 100 000 руб. каждое, внесли герцог М.Г. Мекленбург-Стрелицкий, эмир Бухарский Сеид Алим-хан и польский граф Т.О. Собанский. Имена этих благотворителей были присвоены трем сформированным РОКК госпиталям¹³.

Вместе с денежными жертвованиями ГУ стало принимать и вещевые посылки. Было объявлено, что жертвуемая населением для военнослужащих русской армии теплая одежда, белье и т.п. должны посылаться по адресу полевых складов РОКК в Киеве, Варшаве и Витебске, которые взяли на себя поставку ее через временные склады РОКК на театре военных действий в воинские части, по указанию военных властей. Целевые жертвования для конкретных воинских частей не принимались, ввиду невозможности гарантировать доставку их по назначению¹⁴.

Сбор средств для открытия лазаретов, принимаемых под флаг Красного Креста, местные учреждения РОКК, частные, общественные и государственные организации также осуществляли различными способами. Например, Ковровский дамский комитет РОКК провел 27 и 28 июля 1914 г. кружечный сбор на оборудование лазарета. Собранный суммы в 385 руб. 37 коп. с излишком хватило на

¹² Отчет Царицынского комитета Российского общества Красного Креста. За 1915 г. Царицын, 1916. С.32.

¹³ Вестник РОКК. 1914. № 8. С.272–273.

¹⁴ РГВИА. Ф. 12446. Оп. 1. Д. 1. Л. 99–99об.

то, чтобы полностью оборудовать лазарет на 75 коек. Он открылся 8 октября 1914 г.¹⁵

На заседании педагогического совета Самарского коммерческого училища 29 августа 1914 г. преподаватели решили отчислять ежемесячно 2% от жалования на оборудование и содержание лазарета на 10 коек в помещении училища, принявшего первых раненых 2 октября 1914 г.¹⁶ В начале августа 1914 г. 24 служащих товарищества «Мюр и Мерилиз» обратились с воззванием с просьбой о пожертвованиях к своим коллегам, и необходимая сумма на оборудование лазарета на 25 коек была собрана среди служащих фирмы по подписным листам, разосланным по отделам. Каждый из подписавшихся сотрудников товарищества обязался выплачивать на содержание лазарета определенную сумму ежемесячно. Всего с сентября 1914 г. по август 1915 г. служащие товарищества «Мюр и Мерилиз» пожертвовали на свой лазарет 11 023 руб. 90 коп.¹⁷ Также после воззваний инициативных групп к своим коллегам и распространения подписных листов были открыты лазарет Московской группы инженеров путей сообщения на 30 коек и лазарет в Качалкинском казенном луговом хозяйстве Московской губернии на 40 коек, содержавшийся на средства правительственных специалистов по луговодству и культуре болот и чиновников 3-го отделения Департамента земледелия¹⁸.

Охваченные патристическим порывом, многие частные лица и организации не только открывали свои лазареты, но и были готовы целиком или частично принять на себя расходы по формированию и постоянному или временному

¹⁵ Отчет Ковровского... С.5, 7, 9.

¹⁶ Отчет по лазарету Самарского коммерческого училища за 1914-1915 уч. г.г. Самара, 1915. С.3, 5.

¹⁷ Обзор деятельности лазарета служащих и рабочих Т-ва Мюр и Мерилиз за год с сентября 1914 года по сентябрь 1915 года. М., 1915. С. 1–2, 16–17.

¹⁸ Краткий отчет о деятельности лазарета Московской группы инженеров путей сообщения с 1 ноября 1914 г. по 1 ноября 1915 г. М., 1916. С. 1–2.; Лазарет для раненых воинов в Качалкинском казенном луговом хозяйстве Московской губернии. М., 1916. С.4–5.

содержанию учреждений РОКК. Из-за достаточного большого количества подобных обращений 5 августа 1914 г. ГУ была установлена стоимость оборудования и содержания лечебных учреждений. Оборудование одного госпиталя стоило 40 000 руб., а месяц его содержания обходился в 14 500, этапного лазарета соответственно 14 000 руб. и 4 350 руб., подвижного 18 000 и 4 670, а передового отряда 40 000 и 10 000 на 6 месяцев. Кроме того, те частные лица и организации, которые не имели возможности пожертвовать значительные суммы, могли принять на себя содержание одной или нескольких коек в лечебных учреждениях как РОКК, так и в принятых под его флаг. Стоимость содержания одного койко-места в течение месяца была установлена для госпиталя в 75 руб., в этапном и подвижном лазарете в 100 руб.¹⁹

Только за первые два месяца войны различные частные лица и организации приняли на себя расходы по формированию и содержанию 17 госпиталей, 15 этапных и 10 подвижных лазаретов, а также 11 передовых отрядов. Самый большой вклад внесла семья крупного фабриканта М.И. Терещенко, на чьи деньги были сформированы и содержались 2 госпиталя и 2 передовых отряда. Также крупнейшими жертвователями были императрица Мария Федоровна и Петроградское купечество, на средства которых формировались и содержались по 2 госпиталя, и Совет съездов Бакинских нефтепромышленников, руководивший и содержавший госпиталь, передовой отряд, подвижной и этапный лазареты²⁰.

В свою очередь, власти также были заинтересованы в увеличении денежных средств РОКК. 1 октября 1914 г. министерство торговли и промышленности обратилось во все биржевые комитеты и другие торгово-промышленные организации России с циркуляром, содержащим призыв содействовать увеличению пожертвований в пользу РОКК и поставке ему необходимых товаров по наиболее низким ценам²¹.

¹⁹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 10. Д. 21. Л. 404.

²⁰ Вестник РОКК. 1914. № 8. С. 272–273.

²¹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 10. Д. 21. Л. 362.

Таким образом, в течение 1914–1915 гг. РОКК была выработана достаточно эффективная система сбора и принятия пожертвований от частных лиц, учреждений и организаций, существовавшая до конца войны. Отдельно хотелось бы отметить прозрачность этой системы, выражающуюся в широкой публикации всех приходно-расходных финансовых документов учреждений РОКК, практически исключившую злоупотребления при расходовании средств. Всего к 1 января 1916 г. в центральную кассу РОКК поступило 10 921 708 руб. 43 коп. пожертвований, состоявших в основном из взносов частных лиц, учреждений и организаций, принявших на себя содержание полевых учреждений РОКК на театре военных действий²². А к 1 декабря 1917 г. эта сумма составила уже 19 407 780 руб. 92 коп.²³ То есть по сравнению с начальным периодом войны приток пожертвований в ее последние два года сократился незначительно. Безусловно, здесь стоит учитывать значительное усиление в 1916–1917 гг., но все же очевидно, что популярность как собственно РОКК, так и самой идеи благотворительной помощи пострадавшим от войны солдатам на фронте была среди населения России в эти годы очень значительной. Всего пожертвования покрыли около 15% всех средств, израсходованных РОКК в 1914–1917 гг. Остальные расходы были компенсированы за счет установленных государством сборов в пользу РОКК, возместительных выплат Военного ведомства и субсидий от казны.

Можно сказать, что меры, принимавшиеся РОКК весь период с лета 1914 г. по начало 1916 г. к упорядочиванию старых и поиску новых средств для сбора пожертвований, были вполне успешными. К началу 1916 г. система была в основном отлажена и до конца военных действий практически не менялась. Огромное количество граждан Российской империи во время Первой мировой войны сочли своим долгом принять непосредственное участие в деятельности

²² Краткий обзор деятельности РОКК по оказанию помощи больным и раненым воинам на театрах войны с Австро-Венгрией, Германией и Турцией в 1914–1915 гг. Пг., 1916. С. 81–82.

²³ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 10. Д. 35. Л. 290б.

РОКК. Сумма пожертвований уже к концу 1915 г. превысила весь предвоенный капитал РОКК. И именно этот опыт столь значимой и мощной благотворительной организации, какой являлось в Российской империи РОКК, опыт вовлечения в дело благотворительности как можно более широких слоев общества в первую очередь должен быть востребован в настоящее время.

Список источников и литературы

1. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 12446. «Управление уполномоченного Российского общества Красного Креста при тамбовском окружном эвакуационном пункте».
2. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 12561. «Главное управление Российского общества Красного Креста».
3. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1871. Т. 42. Отд. 1.
4. Вестник РОКК. 1914. № 8.
5. *Боцяновский В.Ф.* Исторический очерк деятельности Российского общества Красного Креста. СПб., 1896.
6. Краткий обзор деятельности РОКК по оказанию помощи больным и раненым воинам на театрах войны с Австро-Венгрией, Германией и Турцией в 1914—1915 гг. Пг., 1916.
7. Краткий обзор продолжающейся деятельности РОКК по оказанию помощи раненым и больным воинам. Пг., 1916.
8. Краткий отчет о деятельности лазарета Московской группы инженеров путей сообщения с 1 ноября 1914 г. по 1 ноября 1915 г. М., 1916.
9. Лазарет для раненых воинов в Качалинском казенном луговом хозяйстве Московской губернии. М., 1916.
10. Обзор деятельности лазарета служащих и рабочих Т-ва Мюр и Мерилиз за год с сентября 1914 года по сентябрь 1915 года. М., 1915.

11. Отчет Дмитровского местного комитета Российского общества Красного Креста за 1915 г. Дмитров, 1916.
12. Отчет Ковровского местного комитета Российского общества Красного Креста за 1914 г. Ковров, 1916.
13. Отчет Кузнецкого местного комитета Российского общества Красного Креста за 1915 г. Кузнецк, 1916.
14. Отчет Миасского комитета Российского общества Красного Креста, состоящего под Августейшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны. За 1915 год. Миасс, 1915.
15. Отчет по лазарету Самарского коммерческого училища за 1914-1915 уч. г.г. Самара, 1915.
16. Отчет Царицынского комитета Российского общества Красного Креста. За 1915 г. Царицын, 1916.

Пахалюк К.А.

**«РАБОТА НЕ ПРИОСТАНАВЛИВАЛАСЬ
НИ НА МИНУТУ»:
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КРАСНОГО КРЕСТА
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Э.П. БЕННИГСЕНА)**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности репрезентации деятельности Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны на основе неопубликованных воспоминаний Э.П. Беннигсена. Основное внимание уделено «сетевому измерению» работы краснокрестных заведений, их положению в общей системе военно-санитарных заведений и различным внутренним конфликтам. Выделяется деятельность политиков — членов Государственной думы (октябристов и националистов) в работе РОКК.

Ключевые слова: *Российское общество Красного Креста, В.М. Пуришкевич, А.И. Гучков, Э.П. Беннигсен, сестры милосердия.*

Pakhalyuk K.

**“WE WORKED ALL TIME”:
THE RUSSIAN RED CROSS
IN THE FIRST WORLD
(IN THE MEMORIES OF E.P. BENNINGSEN)**

Abstract: This article discusses the representation of Russian Society of the Red Cross activity during the First World War based on unpublished memoirs of E.P. Bennigsen. The emphasis is made on “network dimension” of Red Cross activities, their position in the general system of military health institutions as well as various internal conflicts. Moreover, the article covers activities of politicians in the system of Red Cross.

Keywords: *Russian Red Cross Society, V.Purishkevich, A.Guchkov, E.Bennigsen, nurses.*

В годы Первой мировой войны Российское общество Красного Креста (РОКК) было одной из крупнейших организаций, оказывавших помощь раненым солдатам и офицерам на театре военных действий и в тылу. К сожалению, в отечественной историографии ее деятельность не исследована в полной мере. Как правило, она рассматривается в рамках истории благотворительности¹ или военной медицины², ряд исследователей проявляет интерес к региональному аспекту (работа местных комитетов в губерниях)³. Значительно реже Красный Крест помещается в контекст социальной и военной истории, то есть событий на театрах военных действий⁴. Существует лишь одна пре-

¹ См. напр.: *Беляева М.В.* Российское общество Красного Креста в истории России 1867–1921. Диссертация на соиск. уч. ст. к.и.н. Ставрополь, 2002; *Грищева А.Н.* Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). Диссер. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 2008.

² См. напр.: *Горелова Л.Е., Рудой Н.А.* Деятельность Российского общества Красного Креста в Первой мировой войне // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 6. С. 40–42; *Ченик Г.С., Гладких П.Ф.* К истории вопроса о полевых зубо-рачебных кабинетах в русской армии // Вестник военно-медицинской академии. 2011. № 4. С. 219–222.

³ См. напр.: *Лепкова Е.А.* Медицинская помощь военнослужащим русской армии в период Первой мировой войны (по материалам г. Царицына) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 5. С. 104–112; *Чистяков О.В.* Владивостокский местный комитет Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны // Россия и АТР. 2010. № 1. С. 14–19; *Федирко О.П.* Благотворительность на Амуре в годы Первой мировой войны // Клио. 2015. № 2. С. 127–130.

⁴ *Олеикова А.М.* Взаимоотношения Российского общества Красного Креста и военного министерства в период военных действий (конец XIX- начала XX вв.) // Перспективы науки. 2011. № 7(22). С. 114–119; *Ореховский В.О.* Организационная перестройка и основные направления деятельности Российского общества Красного Креста в начальный период Первой мировой войны (1914–1915 гг.) // Мир гуманитарного и естественнонаучного знания. Краснодар, 2013. С. 120–128; *Чистяков О.В.* Российское общество Красного Креста во время Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 12. С. 67–69; *Соколова В.А.* Российское общество Красного Креста (1867–1918 гг.). Диссер. на соиск. уч. ст. к.и.н. СПб., 2014.

тендующая на системный характер диссертация⁵, в которой внимание сфокусировано на активности краснокрестных организаций на фронте.

В этом плане особую ценность представляет пока еще неопубликованная рукопись воспоминаний графа Эммануила Павловича Беннигсена (1875-1955) — общественного и политического деятеля России начала XX в. В годы Первой мировой Э.П. Беннигсен, депутат Государственной думы и близкий соратник А.И. Гучкова, оказался на фронте как представитель Красного Креста. С 1906 г. Эммануил Павлович вел записки, скрупулезно записывая в них все события, участником или свидетелем которых стал. На этой основе были написаны воспоминания — более 950 машинописных страниц (по предварительным подсчетам несколько миллионов печатных знаков!). Около 20 лет рукопись хранилась в семье, проживавшей в Сан-Паулу, до тех пор, пока в 1974 г. его дочь, М.Э. Степаненко, не связалась с родственниками, оставшимися в СССР.

Речь идет о семье двоюродного брата Э.П. Беннигсена вольноопределяющегося лейб-гвардии Конной артиллерии Г.А. (Римского)-Корсакова. После революции он остался в Советском Союзе, сумел избежать репрессий и прожил долгую жизнь, скончавшись в Москве в 1972 г. Через два года М.Э. Степаненко пригласила его сына Андрея Георгиевича в Бразилию. Благодаря ходатайству Дома-музея П.И. Чайковского перед Министерством культуры СССР его выпустили из страны. В ноябре 1975 г. А.Г. Корсаков прибыл в Сан-Паулу, где ему передали рукопись «Записок» Э.П. Беннигсена, которую при содействии советского консульства переправили в СССР. Почти сорок лет она лежала в семейном архиве. Летом 2014 г. воспоминания были предоставлены для изучения в научный сектор Российского военно-исторического общества.

Службу Эммануила Павловича в Красном Кресте военного времени можно разделить условно на несколько

⁵ *Чистяков О.В.* Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Диссер. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 2009.

этапов: в августе — сентябре 1914 г. он являлся помощником главноуполномоченного при армиях Северо-Западного фронта (в период наступления русских армий в Восточной Пруссии), затем с сентября 1914 г. по июль 1915 г. находился на более самостоятельной позиции особуполномоченного при 9-й армии генерала П.А. Лечицкого (период Галицийской битвы, Варшавского и Лодзинского сражений, наступления в сторону Кракова, переборски сражений, наступления фланг Юго-Западного фронта и боев в районе Днестра), а с августа 1915 г. по июль 1916 г. занимал должность главноуполномоченного при армиях Северо-Западного, а потом Западного фронтов⁶ (во время Свенцянского прорыва, боев у Молодечно, а также Нарочской и Барановичской операций). После этого Э.П. Беннигсен сосредоточился на работе в Государственной Думе, параллельно состоял в Главном управлении (ГУ) РОКК, занимаясь делами беженцев. В нашей статье мы остановимся только на периоде 1914–1916 гг., то есть пребывании непосредственно на театре военных действий.

Э.П. Беннигсен подчеркивает, что Красный Крест являлся «полуофициальной организацией» (то есть полугосударственной), своеобразным союзом общественных и государственных сил. В воспоминаниях его деятельность предстает не как результат работы «некоей монолитной структуры», а именно как сеть взаимоотношений между краснокрестными учреждениями и инстанциями, военными и военно-санитарным начальством, а также другими общественными и государственными организациями. Говорить о Красном Кресте и работе — это значит не выделять структуру и функции различных ее элементов, а скорее выявлять сложную сеть взаимоотношений, в которой личный фактор играет далеко не последнюю роль. Мы полагаем, что именно сетевое измерение («видение» социального через призму множества личных связей) было основополагающим для Э.П. Беннигсена: отсюда берут начало его внимание к

⁶ В августе 1915 г. Северо-западный фронт был разделен на два: Северный и Западный. Должность особуполномоченного при Северном фронте занял А.Д. Зиновьев.

личностям различных уполномоченных, генералов и других лиц, их объемистые характеристики, частые отсылки к деталям биографии, семейным, служебным и дружеским связям. При этом Э.П. Беннигсен нечасто пишет о себе и о своей деятельности (а потому вычленил его роль на основе этого источника представляется невозможным), тем более не касается деталей работы краснокрестных учреждений (что характерно для воспоминаний, например, сестер милосердия). Воспоминания скорее ближе к жанру путевых заметок, с большим количеством отступлений на разные темы, осмыслением более важных проблем (подготовка страны к войне, состояние русского офицерского корпуса и пр.), словно автор пытался и запечатлеть для потомков виденное, и написать историю тех судьбоносных для страны событий, участником и современником которых он был.

В отличие от многих других воспоминаний и тем более научных исследований личность того или иного офицера, общественного или государственного деятеля представлена не просто многогранно (по крайней мере, видно стремление избежать однозначно «хороших» или «плохих» оценок), но и в динамике. Например, главноуполномоченного РОКК при Юго-Западном фронте в 1914–1917 гг. Б.Е. Иваницкого мемуарист характеризует следующим образом, касаясь момента его назначения: «стали говорить про кандидатуру другого члена Главного Управления, члена Государственного Совета и бывшего товарища министра земледелия Б.Е. Иваницкого, уже с успехом исполнявшего обязанности главноуполномоченного в мирное время. Он и был назначен и исполнял с кипучей энергией свои тяжелые обязанности на юго-западном фронте до Октября 1917 г., сумев, несмотря на свой крайне горячий, нервный характер, высоко продержат все время знамя Красного Креста <...> К сожалению, за эти годы нервность Иваницкого еще больше увеличилась и подчас заставляла думать о его ненормальности». Далее Э.П. Беннигсен уточнил: «Уже три года я был знаком с Б.Е. по мирной работе Красного Креста, знал его за человека умного и энергичного, но тут на войне он предстал перед всеми в совершенно ином свете. У него уже ранее проявлялась некоторая горячность, которая

теперь сказалась особенно сильно. Часто без всякого особого повода он начинал волноваться, кипятился, а затем и кричать, не разбирая — скажу к его чести — с кем бы он ни говорил, младшим или старшим его. <...> Несмотря, однако, на этот недостаток, Б.Е., безусловно, являлся за все время войны лучшим из всех главноуполномоченных Красного Креста; энергия у него была редкая, что, при умении быстро схватывать положение и выбирать подходящих людей, давало отличные результаты»⁷.

Не менее интересна и характеристика командующего 9-й армией генерала П.А. Лечицкого и его штаба: «Не обладая особенно разносторонним образованием, Лечицкий был человеком со здоровым житейским умом и большим жизненным опытом. Все это вместе с его полной порядочностью делало для меня позднее работу с ним весьма приятной»⁸. Мемуарист отмечал строгость командующего, а также сердечное отношение между чинами штаба в первые месяцы войны. Однако уже осенью, с первыми неудачами и расширением штата штабных служащих, от этого не осталось и следа. Уже в это время Э.П. Беннигсен подметил появляющуюся формальность взаимоотношений, а летом 1915 г. (после переброски армии к румынской границе) с горечью констатировал: «Да, нужно сказать, что и в среде самого штаба отношения были уже не те. Читали, что Лечицкий находится под влиянием подполковника Суворова и прислушивается к наущениям своего ординарца графа Буксгевдена, которого поэтому очень остерегались. В генерал-квартирмейстерской части появилось почему-то враждебное отношение к Головину, которого его подчиненные называли интриганом и с которым старались иметь только служебные отношения»⁹.

Конечно, Э.П. Беннигсен не мог постичь все нюансы взаимоотношений между чинами штабов фронтов, армий и корпусов, в которых ему довелось бывать и с чинами коих

⁷ Беннигсен Э.П. Записки. Ч. 4. Первая Великая война. Машинопись / Архив А.Г. Римского-Корсакова. Л. 384–385.

⁸ Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 361.

⁹ Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 436–437.

он работал. Однако тесное взаимодействие с ним, а также положение человека гражданского, невоенного давали ему возможность взглянуть на внутреннюю атмосферу отстраненно, в качестве по сути внешнего наблюдателя, стоящего на границе того небольшого социального «микромира», в недрах которого формируются и принимаются решения, призванные управлять войсками и вести к победе.

Подобный «персонифицированный» взгляд позволяет глубже понять взаимоотношения РОКК с другими ведомствами и учреждениями, а также общее положение в системе различных общественных институтов того времени. Так, на театре военных действий ощущалось и недофинансирование, вызванное тем, что необходимые средства не всегда успевали вовремя прийти. По воспоминаниям Э.П. Беннигсена, если на должности особоуполномоченного при 9-й армии он иногда не получал своевременных средств на осуществление деятельности, то подобные «перебои» участились с осени 1915 г., когда он возглавил краснокрестные учреждения на Западном фронте: «Расходы Кр[асного] Креста оказались столь великими, что жертвуемых ему сумм оказалось недостаточно, и он жил, как и Земский, и Городской Союзы, на казенные средства. Сметы его рассматривались в особой комиссии под председательством одного из членов Военного Совета (начала ген. Фролова, а потом Веденяпина), что брало немало времени. В результате средства отпускались обычно уже после истечения сметного периода, и только небольшая их часть отпускалась в виде аванса. В тылу с этим еще справлялись, но на фронте являлась необходимость производить займы в военных казначействах, которые обычно разрешались, но что часто бывало очень неприятно»¹⁰. Вместе с тем этот факт было бы ошибочно трактовать в том плане, что РОКК становился исключительно бюрократической организацией: на практике он продолжал сохранять на фронте автономию.

Не самые простые отношения выстраивались с военными, а вернее, с армейским командованием и военно-санитарными учреждениями. Последние несли основную ответственность

¹⁰ Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 477.

за санитарное состояние войск, а потому многочисленные провалы (особенно в начальный период войны) вызывали соответственные нарекания. Красный Крест должен был играть роль помощника, по возможности исправляя те или иные упущения. Столкнувшись со всеми недостатками, присутствия военно-бюрократическому стилю управления, «представители обществности» (в первую очередь особоуполномоченные и уполномоченные) нередко становились его самыми злостными критиками. Благодаря более гибкой системе управления и порою весьма щедрым целевым пожертвованиям на определенный отряд или санитарный поезд многие краснокрестные учреждения могли действительно похвастаться образцовым порядком, что давало им моральное право критиковать (зачастую обоснованно) своих коллег. В результате порождался институциональный конфликт, в котором субъективная правда была на обеих сторонах¹¹.

От такой критики не удержался и Э.П. Беннигсен, указывая на «неудовлетворительность» военно-санитарного начальства: «В среде наших младших военных врачей всегда имелось большое число талантливых людей, относившихся к своему делу с интересом. Насколько я их мог наблюдать, их уровень был скорее выше, чем уровень соответствующих им врачей на гражданской, преимущественно земской службе. Но на высших должностях, начиная, напр[имер], с дивизионных врачей, положение резко изменялось в худшую сторону. Здесь, наоборот, талантливые люди встречались редко, а весьма молодой возраст большинства из них делал их во многих случаях мало энергичными. <...> По мере хода войны в военно-санитарном высшем персонале наблюдались перемены, но недостаточно быстрые, и до самой революции он все еще продолжал оставлять желать лучшего. Улучшился значительно лишь состав дивизионных врачей, замещавшихся более молодыми и живыми людьми»¹².

¹¹ В качестве примеров подобной критики или конфликтов см.: Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М., 2014. С. 71-72; Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1096. Л. 368 об.

¹² Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 346-347.

На театре военных действий взаимоотношение между краснокрестными и военно-санитарными учреждениями также далеко не всегда было простым и товарищеским, и даже во время тяжелых боев, приводивших к наплыву раненых, когда все силы отдавались им, взаимные подорожения сохранялись. Так, в конце октября 1914 г. во время боев 14-го корпуса у Опатова особую активность проявил 2-й Георгиевский подвижной лазарет, благодаря самоотверженной работе старшего врача хирурга В.А. Бетезтина и старшей сестры М.М. Иолшиной. Однако, как пишет Э.П. Беннигсен: «в военных госпиталях, развернувшихся в Островец, хирургов не было, то всех тяжело раненных они присылали в Георгиевский лазарет, причём В.А. Бетезтину приходилось все время ругаться, ибо часто приносили таких, которым оставалось всего несколько минут жизни. Наши доктора утверждали, что это делалось исключительно в целях понижения процента смертности в отсылавших этих умирающих госпиталях»¹³.

Как видно, бюрократическая логика вторглась в «святое дело» помощи раненым, привела к вполне прагматичным и одновременно морально сомнительным последствиям. Впрочем, и некоторые «высокоstatusные» учреждения РОКК страдали подобным «недостатком». Так, в декабре 1914 г. на ст. Кельцы начальник Царскосельского санитарного поезда, устроенного на деньги императрицы Александры Федоровны, генерал Н.К. Риман отказался принимать обезображенных желораненых, поскольку, как свидетельствовал Э.П. Беннигсен: «государине тяжело будет их видеть, так как все раненые с этого поезда поступали в Царскосельский Её госпиталь»¹⁴. Сомнительно, что подобное «излишнее рвение» подчиненных, граничащее с откровенным самодурством, могло добавить популярности императрице, искренность сострадания которой по отношению к раненым сегодня не вызывает сомнения. Впрочем, многие частные лечебные учреждения также проявляли схожую «избирательность», прося, например, присылать на излечение только офицеров.

¹³ Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 390.

¹⁴ Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 409.

Ситуацию с санитарным обеспечением не спасло и учреждение должности Верховного начальника санитарной и эвакуационной части, коим стал принц А.П. Ольденбургский. Во-первых, он был де факто ограничен в своих правах на театре военных действий (военное начальство не терпело нарушения принципа единоначалия), во-вторых, неудачным, по мнению Э.П. Беннигсена, оказалось и само назначение на эту должность: «Принца Алексея [Петровича] Ольденбургского я знал еще с детства, как почителя Училища Правоведения, в котором я воспитывался, начиная с 11 лет. Это был человек, в сущности, добрый, но недалекий, страшно увлекающийся, непостоянный и, главное, невероятно горячий и взбалмошный. Все эти качества заслужили ему прозвище «Сумбур-паши», которое удивительно подошло к нему<...> Ко времени начала войны принцу было уже около 70 лет, но энергия его осталась прежней, и с места он стал носиться по всей России, наводя повсюду панику своими скоропалительными и большею частью неосновательными распоряжениями и устранением людей от должности часто по самым вздорным причинам»¹⁵.

Взбалмошный характер мешал системной организации работы, при этом создавалась двойная система подчинения, очень неудобная именно для чиновников, ушедших на фронт на руководящие позиции в краснокрестные учреждения. На театре военных действий они должны были подчиняться именно военному начальству, в то время как будущи по основному роду деятельности именно гражданскими служащими, по понятным причинам опасались игнорировать и распоряжения принца А.П. Ольденбургского. Однако стоит указать, что Э.П. Беннигсен признавал активность принца. В частности, последний «делал все», чтобы найти радикальный способ борьбы с сыпным тифом, а когда стал вопрос о тяжелом положении русских военнопленных начал ходатайствовать о выделении ему специальных сумм для оказания им помощи»¹⁶.

¹⁵ Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 387–388.

¹⁶ Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 491.

Не менее сложными были взаимоотношения с военным начальством, включая начальников снабжений фронтов (им подчинялись главноуполномоченные) и санитарных отделов армий, которым подчинялись армейские особуполномоченные. Проблема заключалась даже не в том, что ответственные должности в системе РОКК занимали, как правило, люди гражданские, а в их высоком социальном статусе, который позволял занимать во многом автономное положение. Так, особуполномоченным при 2-й армии был известный политик А.И. Гучков, при 4-й армии — депутат Госдумы Н.И. Антонов, при 8-й армии — депутат Г.Г. Лерхе. Сам Э.П. Беннигсен был камергером императорского двора и имел чин статского советника (с 1916 г. действительного статского советника). Во главе отдельных учреждений также стояли весьма влиятельные люди, что нашло отражение в записках Беннигсена. Например, известный правый политик В.М. Пуришкевич заведовал военно-санитарным поездом, промышленник и октябрист М.И. Терещенко — складом во Львове, а во главе передового отряда имени вел.кн. Ксении Александровны стоял управляющий двора вел.кн. Александра Михайловича В.А. Шателен. Передовой отряд Союза Городов, действовавший с осени 1914 г. в районе 25-го корпуса, возглавлял известный политик А.И. Коновалов, 17-й передовой отряд — бывший товарищ министра внутренних дел сенатор А.Н. Харузин, а 14-й передовой отряд — полковник С.Н. Ильин, управляющий двором принца А.П. Ольденбургского.

Высокий социальный статус позволял выстраивать более ровные отношения с военным начальством, что имело большое значение для Красного Креста. При этом положение в обществе порою имело куда большее значение, нежели личные качества. Так, Э.П. Беннигсен, будучи главноуполномоченным при армиях Западного фронта, отмечал эту проблему, касаясь назначения особуполномоченным при 10-й армии служащего канцелярии Госдумы К.А. Крузенштерна, уже проявившего себя в системе РОКК: «На Крузенштерна в штабе косились за то, что он и во время войны предпочел Кр[асный] Крест военной службе, а кроме того, его товарищи по Академии *[Генерального штаба]*. — *Прим. К.П.* служили в

разных штабах армии в чинах не старше подполковника, что как-то и его низводило с его положения особуполномоченного до их уровня, когда ему приходилось иметь дело с генералами»¹⁷. Схожая ситуация произошла и с новым особуполномоченным при 1-й армии А.А. Леманом: «Зная Лемана как хорошего и знающего работника и порядочного человека, я его охотно взял особуполномоченным. К сожалению, я не учел тогда того, что в глазах генералов погоны отставного полковника будут лишать Лемана, как и Крузенштерна, части его авторитета, а тяжелый его характер явился причиной не-мало числа осложнений в отношениях с врачами, которых, в сущности, можно было бы избежать»¹⁸.

Сам Красный Крест также не был лишен внутренней борьбы. Вопрос здесь не только в многочисленных личных конфликтах, которым благодаря «сетевой оптике» мемуариста уделено немало внимания. В ряде случаев линия противостояния и непонимания пролегла, с одной стороны, между отставными военными и бюрократами, и с другой — представителями «общественности» (теми, кто связан с Государственной думой и другими выборными органами). Так, Э.П. Беннигсен пишет о страхе сближения с представителями общественных организаций, в частности с земскими, который проявил себя еще до войны: «Когда, например, зимой, кажется, 1912-1913 года выяснилась необходимость оказания врачебно-питательной помощи населению некоторых постигнутых неурожаем восточных губерний и была решена посылка туда отрядов Кр[асного] Креста, то я внес в Гл[авное] Упр[авление] заявление о необходимости попытаться установить по этому поводу связь и сотрудничество с *Земскими* Союзам с временным привлечением в состав Гл[авного] Упр[авления] представителей этого союза, то это заявление было, хотя и в весьма любезной форме, но тем не менее похоронено по первому разряду; ко мне присоединились только А.И. Гучков и В.С. Кривенко»¹⁹.

¹⁷ Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 458.

¹⁸ Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 459.

¹⁹ Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 333.

Попутно отметим, что во время войны отношения со Всероссийским Земским союзом (ВЗС) были непростые, поскольку тот отказывался признавать власть главноруполномоченных и особоуполномоченных РОКК на театре военных действий. Например, весной 1915 г. в районе 9-й армии действовал 5-й передовой отряд ВЗС во главе с А.А. Эйлером, чью семью Э.П. Беннигсен хорошо знал, что способствовало хорошему рабочим отношениям. Однако, как отмечал мемуарист: «Оригинально, что, как я узнал впоследствии, Эйлера упрекал кн. Львов именно за его хорошие отношения с Кр[асным]Крестом. По-видимому, злобность в отношении Кр[асного]Креста считалась в Всероссийском земском Союзе особой заслугой»²⁰. Впрочем, как указывал Э.П. Беннигсен, определенные такт и дипломатичность были необходимы и с другими «под флажным» учреждениями (то есть теми, которые были сформированы различными общественными и государственными организациями и приняты под флаг Красного Креста).

Непростые отношения между РОКК и ВЗС подтверждаются не только анализируемыми воспоминаниями, но и архивными документами. Например, в конце декабря 1914 г. главноуполномоченный при армиях Северо-Западного фронта генерал Е.Н. Волков возмутился, что прибывающие в его район отряды земского союза не только не подчиняются ему, но и вообще не сообщают о прибытии. При этом и главнокомандующий фронтом генерал Н.В. Рузский, и начальник снабжения генерал Н.А. Данилов подтверждали права главноуполномоченного требовать от всех общественных учреждений на театре военных действий подчинения.²¹ Однако если верить Э.П. Беннигсену, ситуация обстояла несколько сложнее: именно Н.А. Данилов старался выстраивать собственные отношения с общественными, и земскими в частности, учреждениями, а потому поощрял подобный «сепаратизм», с которым осенью 1915 г. и столкнулся мемуарист. Ситуация изменилась весной 1916 г., после того как кн. Г.Е. Львов (глава ВЗС) публично признал

²⁰ Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 423.

²¹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1129. Л. 1 об.

подчиненность его учреждений Красному Кресту на театре военных действий²².

Важно подчеркнуть и стремление Э.П. Беннигсена зафиксировать своих товарищей по октябристской партии (как представителей прогрессивных сил), игравших немалую роль в РОКК до и во время войны. В частности, мемуарист выделяет деятельность А.И. Гучкова, который с 1911 г. являлся членом Главного управления (ГУ РОКК). По мнению мемуариста, именно он сыграл ключевую роль накануне войны в создании одногодичных (ускоренных) курсов подготовки сестер милосердия для обеспечения необходимого количества персонала в случае мобилизации, а также возбудил вопрос о создании мобилизационного совета, который должен был заняться разработкой всех организационных вопросов в случае начала новой войны. Совет был создан в 1912 г., установил типы и сроки формирования лечебных заведений, формируемых Красным Крестом в случае начала войны. Вместе с тем сильно было загнуто решение ключевого вопроса об управлении учреждениях РОКК на театре военных действий, что затем сильно сказалось на работе учреждений на фронте. Связано это было с затяжками в принятии военным министерством нового «Положения о полевом управлении армии в военное время», которое вступило в силу только перед самым началом войны²³.

А.И. Гучков пользовался достаточно большим влиянием в ГУ РОКК, однако ввиду противодействия военного министра В.А. Сухомлинова ему пришлось довольствоваться должностью не главноуполномоченного фронта, а особоуполномоченного при 2-й армии. Во время боевых действий А.И. Гучков обосновался в Варшаве, где приложил немало усилий для выстраивания взаимоотношений с местным польским сообществом. Эффект проявился уже в августе 1914 г., когда в польскую столицу стали массово прибывать раненые с левого фланга 2-й армии. Благодаря самоотверженной деятельности различных учреждений

²² Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 483-483.

²³ Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 331-332.

кризис относительно быстро удалось миновать. Уже затем А.И. Гучков вместе с мемуаристом отправился в Лублин, который не относился к сфере деятельности особоуполномоченного 2-й армией, направляя здесь свои усилия на разрешение кризиса в вывозе раненых. Он же оказал содействие и в обустройстве санитарного парохода «Пан Гадеуш», который курсировал по реке Висла. При поддержке Гучкова в Варшаве развили деятельность и такие талантливые врачи как Миротворцев и Бурденко. Как свидетельствовал Э.П. Беннигсен, лидер октябристов проявил себя и во время Лодзинского сражения: «Положение Лодзи, окруженной немцами с трех сторон, было крайне тяжелое, доставлять или вывозить что-либо из нее было возможно лишь по одному шоссе, которое притом еще часто обстреливалось. А.И. Гучков, как особоуполномоченный в армии, дравшейся в районе Лодзи, чуть не каждый день наезжал в нее, возвращаясь затем на несколько часов в Варшаву, чтобы дать и здесь необходимые указания»²⁴.

При 8-й армии генерала А.А. Брусилова особоуполномоченным практически всю войну состоял другой октябрист и депутат Государственной думы Г.Г. Лерхе: «Человек кипучей энергии, хотя и несколько бестолковый, Лерхе был в некоторых отношениях незаменим. <...> В Кр[асном] Кресте Лерхе проработал уже всю японскую войну, будучи уполномоченным передового отряда, и оставил по себе хорошую память; с самого начала Великой войны он был назначен особоуполномоченным при 8-ой армии и оставался в ней до конца 1917 г. Все время он носился по фронту из одного отряда в другой, посещая при этом то один, то другой штаб»²⁵. Весьма интересно, что во время войны он женился на сестре милосердия О.М. Гучковой (вдова Ф.И. Гучкова, брата А.И. Гучкова).

Неоднократно мемуарист упоминает и другого октябриста-депутата особоуполномоченного при 4-й армии Н.И. Антонова. По неизвестным причинам Э.П. Беннигсен не останавливается подробно на его деятельности и лич-

²⁴ Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 399.

²⁵ Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 416.

ности, однако, несомненно, летом-осенью 1914 г. он оказал известное содействие особоуполномоченному при 9-й армии в обеспечении подведомственных ему учреждений необходимыми материалами.

Впрочем, далеко не все устаиваются у Э.П. Беннигсена лестных оценок. Так, например, касаясь боев декабря 1914 г. под Краковом, мемуарист пишет, что во время отхода 3-й армии ее особоуполномоченный бывший октябрист и выборный член Госсовета М.А. Стахович «вообще мало занимался своими делами, а отдавался больше здесь ухаживанию за сестрами; по-видимому, не особенно занимались делами и прочие члены управления, и очень быстро связь управления с учреждениями была потеряна, в результате чего пропало немало имущества»²⁶.

Не менее критически Э.П. Беннигсен оценил деятельность и другого депутата Госдумы правого политика В.М. Пуришкевича. Здесь стоит признать, что современники в целом по-разному оценивали его работы как уполномоченного РОК от резко критических замечаний и обвинений в излишнем самопиаре до весьма позитивных (в глазах многих он сумел поколебать имидж скандального политика)²⁷. С самого начала войны как уполномоченный он находился на театре военных действий, в сентябре оказался в районе Августовских лесов. Здесь Пуришкевич вступил в конфликт с военным начальством, в частности, из-за резкого требования в адрес одного из железнодорожных начальников полковника Кондратьева о срочной присылке поездов для эвакуации раненых. Нарушение субординации вызвало справедливое негодование среди военных, причем сам Пуришкевич в ходе разразившегося конфликта счел возможным апеллировать к своему статусу депутата Государственной думы, намекать на близость к императору, а также грозить жалобами в адрес принца А.П. Ольденбургского²⁸.

²⁶ Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 427.

²⁷ Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. М.; СПб, 2011. С. 193-217.

²⁸ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 342. Л. 66-70.

В конечном счете скандального политика «убрали» с фронта и направили в тыл, где он по собственному ходатайству получил передовой питательно-перевязочный поезд, подчиненный непосредственно главноуполномоченному Северо-Западного района (ГУ РОКК утвердило прошение 17 (30) октября 1914 г.). Однако и здесь неуживчивый характер дал о себе знать, как передавал Э.П. Беннигсен: «На него жаловались в то время железнодорожники, которых он прямо терроризировал, требуя и добиваясь пропуска своего поезда туда, куда было необходимо доставить сперва разное, чисто военное снаряжение»²⁹.

Более тесно мемуарист взаимодействовал с ним уже в 1916 г., когда стал главноуполномоченным при Западном фронте. Здесь у В.М. Пуришкевича было несколько санитарных поездов, весьма неплохо обустроенных как на средства РОКК, так и на личные деньги. Впрочем, медицинская часть, которой заведовал студент Лазаверт, по мнению Э.П. Беннигсена, была поставлена слабо. При этом за Пуришкевичем тянулся шлейф конфликтов. Так, из-за невнимательного заполнения отчетных документов у него постоянно возникали конфликты с представителем Государственного контроля шпалмейстером А.В. Татариновым. Со стороны главнокомандующего фронтом А.Е. Эверта нареkania вызывала практика закупки скота у беженцев по дешевке, что генерал называл «ростовщичеством». Непосредственно Э.П. Беннигсен свидетельствовал, что в начале сентября 1915 г. в районе Барановичей: «Пуришкевич носился, как сумасшедший на своем автомобиле, опрокидывая беженские телеги и скотину, а подчас задевая и самих беженцев»³⁰. Не гнушался правый политик и доносамми, в частности, обосновательно обвинив заведующего медицинской частью профессора В.Г. Цеге-фон-Мантейфеля в шпионаже. Неудивительно, что по свидетельству мемуариста, отношение к Пуришкевичу в РОКК было неоднозначным³¹.

Значительно и то, что, находясь на театре военных действий, политики не прерывали связей с Петрогра-

²⁹ Беннигсен Э.П. Указ. соч., Л. 402.

³⁰ Беннигсен Э.П. Указ. соч., Л. 451.

³¹ Беннигсен Э.П. Указ. соч., Л. 443, 495.

дом. Воспоминания дают определенное представление о характере этих отношений: система РОКК была одним из источников относительно достоверной информации о положении дел на театре военных действий и каналом связи между преимущественно оппозиционной элитой и военным руководством. Так, Э.П. Беннигсен уже в ноябре 1914 г. ездил в столицу: «Я навестил кое-кого из моих влиятельных знакомых и из товарищей по Думе, чтобы обратить их внимание на необходимость усиления снабжения армии различными предметами и в первую очередь артиллерийскими снарядами. В первую голову, конечно, именно снарядами, о бережливости в расходовании которых начали твердить из Ставки уже в начале сентября. Однако везде мне давали успокоительные ответы, что все заказы уже даны, что производство их усиливается и что вскоре, по утверждениям военного министерства, армия ни в чем нуждаться не будет»³². Так, весной 1915 г. район 9-й армии посетил председатель Госдумы М.В. Родзянко, разговаривая с командирами корпусов о положении на фронте. Более того, в июле 1915 г. и в февралю 1916 г. сам Э.П. Беннигсен прерывал свое пребывание на театре военных действий, чтобы принять участие в работе Госдумы. При этом летом 1915 г. перед отъездом мемуариста в столицу генерал П.А. Лечицкий следующими словами «напутствовал» его: «Гребуя от меня, чтобы я определенно добивался усиления снабжения армии всем ей необходимым, прямо и определенно он добавил: «Ну, а без ответственного министерства не возвращайтесь сюда»³³. Впрочем, сам Эммануил Павлович выступал за создание ответственного министерства только после войны.

На фронте учреждения РОКК были своеобразными «гражданскими, невоенными островками», находящимися словно на границе иерархического военного мира. С одной стороны, краснокрестные служащие освобождались от призыва (многие намеренно шли, например, в санитары, чтобы не оказаться в окопах), с другой — многие инициативные

³² Беннигсен Э.П. Указ. соч., Л. 399.

³³ Беннигсен Э.П. Указ. соч., Л. 435.

общественные деятели получали возможность непосредственно оказывать помощь армии, не отсидживаясь в тылу. Более того, в краснокрестных учреждениях, действующих в районе тех или иных соединений, работали жены их командиров, благодаря чему эти отряды или госпитали получали полное содействие со стороны военных. Так, при штабе 11-го корпуса, командиром коего был генерал В.В. Сахаров, действовал питательно-перевязочный пункт, где работала его жена. В начале 1916 г., как отмечал Э.П. Беннигсен: «В 1-м Сибирском корпусе все время работал один из наших передовых отрядов, в числе сестер которого была и жена командира этого корпуса ген[ерала] Плешкова. Хотя она была и не старшей сестрой отряда, держалась она настолько тактично, что никаких недоразумений в персонале не было. Нужно сказать, что и сам Плешков держался в отношении отряда столь хорошо, что можно было только пожелать, чтобы везде у Кр[асного] Креста с военными властями были такие же отношения»³⁴.

Краснокрестные учреждения, несомненно, влияли и на социальные практики фронтовой повседневности. Например, несмотря на «сухой закон» спиртное употреблялось на фронте, хотя, как отмечал Э.П. Беннигсен, повального пьянства в первый период войны он не наблюдал. Однако надо понимать, что в РОКК спирт и вино использовались в медицинских целях, а потому они нередко выступали в качестве «валюты», которыми представители краснокрестных учреждений оплачивали многие любезности.

Другая проблема была связана с неформальными отношениями между военными чинами и сестрами милосердия. Важно подчеркнуть, что в предвоенное время «штабные» сестры милосердия состояли в общинах, которые в целом очень строго следили не только за профессиональной подготовкой, но и нравственным состоянием³⁵. Будучи главноуполномоченным при Западном фронте Э.П. Беннигсен

³⁴ Беннигсен Э.П. Указ. соч. С. 475.

³⁵ См. в качестве примера: *Срибная А.В.* Сестры милосердия в годы Первой мировой войны. М., 2015; *Варник Т.А.* Воспоминания сестры милосердия. М., 2014.

отмечал: «Нужно сказать, что если громадное большинство сестер вело себя прекрасно, то попадались сестры, которым, действительно, не место было в Кр[асном] Кресте»³⁶. Последнее обстоятельство было связано прежде всего с тем, что ввиду потребностей в расширении персонала были введены в самом начале войны 6–7-ти месячные курсы, набор на которые был менее строгим. Благодаря этому на фронте оказывалось немало девиц весьма легкого поведения, иногда даже самозванки, которые в свою очередь становились объектом активных ухаживаний со стороны офицеров. Более того, как свидетельствовал мемуарист: «Пока на фронте не было сестер Земского Союза, поведение сестер не бросалось в глаза, но земские сестры сразу принесли с собой особый пошиб»³⁷. Попытки бороться с «легкостью нравов» предпринимались руководством РОКК уже после первых месяцев войны, однако не всегда они приводили к должному успеху³⁸.

Порою такие связи оканчивались браком, в других случаях — не самыми приятными историями, за которыми могло последовать лишение звания сестры милосердия. В качестве примера наиболее вопиющей истории, с которой сталкивался мемуарист, можно привести следующую случай, произошедший в период его пребывания в должности главноуполномоченного при Западном фронте: «Самое курьезное дело такого рода поступило ко мне из Пинска, из штаба 3-ей армии по поводу одного военного госпитала, в результате покушения на самоубийство священника этого госпиталя; как-то он переночевал в местной гостинице в одном номере с сестрой, с которой он жил; старший врач сделал ему за это выговор, что так подействовало на ба-тюшку, что тот и пустил себе пулю в грудь. Произведенное по этому поводу расследование выяснило, что все 4 сестры этого учреждения жили — одна со старшим врачом, другая с младшим, третья с заведующим хозяйством и последняя со священником. Всех их я и откомандировал в их общины»³⁹.

³⁶ Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 445.

³⁷ Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 406.

³⁸ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 336. Л. 136.

³⁹ Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 445.

Как видно, фронтная (и прифронтная) повседневность создавала собственную систему морально допустимых поведенческих практик, которые получали распространение. Ключевое здесь, полагаем, слово «допустимые», что вовсе не подразумевает «морально оправданные».

Попутно отметим по данному вопросу, что героизм и самоотверженность многих сестер милосердия, как правило, были связаны с тяжелой работой вблизи позиций и в недрах лечебных учреждений, а потому оказались во многом скрыты от глаз простого обывателя, а если и становилась известна, то посредством патристической пропаганды, доверие к которой в свою очередь падало с каждым месяцем. В то время как различного рода авантюристки сосредоточивались в различных тыловых учреждениях, поведение таких девиц было более заметным, а потому скабрзные слухи быстро разносились по всей России. Впрочем, готовность к самоотверженной работе и склонность к различным любовным приключениям вовсе не исключают друг друга. Но вместе с тем в массовом сознании тогда сформировался негативный облик сестры милосердия, что показали недавние исследования⁴⁰.

Немаловажно и то, что характер работы краснокрестных учреждений на театре военных действий теснейшим образом зависел от боевой обстановки. В частности, только в период затишья или в условиях позиционного фронта удавалось наладить более-менее четкое управление учреждениями, в то время как в период маневренных действий многочисленные действия предпринимались *ad hoc*, исходя из насущных потребностей. Особенно это характерно для первых месяцев войны, когда выявились систематические провалы военной санитарной службы в эвакуации раненых и обеспечении их самой необходимой медицинской помощью. Именно в такие моменты история РОКК пополнялась примерами

⁴⁰ *Астахов А.Б.* Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014. С. 631-635; *Колоницкий Б.И.* Образ сестры милосердия в российской культуре эпохи Первой мировой войны // Большая война России: Социальный порядок, публикация коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох / ред. К. Бруиш, Н. Катнер. М., 2014. С. 100 — 126.

самоотверженной героической работы. Среди таковых, на основе воспоминаний Э.П. Беннигсена, можно отметить деятельность 1-го Георгиевского госпиталя в Варшаве в августе 1914 г., который, только развернувшись, принял 800 раненых (вдвое больше рассчитанного максимума)⁴¹.

Одновременно коллапс случился в Люблине, около которого ожесточенные бои вела русская гвардия. По воспоминаниям Э.П. Беннигсена, который прибыл сюда 26 августа (8 сентября) раненых свозили на вокзал. Усилиями уполномоченных К.А. Гросмана и В.Б. Ковалевского здесь был обустроен перевязочный пункт. Тяжелораненых отпращивали в местные лечебные заведения, которые были переполнены (например, в Люблинском военном местном лазарете при штатных 400 местах лежало 2300 раненых). Легкораненых старались эвакуировать, однако и из-за их большого количества и этого не удавалось сделать. Многим из них пришлось часами лежать прямо на платформах⁴².

Не менее героическим было поведение краснокрестных учреждений во время отступлений, когда многие из них оставались на своих местах и обслуживали раненых до самого приближения противника. В частности, в сентябре 1914 г. (во время начала сражения, вошедшего в историю как Варшавско-Ивангородская операция) героизм проявил Нижегородский этапный лазарет. Как вспоминал Э.П. Беннигсен: «старший врач лазарета, доктор Шитов, не ожидая моего вопроса, первый заявил мне, что он останется в Сандомире со всем своим персоналом до последней крайности. Так как это вполне отвечало моему мнению, то мы на этом и порешили, согласившись на том, что потеря имущества лазарета не может идти в сравнение с ценностью тех жизней, которые могут быть спасены работой его персонала до последней минуты»⁴³. Нижегородский лазарет покинул город в день занятия его противником.

Работники Красного Креста были не только участниками разворачивающихся боев, но и свидетелями многих

⁴¹ *Беннигсен Э.П.* Указ. соч., Л. 358.

⁴² *Беннигсен Э.П.* Указ. соч., Л. 358-359.

⁴³ *Беннигсен Э.П.* Указ. соч., Л. 373.

получивших известность в то время или впоследствии событий. Подчас эти свидетельства отличались от «общепринятых». В частности, именно на фронте 9-й армии в марте 1915 г. совершил «подвиг» ефрейтор 148-го пехотного Каспийского полка Алексей Макуха, который был взят австрийцами в плен и за отказ сообщать известные ему сведения лишился языка. Вскоре он сумел бежать, а за совершенный «подвиг» был награжден Георгиевским крестом 1-й ст., повышением в звании и щедрыми денежными выплатами, став один из ряда «героев-мучеников», образ коих формировала пропаганда начала 1915 г. Однако как свидетельствует Э.П. Беннигсен: «Через несколько дней я увидел Эйлера, который рассказал мне, что командир этого полка был очень сконфужен, ибо оказалось, что у героя этого происхождения язык цел, но на нем имеются всего лишь два поверхностных пореза, в причинении коих подозревают его самого. Позднее, в Тарнополе в одном из краснокрестных госпиталей я видел этого солдата; язык у него уже почти совершенно к тому времени зажил, но он все-таки упорно молчал. Доктор определенно считал, что он сам нанес себе эти ранения и что молчит он лишь из страха ответить за свой поступок»⁴⁴.

Безусловно, в рамках одной статьи невозможно перечислить все аспекты многогранной деятельности РОКК, которые затрагивает Э.П. Беннигсен. В некоторой степени его взгляд субъективен: определенная предвзятость чувствуется и в характеристиках политических оппонентов, занятых в работе краснокрестных учреждений, и земских организаций (взаимная «нелюбовь» вообще типична в отношениях между этими двумя структурами). Вместе с тем предлагаемое им «сетевое измерение» открывает перед нами до сих пор малоизученное пространство множества социальных взаимодействий и конфликтов, уловить которые весьма сложно, если рассматривать Красный Крест сквозь призму «традиционного институционализма».

⁴⁴ Беннигсен Э.П. Указ. соч. Л. 423.

Копылов Н.А.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ИСТОРИЯ ОДНОГО СЛАВЯНСКОГО МИФА)

Аннотация. Данная статья раскрывает один из устойчивых мифов Первой мировой войны на русском фронте — легенду о сдаче в плен 28-го пехотного полка австро-венгерской армии «Пражские дети». Используя ряд архивных документов и современные публикации на данную тему, автор раскрывает реальный ход событий и механизм создания легенды, широко принявшейся в военно-политических кругах австрийским и русским командованием в годы войны, а также немецкими и чешскими средствами массовой информации как в межвоенный период, так и в настоящее время. Разгром 28-го Пражского пехотного полка произошел во время тяжелого кризиса австро-венгерского командования и общества, вызванного опасением продвижения врага на исторические имперские и королевские земли. Австрийцами он был использован в пропагандистских и политических целях, чтобы оправдать собственное поражение. Чешскими дружинниками и их сторонниками этот миф использовался для поднятия своего авторитета в глазах русской власти.

Ключевые слова: «Пражские дети», чешская дружина, славянский вопрос, Первая мировая война, австро-венгерская армия, 28 полк, чешские разведчики, Австро-Венгерская империя.

Корулов Н.

ETHNIC QUESTION IN THE RELATIONS OF RUSSIA AND AUSTRO-HUNGARY OF TIMES OF WORLD WAR I (HISTORY OF ONE SLAVIC MYTH)

Abstract: This article opens one of the settled myths of World War I on the Russian front — a legend of delivery in captivity of the

28th infantry regiment of Austro-Hungarian army "Prague Children". Using a number of archival documents and modern publications on this subject the author opens real course of events and the mechanism of legend creation. This myth was widely spread in the military-political purposes by the Austrian and Russian command in the war years, and also by the German and Czech mass media after the war. The author stresses that 28th Prague infantry regiment defeat happened during a serious crisis of the Austro-Hungarian command and society caused by fear of enemy advance to historical imperial and royal lands. The myth was used by Austrian propaganda to justify own defeat. This myth was used by the Czech combatants and their supporters to justify their activities in eyes of the Russian authorities.

Keywords: *"The Prague children", Czech team, Slavic question, World War I, Austro-Hungarian army, 28th regiment, Czech scouts, Austro-Hungarian empires.*

Первая мировая война 1914–1918 гг., как любое глобальное событие, изменившее ход истории, оставила после себя не только огромный комплекс спорных вопросов, загадок и тайн. Она породила большое количество мифов, которые вот уже столетие переходят из памяти поколений в поколение, а также кочуют по страницам различных книг и изданий от журналистских статей до серьезных научных монографий. Эти мифы настолько утвердились в нашем сознании, что превратились в своего рода клише, которые неизменно возникают в сознании, стоит только услышать или прочитать какое-нибудь сигнальное слово. Одним из таких мифов является история о том, как 28-й Пражский пехотный полк австро-венгерской армии, чуть ли не под музыку оркестра, стройными рядами промаршировал в русский плен. О ней неизменно вспоминают, стоит только произнести слова: «Первая мировая» и «чехи». Странно, что до сих пор, несмотря на отдельные публикации современных чешских историков и исследователей, никто не усомнился в несуразности описания этого события. Однако оно может являться примером того, как одна из важных проблем внутри-

межгосударственных противоречий сформировала миф, переживший его творцов практически на несколько поколений.

В настоящее время, спустя сто лет после начала Первой мировой войны, взорвавшей мир старой Европы, можно выделить из комплекса объективных и субъективных причин, вызвавших к жизни молох войны, проблему малых народов в составе многонациональных государств, а точнее — славянский вопрос.

Анализируя ход событий как предвоенного периода, так и непосредственно июльского кризиса 1914 г., следует отметить, что правительственные круги Российской и Австро-Венгерской империй рассматривали войну как средство выхода из кризиса, охватившего к этому времени обе многонациональные державы. Славянский вопрос был одним из камней преткновения в политических отношениях между Габсбургами и Романовыми на рубеже XIX — XX веков. И если для российских монархов он был способом «выпустить пар» русской обществу, часто вставшей в оппозицию к государственному политическому курсу, то австрийский правящий класс прекарно понимал, что от правильного решения национальной проблемы зависит судьба всей Дунайской империи.

Особую остроту славянский вопрос в отношениях между империями проявился в 1908–1914 гг., когда после Боснийского кризиса и в ходе Балканских войн стали очевидными агрессивные устремления Габсбургской империи. В это время умы европейских политиков занимала судьба Австро-Венгрии и связанное с ней будущее чешского и словацкого народов¹.

К 1914 г. Вена переживала упадок как имперский центр: власть перемещалась на периферию империи к новым националистическим политическим силам в новых центрах — Праге, Кракове, Загребе и Львове, которые дрейфовали от центра, то есть от Вены и австрийских наследственных

¹ *И.М. Гойло.* Проблемы чешско-словацкого сближения накануне и в годы Первой мировой войны в освещении журналов ЧССР.// Первая мировая война: страницы истории. Черновцы, 1994. С. 150.

земель. Император и двор становились все более и более беспомощны перед этими силами, а власть императора становилась скорее символической, чем реальной².

В условиях политического кризиса, приведшего к мировой войне, с небывалой остротой заявили о себе проблемы централизации дуалистической империи, превращения Германской империи, а, возможно, и полного подчинения Германской империи. От того, какой вариант развития будет реализовываться на практике, зависели судьбы чешского и словацкого народов.

Чем ближе к 1914 г. нарастали австро-русские противоречия, тем активнее становилась позиция чешских национальных партий, причем она заключалась не только в оппозиционной парламентской деятельности, но и в прямом противодействии направленным против России действиям австрийского правительства. В январе 1914 г. русский консул в Праге сообщил поверенному в делах в Вене князю Н.А. Кудашеву, что «начальники корпусов, расквартированных в Чехии, Моравии и Силезии получили секретный запрос о том, насколько военная власть может рассчитывать в случае осложнения с Россией на состав офицеров-чехов. Из восьмого корпуса отзыв дан в том смысле, что молодые офицеры-чехи, до чина подполковника, представляются ненадежными. Они слишком увлечены национальной чешской и вообще славянской идеей». К изложенному консул добавил еще один интересный факт: «...в консульство часто обращаются молодые люди-чехи, желающие дезертировать. Приходится выслушивать от этих секретных просителей целые речи с негодованием против Австрии и ее войск и подмечать какую-то всеобщую уверенность, что серьезные события надвигаются сами собой»³.

Интерес также представляет переписка между Прагой и Министерством иностранных дел Российской империи за апрель 1914 г., в которой консул Жуковский, в ходе обсуждения

² *Соломон Вэнк*. Династическая империя или многонациональное государство: размышления о наследии империи Габсбургов в национальном вопросе. // Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. Сборник РАН. М., 1995. С. 14.

³ Международные отношения в эпоху империализма (далее — МОЭИ). М., 1936. Сер. III. Т.1. С. 106.

организации в Петербурге славянского съезда, пересылает министру С.Д. Сазонову записку депутата Петербургского съезда, лидера Национально-социалистической партии В. Клофача. В ней дается анализ реакции чехословацкого населения на события Балканских войн, где отмечается следующее: «В Чехии мобилизация сопровождалась бурными демонстрациями со стороны народа и запасных. Военное управление поняло, что происходит собственноручно моральная революция славянского духа и чувства, которые протестуют против войны со славянами. Протестовали резервисты, посылавшиеся на сербскую границу и, что важнее, резервисты, отправляемые на русскую границу. Мы держимся того мнения, что эти моменты повлияли на венскую политику и на ослабление военной горячки». В конце своей записки В. Клофач напрямую говорит о реальности сотрудничества чехов и представителей русской власти при подготовке в возможной австро-русской войне: «подготовить целый ряд надежных людей каждом городе и в каждой деревне, чтобы, на случай наступления русского войска через Силезию и Восточную Моравию, были бы люди, на которое русское войско могло бы вполне положиться. Вопрос теперь идет о продуманной пропаганде славянского русофильского духа и подготовительной организации»⁴.

Примерно в это же время, в мае 1914 г., из-под пера лидера партии младочехов К. Крамаржа выходит меморандум под названием «Устав Славянской империи применительно к Deutsche Bundesakte». Его основная мысль состояла в создании Славянского Союза, включающего Россию, Польшу, Чехию, Болгарию, Сербию, Черногорию. Данное объединение должен был возглавить представитель дома Романовых, имеющий обширнейшие права. В частности, мог утверждать Имперскую Думу и Имперский Совет — высшие законодательные общесоюзные органы. В решении спорных вопросов приоритет также оставался за царем, общей должна была стать внешняя политика и армия⁵. Уже

⁴ Там же. С. 384.

⁵ *Саваштова М.Д.* Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны. // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 114.

во время войны один из ближайших сотрудников Крамаржа, А. Рашин, через доверенное лицо передавал русскому осведомителю в Цюрихе, что главным доводом за создание «чешского королевства под державой русской» были те выгоды, которые получат чешские торгово-промышленные круги и чешские аграрии при государственно-таможенном объединении с Россией⁶.

Таким образом, следует отметить возрастающий интерес чешских партий и организаций к России и ее покровительству в политическом решении славянского вопроса по мере ухудшения отношений последней с Австро-Венгрией и Тройственным союзом. Чешские лидеры старались увидеть в русской монархии гаранта своей независимости, прежде всего в рамках экономического союза по К. Крамаржу. Среди чешской интеллигенции были и другие позиции. К примеру, лидер партии реалистов доктор Т.Г. Масарик из-за своей прозападной ориентации довольно скептически относился к славянским идеям в целом и русофильству в частности.

Июльский дипломатический кризис 1914 г. завершился агрессией Австро-Венгрии против Сербского королевства, переросшей в Первую мировую войну, в ходе которой славянский вопрос был решен военным путем. В первую очередь он коснулся двух противоборствующих многонациональных империй — Российской и Австро-Венгерской.

С началом войны чехи и словаки попали в двойственное положение, как этносы, оказавшиеся в составе армий противоборствующих государств, причем в Австрии отношение чехов к государственным мероприятиям было неоднозначным. 18 (31) июля 1914 г. после введения мобилизации в России Австро-Венгрия начала военные приготовления. По всей стране прокатились верноподданнические манифестации в поддержку войны, в том числе и в Праге. Однако эти демонстрации организовывались властями. Действительной поддержки война в чешском обществе

⁶ *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М.: Наука, 1965. С. 12.

не имела. Т.Г. Масарик вспоминал впоследствии: «Призывники шли в армию с отвращением, как на бойню; были случаи неповиновения, отказов, начались преследования». Однако в целом мобилизация проходила организованно и без задержек⁷.

В России была развернута активная деятельность в поддержку военной политики правительства. Выступления на верноподданнических манифестациях чешских и словацких землячеств в Москве, Петрограде, Варшаве, Одессе, Киеве, Ростове-на-Дону, призывы в печати встать на сторону России, «охранительницы европейского мира», и поддержать «белого царя — надежду и защитника славянства», говорили о полном единодушии лидеров чешских землячеств с русскими правящими кругами. Формирование данной политической линии способствовал тот факт, что на территории России в этот момент находились австро-венгерские подданные, попадавшие по законам военного мира под категории интернированных и военнопленных, а их имущество — под конфискацию⁸. Стараясь убедить русские власти в лояльности всех чехов и словаков, лидеры обществ обратились к Верховному главнокомандующему вел.кн. Николаю Николаевичу и в Совет Министров с предложением создать в рядах русской армии специальное чешское формирование. История чехословацких воинских частей в России начинается с заседания Совета Министров Российской империи 30 июля (12 августа) 1914 г., на котором единогласно было признано, что «сформирование упомянутых чешских добровольческих частей вполне целесообразным»⁹.

Затем всем губернаторам была разослана телеграмма товарища министра внутренних дел генерал-майора В.Ф. Джунковского от 4 (17) августа 1914 г., в которой было под-

⁷ *Серапионова Е.П.* Чехи и словаки в огне Первой мировой войны. // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М.: Наука, 2005. Кн.1. С. 46.

⁸ *Клеванский А.Х.* Указ. Соч. С. 20.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323. Л. 3.

черкнуто, что «по ходатайству чешских обществ в России намечено в скором будущем сформировать особые чешские войсковые части для действий против Австрии». Формирование намечалось произвести в Киеве, а деятельность по набору чехов добровольцев и препровождению их в Киев возлагалась на уполномоченных чешских обществ, имеющих в Петербурге, Киеве и Варшаве, с ответственностью этих обществ за политическую благонадежность добровольцев.¹⁰

Ни военные, ни дипломаты не стремились и даже опасались придать чешскому вопросу международный статус, тем более что в 1914 г. еще существовал расчет на скорое окончание войны и ломать традиционную политическую систему никто не собирался. Таким образом, соглашаясь формировать в составе русской армии чешские национальные отряды, русские власти смотрели на них как на временное явление. Главное управление Генерального штаба указывало начальнику войск Киевского военного округа, где было решено сформировать первую чешскую часть, генерал-лейтенанту Н.А. Ходоровичу, на особый поход к данному процессу: «целью формирования войсковых частей из чехов-добровольцев следует считать поднятие восстания среди чешского населения Австро-Венгрии. Вместе с тем представляется необходимым использовать чешские дружины для создания в пределах Австро-Венгрии благоприятной обстановки для действия наших войск. Указанное назначение чешских дружин, заставляющее смотреть на них не как на боевую часть, как на **соборание пропагандистов в пользу русской армии** (выделено мной — Н.К.), естественно, должно повлиять и на уклад внутренней жизни этих частей. Дисциплина в этих частях не может, конечно, быть на том уровне, на котором она в частях, имеющих боевое значение. **Чешская дружина должна быть дисциплинирована лишь настолько, чтобы идти в порядке до театра военных действий** (выделено мной — Н.К.).

С момента вторжения в Австрийские пределы чешская дружина как войсковая часть перестанет существовать.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2985. Л. 2.

Выделив целую сеть агитаторов, она распылится среди чешского населения Австро-Венгрии, работая по созданию благоприятной обстановки для наших войск, а также побуждая чехов к восстанию с оружием в руках против австрийцев»¹¹. Именно поэтому формирование чешской дружины (такое наименование присвоили чешской войсковой части) проводилось путем набора добровольцев. Также предусматривалось присутствие при начальнике дружины специального уполномоченного Союза чехословацких обществ в России (СЧОР), отвечающего за связь между офицерским составом и солдатами-чехами, а на театре военных действий — за агитационную деятельность среди чешского населения.

Кроме того, принимая во внимание дальнейшее развитие чешского вопроса, верховное командование русской армии опасалось, что «широкая поддержка России чехословаков в стремлении их провозгласить свою независимость от Австро-Венгрии может создать для названных народностей род миража и, в случае неосуществления их заветных мечтаний, вызовет чувство горького разочарования и некоторого неудовольствия против России»¹².

Однако высказываемые сомнения не могли приостановить выполнение Высочайшего повеления о формировании чешской дружины. В течение августа 1914 г. Отдел по устройству и службе войск Главного управления Генерального штаба выработал основания для организации чешских частей.

Формирование проводилось в Киеве как наиболее центральном из пунктов с более или менее значительным чешским населением. Вся деятельность по набору добровольцев для означенных формирований возлагалась на чешские общества Петербурга, Москвы, Киева, Одессы, причем Киевское общество по своим функциям объявлялось главным. Данные общества должны были командировать в населенные чехами местности своих уполномоченных, которые занимались набором добровольцев и направляли

¹¹ Там же. Л. 24.

¹² РГВИА. Ф. 2003. Оп.2. Д. 323. Л. 156.

их в Киевское общество. Последнее передавало принятых добровольцев в распоряжение штаба Киевского военного округа. Одновременно решался вопрос о принятии чешских добровольцев в русское подданство.

В зависимости от числа добровольцев штаб округа должен был сформировать одну или несколько чешских частей. Помимо славянского состава, которого явно не хватало для создания полнокровной дружины, выделялись кадровые нижние чины из запасных батальонов округа¹³.

Офицерский состав набирался из чинов русской службы, причем в составе дружины не менее 1/3 офицеров и нижних чинов должны быть русскими. Остальные командные должности планировалось замещать чехами-добровольцами, служившими раньше в иностранных армиях офицерами, зачисляя их на службу соответствующими чинами, на правах офицеров государственного ополчения. Весной 1915 г., во время визита в Ставку, представители Чешского комитета в г. Киеве обратились с просьбой установить среди чинов дружины чешский язык в качестве командного. В ответ начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич объявил: «Принимая во внимание, что чешские добровольческие дружины не являются частями русской армии, Верховный Главнокомандующий признал возможным ходатайство удовлетворить»¹⁴.

Однако боевое применение чехословацких добровольцев на фронте отличалось от предполагаемых в период формирования идей. Опасаясь использовать национальное формирование в качестве самостоятельной воинской части, русское командование распределяло чехов по ротам и более мелким подразделениям русским полкам и дивизиям, где чехи и словаки выступали в качестве разведчиков и переводчиков. Прежде всего, дружинников определили в 3-ю армию Юго-Западного фронта, сражавшуюся против австро-венгерских войск. Несмотря на осторожное отношение командования к вопросу использования национального формирования,

¹³ РГВИА. Ф. 2067. Оп.1. Д. 2985. Л. 7.

¹⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323. Л. 84.

чехи и словаки проявили себя на фронте с наилучшей стороны. В рапорте на имя Верховного Главнокомандующего от 9 апреля 1915 г. командующий 3-й армией генерал от инфантерии Р.Д. Радко-Дмириев указывал: «За все время пребывания Чешской дружины в составе 3 армии, дружина проявила себя с самой лучшей стороны. Дружинники, распределенные поротно по корпусам, несут разведывательную службу. Выходя ежедневно на разведку в составе соответствующих разведывательных партий от полков, а также самостоятельными партиями, дружинники всюду отличаются храбростью, предприимчивостью и отвагой, а вместе с тем оказывают неоценимые услуги, будучи знакомы с языками наших противников. Отзывы строевых начальников (начальников дивизий), в непосредственном распоряжении которых находятся чешские дружинники, о работе их по разведке и как боевой силы — выше всяких похвал»¹⁵.

Именно с действиями чешских дружинников связано возникновение и распространение одной популярной легенды, родившейся в Карпатских горах весной 1915 г. и до сих пор кочующей по страницам как простых газетных публикаций, так и серьезных исследовательских и научных работ. Это легенда о 28-м Пражском пехотном полке австро-венгерской армии под названием «Пражские дети», которая гласит, что полк практически полным составом перешел на русскую сторону. Так это было или иначе может подтвердить только анализ отечественных и зарубежных документов, в том числе неопубликованных или неизвестных отечественному читателю. В настоящее время можно с прилизительной точностью воспроизвести ход событий, развернувшихся на склонах Карпатских гор и ставших историческим мифом.

К началу 1915 г. армии левого крыла Юго-Западного фронта занимали растянутое положение вдоль Карпатского хребта от реки Дунаец до румынской границы и вели бои с австро-венгерскими войсками, прикрывавшими пути на венгерскую равнину, а также осаждали австрийскую крепость Перемышль. Еще в декабре 1914 г. командование Юго-

¹⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп.1. Д. 2985. Л. 50.

Западного фронта приступило к разработке плана вторжения в Венгрию, основным исполнителем которого должна была стать 8-я армия генерала от кавалерии А.А. Брусилова. Почти одновременно с этими событиями австрийское командование начало подтягивать свои резервы на южную сторону Карпат с целью деблокады Перемышля. В январе-феврале 1915 г. в карпатских горах разгорелись встречные сражения русских и австро-венгерских войск. В зимнюю стужу, на горных перевалах, после ряда лобовых столкновений, обе стороны так и не добились решающих результатов¹⁶.

Однако русские войска, обладая численным перевесом, продолжали активные действия, и в марте 1915 г. обстановка стала меняться в их пользу. 9 (22) марта 1915 г. пал Перемышль, и в русский плен попал его 120-тысячный гарнизон. Освободившаяся русская блокадная 11-я армия была брошена на карпатское направление с целью усиления 3-й и 8-й армий. К этому времени штаб Верховного Главнокомандующего принял решение нанести главный удар в полосе Юго-Западного фронта. Однако наступление понесших большие потери в предыдущих боях русских 3-й и 8-й армий, которые также испытывали острый недостаток в боеприпасах, привело только к частичному успеху. Русским частям удалось захватить часть карпатского хребта — Низкие Бескиды. В конце марта 1915 г. наступление стало останавливаться¹⁷.

В мартовских наступательных боях на Бескидах наибольших успехов добились XII и XXIV корпуса 3-й армии и VIII армейский корпус 8-й армии Юго-Западного фронта. Далее всех на запад продвинулся XXIV армейский корпус генерала А.А. Сурикова, состоявший из 48-й и 49-й пехотных дивизий под командованием генералов Л.Г. Корнилова и М.А. Пряслова, вышедших на подступы к городу Бартафельду, за которым уже начиналась Венгерская долина¹⁸.

Командование австро-венгерских войск немедленно начало переброску частей с других участков своего карпат-

¹⁶ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Сост. А. Незнамов. М., 1922. С. 59.

¹⁷ Там же. С. 64.

¹⁸ РГВИА. Ф. 2809. Оп. 2. Д. 2. Л. 7.

ского фронта. В их числе оказался 28-й Пражский пехотный полк под командованием подполковника Шаумаiera. Это был один из старейших пехотных полков императорско-королевской армии, имевший старшинство с 1698 г. Полк состоял на 95% из чехов, располагался длительное время в Праге и считался «домашним» полком столицы Чехии и неофициально назывался «Пражские дети».

Пражский пехотный полк только что был выведен после тяжелых боев с участка фронта у местечка Сенкова, около города Горлице, имея в строю 850 человек¹⁹. В ночь на 13 (26) марта 1915 г. полк занял оборону у деревни Стебник Гута, тем самым закрыв разрыв во фронте. На следующий день он был усилен маршевым батальоном из 700 человек и достиг общей численности в 1 550. Однако качество пополнения было невысоким как в физическом, так и в моральном плане. Помимо активных действий русских и тяжких условий зимних Карпат, «Пражских детей» ожидала еще одна неприятность: австро-венгерское командование не подозревало, что именно здесь против них действует одна из групп чешских разведчиков — полурота 2-й роты Чешской дружины под командованием подпоручика В. Клецанды²⁰.

Пока русские в лице 49-й пехотной дивизии готовились к дальнейшему броску вперед, чешские дружинники собирали данные о противнике. Через некоторое время разведчики подпоручика В. Клецанды принесли неожиданное известие: перед русскими обнаружена чешская часть, 28-й Пражский пехотный полк.

Этот полк, закрывший разрыв во фронте, попал в очень тяжелые условия. На склонах гор лежал снег толщиной до ¾ метра, днем он подтаивал, а ночью замерзал. Солдаты с большими усилиями вырубали в мерзлой земле небольшие окопы, в которых они лежали на подстилке из веток хвойных деревьев. Из теплых вещей у них были

¹⁹ Fucik J. Osmadvacatnici. Spor o ceskeho vojaka velke vally. 1914–1918. Praha, Mlada fronta, 2006. S. 160.

²⁰ Prasek V. Ceska družina. Praha: Knihovna Ceskoslovenskeho legionare. 1934. P. 54–55.

только легкие шинели. Первые три дня пребывания на этом участке фронта австрийские чехи питались только консервами и мерзлым хлебом. Затем была организована доставка горячей пищи из района Бартфельда, которая по дороге остывала и превращалась в ледяной блок. Каждый день в полку увеличивалось количество больных.

Так как полк размещался вне населенных пунктов, то санитарный пункт был в школе деревни Стебник Гута, хотя она находилась впереди австрийских позиций. В ночь на 17(30) марта группа чешских дружинников под началом десятника Я. Шипека подобралась к школе и захватила в плен всех находившихся там больных солдат, от которых были получены сведения о ситуации в 28-м полку²¹. Оказалось, что перед 195-м пехотным Оровайским полком 49-й пехотной дивизии стоят только три батальона полка «Пражские дети». Они отделены друг от друга глубокой долиной и не имеют между собой устойчивой связи. Кроме того, эти батальоны оказались в распоряжении разных бригад, и австрийское начальство совершенно не интересовалось их бедственным положением. Только после ряда настойчивых просьб подполковника Шаумайера, убеждавшего, что перед его фронтом русские сосредотачивают значительные силы, в тыл 28-го полка за деревню Стебник Гута был переброшен батальон 87-го пехотного полка.

В это время русское командование готовилось к новому наступлению. В последнюю субботу перед Пасхой, 21 марта (3 апреля) 1915 г. левый фланг 28-го пехотного полка был атакован частями русской 49-й пехотной дивизии. Примерно через полчаса 28-й полк начал отступление. Его 1-й батальон был просто сметен атакой²². Наступая дальше, русские солдаты проникли в тыл и во фланг 4-го батальона, после чего пришел приказ об отходе и в 3-й батальон. Наступление пытался сдержать резервный батальон 87-го полка, но и он после часового боя начал отступать. Чешские части и другие уцелевшие подразделения отошли на вторую

²¹ Pamětní kniha 1 streleckého pluku Jana Husa. Praha, 1920. S. 125.

²² Кручинин А.М. Легенда о полку «Пражские дети» // 100 let Československých Legii. Praha, 2015. S. 128

оборонительную линию юго-западнее деревни Стебник Гута, где с помощью подошедших подкреплений удержали оборону²³. В ходе этого боя потери 28-го Пражского пехотного полка составили около 800 человек, примерно половину состава. На следующий день русские повторили атаку австро-венгерских позиций, но понесли большие потери и были вынуждены отступить. Остатки 28-го полка удерживали занимаемые позиции еще около десяти дней.

Обстановка начала стабилизироваться, но неожиданно 29 марта (11 апреля) 1915 г. австро-венгерское командование издало приказ о расформировании 28-го Пражского пехотного полка. Этот документ, скорее всего, стал отражением нервозной ситуации, царившей в австрийских высших военных кругах, вызванной неудачами в Карпатах. Весной 1915 г. австрийское руководство боялось, что русские войска сумеют перейти Карпаты и двинуться на Венгерскую равнину, что могло бы привести к укреплению позиции Сербии, вероятному выступлению против Австро-Венгрии Румынии и возмущению среди славянского населения Дунайской монархии, особенно чехов. Вполне можно сказать, что в эти дни судьба империи висела на волоске. Именно в эту нервозную обстановку ворвалось известие о разгроме 28-го полка, что не осталось без отзвука. Таким образом, виновник поражения габсбургской армии был определен, и его следовало примерно наказать.

Австрийский Верховный главнокомандующий эрцгерцог Фридрих исключил 28-й Пражский пехотный полк из списка армии, а потом вышел указ императора Франца-Иосифа о расформировании полка и распределении его чинов среди других подразделений армии. Имущество и оставшиеся солдаты полка были распределены по различным полкам 3-го армейского корпуса, причем эта мера коснулась и 2-го батальона 28-го полка, который находился совсем на другом участке фронта в рядах 29-й пехотной дивизии²⁴.

Всю империю облетела весть о том, что 28-й Пражский пехотный полк сдался русским. В немецкой и мадьярской

²³ Fucik J. Ibid. S. 161.

²⁴ Fucik J. Ibid. S. 163.

печати поднялась кампания против 28-го полка, да и против чехов вообще. Однако на самом деле маршевый батальон из «Пражских детей» был переведен на Итальянский фронт, а воссозданный на его основе полк в 1916–1918 гг. храбро сражался под Изонцо и в Альпах, но об этом предпочитали не говорить.

Одновременно на русской стороне фронта получило широкое распространение версия о добровольной сдаче большей части 28-го Пражского полка в плен. Распространению этих слухов активно способствовали чешские дружинники с легкой руки подпоручика В. Клецанды, которому можно приписать авторство данной версии. Сначала молва о переходе чешского полка русским распространилась среди солдат 48-й и 49-й пехотных дивизий, причем начальник 48-й генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов начал звать к себе «чехов, которые берут целые полки»²⁵. Затем эта трактовка событий проникла в высшие командные круги русской армии, а затем — в прессу. Все это способствовало подъему славянской идеи в русском обществе и широко использовалось в пропаганде Союза чехословацких обществ в России, стремившегося к увеличению национальных подразделений в армии. Затем информация проникла и в газеты стран Антанты. В это же время стали известны австрийские приказы о расформировании 28-го полка. В итоге людская фантазия приукрасила события наличием военного оркестра, под звуки которого австрийские чехи шли в русский плен, а события в Карпатах 21 марта (3 апреля) 1915 г. превратились в легенду.

Однако эта история не умерла вместе с окончанием войны, падением Двухединой монархии и возникновением Чехословацкой республики. В послевоенное время она получила «второе дыхание». Когда в Чехословакии начался процесс поляризации немецкого и чешского националистических лагерей, легенда о «Пражских детях» приобрела новую интерпретацию. Если немцы говорили об измене, трусости и бесхарактерности чешских воинов, то чехи,

²⁵ *Klecanda V. Slovensky Zborov. Boje druhe roty Ceske Druziny a preechod 28. Pluku "Prazskych deti"*. Praha, 1934. S. 58.

наоборот, говорили об отваге, мужестве, любви к родине, а также решающей роли чехов в падении империи²⁶.

Только один раз, в начале 1920-х гг., прозвучала критика сущности этой легенды. Выступил историк и публицист К. Новак. Лично знакомый с начальником австро-венгерского Генерального штаба К. фон Хётцендорфом, он опубликовал книгу «Падение двух монархий», в которой отмечал, что 28-й полк вовсе не переходил на сторону русских, а стойко сражался. Зато командир полка бросил своих солдат, когда они еще вели бой, а потом так и не вступился за честь воинов²⁷. Доводы К. Новака были отмечены обеими сторонами: чехи заявили, что автор немец, а чешские немцы за слабые доказательства. На рубеже 1920 — 1930-х гг. развернулись дебаты в чехословацком парламенте между представителями фашистской партии и чешскими коммунистами во главе с К. Готвальдом²⁸.

В эти годы чехословацкое государство и общество формировали свои национальные воинские традиции и опирались на версию перехода 28-го полка, придуманную В. Клецандой, которую многочисленными публикациями и авторитетом генеральского звания активно поддерживал сам автор. В его изложении судьба полка заканчивалась массовым переходом к русским и роспуском оставшейся части подразделения. О последующем воссоздании «Пражских детей» и его боевых действиях на итальянском фронте не упоминалось.

В 1931 г. председатель отдела юстиции Министерства обороны Чехословакии генерал Я. Кунц опубликовал работу «Тайны австрийского Генерального штаба», в которой разместил обширную главу «Фальшивая легенда о 28-м полке». Свою позицию Я. Кунц подкрепил документами дивизионного суда, проходившего над чешскими солдатами в Темешваре. По его мнению, версия о массовом переходе солдат 28-го полка к русским лжива, и речь может идти

²⁶ *Medek R. red. Za svobodu. Obrazkova kronika ceskoslovenskeho revolucniho hnuti na Rusi. 1914–1920. Praha, 1925. S. 113–118.*

²⁷ *Fucik J. Ibid. S. 409–410.*

²⁸ *Кручинин А.М. Указ. соч. С. 13.*

только о солдатах, попавших в плен во время боя. Я. Кунц писал, что эта легенда уже сыграла свою положительную роль в развитии чехословацкой пропаганды, а сейчас, по прошествии десятилетий, необходимо восстановить истинный ход событий. Книга Я. Кунца подверглась бурной критике со стороны основателей легенды. В ответ В. Клецанда выпустил свою работу «Словацкий Сборов» (1934 г.), сделав все, чтобы укрепить в сознании современников и потомков именно свою версию событий.

События 1938 г. и Второй мировой войны далеко отодвинули все старые идеи и легенды, и казалось, что жесткие события заставят забыть тему Первой мировой. Но история «Пражских детей» опять объявилась уже в новой Чехословацкой республике 1918 г., где она нашла свое место в национальных учебниках истории. Теперь события далекого 1915 г. были представлены как протест чешских крестьян против империалистической войны 1914-1918 гг. Эту новую интерпретацию старой националистической легенды осуществил в конце 1950-х годов чешский историк К. Пихлик. Он отгел все тезисы как австро-венгерского командования, так и В. Клецанды, объявив действия солдат 28-го полка в качестве начала народно-освободительного движения чешского народа в Первой мировой войне.

В современной Чехословакии легенда продолжает жить. Так, в вышедшей в 1996 г. коллективной работе чешские историки отмечают, что в плен попал почти весь 28-й пехотный полк, причем солдаты практически сразу побежали навстречу русским, и их сдачу в плен не остановила даже стрельба 3-го батальона 87-го полка. Учебники истории того периода публиковали цветную иллюстрацию картины «Переход под оркестр большей части 28-го полка в русский плен».

Примерно в это же время, в 1994 г., появилась статья исследователя Й. Фучика, усомнившегося в факте массового перехода полка в русский плен. Фучик довольно долгое время проработал в чешских архивах, а также в Венском военном архиве, посетил места боев Пражского полка. Итогом его работы стала публикация в 2006 г. фундаментального исследования «Воины Двадцать восьмого. Спор о чешском солдате Первой мировой войны». Автор

подробно показал, что уставший и понесший большие потери в предыдущих боях 28-й пехотный полк попал под удар русских частей, хорошо знавших, благодаря чешским дружинникам, его расположение и моральное состояние. Потеряв в бою убитыми, ранеными и пленными большую часть людей, полк сумел удержать противника на второй оборонительной линии.

Выводы Й. Фучика подкрепляются документами Российского государственного военно-исторического архива, из которых наибольший интерес представляют рапорты командующего 195-го Оровайского полка подполковника В.А. Полумордвинова и командиров рот 1-го батальона о работе чешских разведчиков. При просмотре и анализе этих документов можно выявить, что атака Оровайского полка на австрийские позиции началась в 4 часа утра. Первым атаковал 4-й батальон подполковника А.С. Ризо. Около 6 часов утра он ворвался в окопы и стал зачищать их, активно работая штыками. В то же время 1-й и 2-й батальоны под общим командованием подполковника А.А. Дмитриева взяли деревню Стебник Гута и атаковали позиции к юго-западу от него. Противник отступал, оказывая серьезное сопротивление. В рапорте командир 2-й роты прапорщик Чижииков указал, что его солдаты около деревни взяли в плен 200 человек, в том числе двух офицеров²⁹.

Из анализа отечественных, чешских и австрийских документов видно, что никакого массового перехода чешских солдат в плен не было. Несмотря на неожиданную атаку, противник оказывал яростное сопротивление, и атакующие понесли потери в 68 человек убитыми и ранеными и 762 человека пленными, что точно сходится с данными Й. Фучика³⁰.

Все это позволяет сделать вывод, что разгром 28-го Пражского пехотного полка произошел во время тяжелого, вызванного опасением продвижения врага на исторические имперские и королевские земли кризиса австро-венгерского командования и общества.. Австрийцами он был испол-

²⁹ РГВИА. Ф. 2809. Оп. 2. Д. 2. Л. 1151-1155.

³⁰ РГВИА. Ф. 2809. Оп. 2. Д. 2. Л. 1152.

зован в пропагандистских и политических целях, чтобы оправдать собственное поражение. Чешскими дружинниками и их сторонниками этот миф эксплуатировался для поднятия своего авторитета в глазах русской власти. К сожалению, данная легенда пережила все события бурного XX в. и плавно укоренилась в сознании людей нового столетия и тысячелетия.

Голубинов Я.А.

**ПАМЯТЬ ПОЭТА:
ОПЫТ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ М.П. ГЕРАСИМОВА**

Аннотация. *Статья посвящена проблемам отображения в творчестве советского поэта и прозаика М.П. Герасимова опыта, полученного им в годы Первой мировой войны. Герасимов выразил свои впечатления о войне в серии рассказов, литературно-эстетические принципы которых обеспечили необычную для подобного рода произведений образность и стилистическое оформление художественного текста. Рассказы Герасимова могут рассматриваться как довольно необычный для русской литературы взгляд на Великую войну.*

Ключевые слова: *память, М.П. Герасимов, русская литература, рассказы, Первая мировая война.*

Golubinov Ja.

**THE POET'S MEMORY:
MICHAEL GERASIMOV'S EXPERIENCE
OF THE GREAT WAR**

Abstract: *The article is devoted to the WWI-experience presentation in poems of M.P. Gerasimov. He expressed his war impressions in a series of short stories. Their literary and aesthetic principles provide imagery and stylistic design which is unusual for this kind of texts. Gerasimov's stories can be considered as a rather uncommon for Russian literature point of view on the Great War.*

Keywords: *memory, M.P. Gerasimov, Russian literature, short stories, the First World War.*

В современной историографии принято говорить о Великой войне 1914—1918 гг. как о войне забытой, прак-

тически неизвестной широкой общественности¹. С одной стороны, подобные высказывания оправданы тем, что война эта действительно мало отражена в общественном дискурсе (в памяти не закрепились или не успели закрепиться ее герои, сражения, военачальники). С другой, тысячи научных публикаций на русском языке за прошедшее столетие говорят о том, что сюжеты из истории Первой мировой войны часто становятся предметом изучения представителей самых разных наук. В последние несколько десятилетий, после открытия архивов и библиотек, источники по истории Великой войны, наконец, предстают перед исследователями во всей своей полноте, а к специалистам ее сюжеты и герои приходят посредством популярной литературы, кинематографа, компьютерных игр.

Тотальность Первой мировой, ее всеохватность для судеб россиян проявляются с наибольшей силой, как только речь заходит о детальном рассмотрении советских биографий 1920–1930-х гг. Естественно, что многие знаменитые командиры Красной армии участвовали в Великой войне. Но через нее прошли и другие известные люди. Так, например, военное время стало важной вехой на жизненном пути таких русских прозаиков и поэтов, как Н.С. Гумилев, К.Г. Паустовский, М.М. Зощенко, С.А. Есенин, В.П. Катаев, А.И. Куприн, В.В. Бианки и др.

За этими известными для широкой публики именами скрываются сотни других, не имевших или утративших известность, но, тем не менее, запечатлевших фронтовой опыт в произведениях, которые по прошествии многих десятилетий снова приковывают внимание читателей. Среди них — уроженец Самарской губернии Михаил Прокофьевич Герасимов (1889 - конец 1930-х гг.), прозаик и поэт с довольно необычной судьбой.

¹ См., например, — Пахалюк К.А. Предисловие редактора // Вестник и забытая: материалы международной научно-практической конференции / Ред.-сост. К.А. Пахалюк. Калининград-Гусев, 2013. С. 7–13. URL: http://hisirf.ru/uploads/media/artworks_object/0001/08/3b0ef62b9761acc8a84590f544fb4da364d528d.pdf (дата обращения: 21.02.2016).

Биографии М.П. Герасимова в прижизненных справочных изданиях и более поздних энциклопедических публикациях довольно однотипны и базируются, по-видимому, во многом на его автобиографической справке 1925 г. для книги Василия Львова-Рогачевского². Эмигрировав, точнее, бежав из России по политическим причинам в 1907 г., молодой поэт-большевик начал работать на промышленных предприятиях во Франции и Бельгии, одновременно участвовал в деятельности кружка пролетарских писателей в Париже, переписывался с Максимом Горьким и получил его поддержку, исходил пешком Западную Европу и работал матросом на торговых судах в рейсах по Средиземному морю и Атлантике.

Однако, как и в жизни миллионов других европейцев, все изменилось в 1914 г. М.П. Герасимов, по его собственным словам, «с начала европейской войны служил волонтером во французской армии, во 2-м иностранном легионе. Участвовал в боях на Марне, в Шампани, Аргонне. Был контужен около Реймса (форт Сент-Тьери). Осенью 1915 года вместе с другими волонтерами был выслан в Россию за неподчинение властям и пропаганду против войны. Весной 1916 года арестовали: сидел на гауптвахте в Самаре, а потом отдан под надзор в 4-й запасный саперный батальон. С 1917 года занимал ряд ответственных постов: председателя совета военных депутатов, зампредгубисполкома, губвоенкома, командующего фронтом, члена ВЦИК 1-го созыва от межрайонцев, председателя самарского пролеткульта и др.»³.

После Гражданской войны М.П. Герасимов стал во главе литературной группы «Кузница», «члены которой продолжали борьбу за независимую пролетарскую поэзию, не служащую партийной пропаганде»⁴. После распада

² Герасимов М.П. Автобиографическое письмо // Книга для чтения по истории новейшей русской литературы: Рабоче-крестьянское творчество за 30 лет: Поэзия, критика, беллетристика, документы, манифесты литературных групп / Составил, снабдил примечаниями и вводными статьями В. Львов-Рогачевский. Л.: Рабочее издательство «Прибой», 1925. С. 344–345.

³ Там же. С. 345.

⁴ Казак В. Лексикон русской литературы XX века. М.: РИК «Культура», 1996. С. 491.

группы в 1932 г. он не оставил творческой деятельности, но в 1937 г. был арестован и, судя по всему, вскоре расстрелян, хотя многие справочные издания указывают 1939 г. как год смерти⁵.

Единственным источником сведений о том, как поэт воспринял войну, остается его книга рассказов «Цветы под огнем: рассказы 1915 года», вышедшая двумя изданиями в 1919 и 1923 гг. Критика практически не заметила этого произведения. На первое издание было два отклика в тогдашней прессе⁶, на второе — один⁷. Предметом специального анализа эта книга снова стала лишь почти сто лет спустя⁸.

Не вдаваясь снова в филологические тонкости, следует, как мне представляется, во-первых, обозначить место рассказов Герасимова в русскоязычной художественной литературе, посвященной Первой мировой войне, и, во-вторых, постараться обрисовать значимость этих текстов для русской исторической памяти о тех событиях.

Рассказы Герасимова, связанные с событиями 1914–1918 гг., необычны для отечественной литературы тем, что автор — непосредственный участник боевых действий — описывает свои личные впечатления от войны именно на Западном фронте на самом раннем ее этапе⁹. В процитированном выше отрывке из «Автобиографического письма» Герасимова видно, что он, как и сотни других российских под-

⁵ *Шенгайский В.* Расстрельные ночи // Звезда. 2007. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/4/sh6.html> (дата обращения: 21.02.2016).

⁶ Русские советские писатели. Поэты: библиограф. указ. Т. 5: С. Васильев - М. Герасимов / Сост. Алексахина И. В., Берман Д. А., Гужиева Н. В. и др. М.: Книга, 1982. С. 415.

⁷ Там же. С. 417.

⁸ *Орлицкий Ю. Б.* Заполздалые «Цветы под огнем»: книга военных рассказов Михаила Герасимова (1915) // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014.

⁹ Впечатления русского нон-комбатанта от раннего этапа войны на Западном фронте зафиксированы в книге известного эсера Б. В. Савинкова-Ропшина В. (Савинков Б.) Во Франции во время войны. Сентябрь 1914 – июнь 1915: в 2 ч. 2 изд. М.: Тип. г-ва «Задруга», 1917–1918.

данных, оказавшихся во Франции, пошел добровольцем во французскую армию. Еще до известного соглашения между правительствами России и Франции по отправке русских войск в 1916 г. в Западную Европу множество солдат из России оказалось во французских войсках¹⁰. Это были, прежде всего, волонтеры Иностранного легиона. К концу 1914 г. в рядах последнего насчитывалось 3393 россиянина¹¹.

Надо сказать, что в массе русской художественной литературы о Первой мировой войне сочинения, которые доносили бы голос этих добровольцев до современного читателя, чрезвычайно редки. В Советском Союзе что-то на этот счет, скорее всего, можно было прочесть только в книге В. Г. Финка «Иностранный легион»¹², вышедшей впервые в 1935 г. и затем многократно переиздававшейся вплоть до 1980-х гг. Роман Финка был, пожалуй, вообще одним из немногих известных в СССР художественных произведений, посвященных событиям на Западном фронте Великой войны. То, что автор положил в основу романа собственный фронт-вой опыт, делало произведение еще более ценным. Роман, правда, вполне в духе времени имел «антимилитаристское содержание», а сам В. Г. Финк, по мнению критики, «убедительно» показал «нарастание протеста у пестрой, разноязычной массы легионеров, впервые на войне догадавшейся об истинных виновниках мировой бойни»¹³.

¹⁰ История военнослужащих из бригад т.н. Русского экспедиционного корпуса, прибывшего во Францию в 1916 г., отображены во множестве публикаций. См., например, мемуары маршала Р. Я. Малиновского, книгу на материалах французских архивов генерала Ю. Н. Данилова, современные исследования А. Ю. Павлова и др.

¹¹ *Reynaud J.-P.* Les étrangers dans l'armée française au cours de la Grande Guerre // Bulletin de l'Académie des sciences et lettres de Montpellier. 2009. Т. 40. Р. 9. URL: http://www.ac-sciences-lettres-montpellier.fr/academie_edition/fichiers_conf/REYNAUD2009.pdf (дата обращения: 21.02.2016).

¹² *Финк В. Г.* Иностранный легион. Роман в 13 новеллах. М.: Советский писатель, 1935.

¹³ Финк // Литературная энциклопедия: В 11 т. М.: Художественная литература, 1939. Т. 11. Стб. 677–678. URL: <http://feb-web.ru/feb/itenc/encuolp/feb/feb-6771.htm> (дата обращения: 21.02.2016).

Другой книгой, изданной в России в 1916 г., за двадцать лет до романа В.Г. Финка, и посвященной судьбе русских добровольцев во французском Иностранном легионе, было собрание очерков журналиста и политика-эсера В.И. Лебедева, который сам прослужил в нем с 1914 по 1917 г.¹⁴ Написанная также на основе собственных наблюдений, эта книга содержит ряд любопытных подробностей, касающихся мотивации добровольцев, острого обсуждения среди политических эмигрантов, эсдеков и эсеров необходимости идти во французскую армию, обучения волонтеров, их участия в боях на Западном фронте и на Балканах. Сам вид книги Лебедева, напечатанной в 1916 г., уже говорит о том, какие испытания пришлось выдержать его очеркам на пути к публикации: в тексте то и дело попадаются большие пропуски на месте строк, вычеркнутых цензурой. Последующая судьба В.И. Лебедева (член Учредительного собрания, организатор Народной армии Комуча в Самаре, эмигрант) сделали переиздание или даже доступ к его очеркам решительно невозможными, и они были забыты публикой.

Любопытно, что все три автора — В.И. Лебедев, М.П. Герасимов, В.Г. Финк — были политэмигрантами и принадлежали к социалистическим партиям. Однако между их текстами, конечно, есть множество различий.

Так, книге Лебедева свойственен журналистский стиль: это в первую очередь очерки, призванные познакомить читателя с положением дел в европейском тылу и на фронте и написанные под влиянием определенной политической идеологии. Сквозного сюжета у Лебедева нет, и очерки, подчас очень интересные своими подробностями военного быта волонтеров (например, очень живописно показано устройство «русской паровой бани» на позициях), сгруппированы в разделы по темам и хронологии.

«Иностраннный легион» Финка подкупает солдатским юмором, а характеры героев, как и положено у персонажей

¹⁴ *Лебедев В.И.* Из рядов французской армии: Русские волонтеры во Франции: Очерки французского фронта и тыла: В Македонии / под ред. Н. Сперанского. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916.

романа, на протяжении всего произведения претерпевают определенные изменения. Так, один из главных действующих лиц, легионер Бланшар, вначале — простой солдат, любящий лиц, и женщин, постепенно приходит к мысли о бессмысленности и ненужности войны и становится военным бунтовщиком, отказавшись выполнять приказы начальства.

Книга Герасимова построена по принципу отдельных рассказов-зарисовок, один из которых написан еще в 1913 г. и не касается темы войны вообще, но при этом рассказы лишены непосредственности военного репортажа, это именно художественные, а не публицистические произведения. Мемуарные зарисовки слиты воедино с выдуманными сюжетами и деталями. Одним и тем же, пожалуй, остается герой-рассказчик, как и в книге Финка, но все остальные герои меняются от рассказа к рассказу. И, в отличие от книг Лебедева и Финка, текст Герасимова густо насыщен литературными аллюзиями и поэтическими тропами.

Филолог Ю.Б. Орлицкий, в 2014 г. посвятивший большую статью вопросам поэтики «Цветов под огнем», высказал справедливое мнение, что, во-первых, немногочисленная проза Герасимова — это несомненная «проза поэта», имеющая «все отличительные признаки этого явления: особый лиризм текста в целом и лирических отступлений в особенности, активное включение в него стихотворных фрагментов, причем в случае Герасимова — целых стихотворений; метризацию и строфизацию отдельных участков прозы, причем как собственно художественной, так и мемуарной». И, во-вторых, «можно констатировать, что проза Михаила Герасимова <...> с точки зрения ритмической организации оказывается в русле символистской и пост-символистской эстетизированной прозы»¹⁵.

Также тексту Герасимова неожиданно оказывается не свойственна политическая ангажированность, хотя причины его бегства из России и слова в автобиографии об обстоятельствах оставления французской службы заставляют в начале чтения подозревать обратное. Желание героя Герасимова — «сражаться и умереть так просто, без всего,

¹⁵ *Орлицкий Ю.Б.* Указ. соч. С. 825.

как миллионы тех рабочих и крестьян» — сосуществует с чисто меркантильными интересами («просто порыв <...> когда брюхо пусто, а голод немощно щекочет...») и авантюризмом — «хочется увидеть войну, а то... изъездил и видел весь свет, испытал многое, а войну не видал никогда. А это должно быть интересно. Необычайно любопытно, когда оптом убивают людей, дают, как в гигантской давилльне винограда»¹⁶. В то время как, например, у В.И. Лебедева в одном из очерков при ответе на вопрос, зачем идти в армию, выясняется, что самым главным стимулом является осознание «необходимости идти вместе с народом, поднявшимся по его, по народному мнению, за правое дело, каковым оно в то же время представляется» и ему самому¹⁷.

В каком-то смысле рассказы Герасимова оказываются похожи на прозу британских писателей, к примеру, Эдмунда Бландена¹⁸ или Роберта Грейвза¹⁹. Война подана у Герасимова в виде ряда картин, каждая из которых должна повлечь определенное эстетическое переживание, но не этическую оценку. Далее я постараюсь показать на конкретных примерах, как именно это происходит.

Рассказы-зарисовки Герасимова расположены не в хронологическом порядке. Открывает сборник одноименный рассказ — «Цветы под огнем», в образе которых у поэта и прозаика выступают дети из разрушенных войной селений («детские фигурки на развалинах селений, они выползают из нор сырых подвалов, напоенных терпким запахом плесени, грибов и винного брожения», а «их лица бледны,

¹⁶ Герасимов М.П. Цветы под огнем: рассказы 1915 года. М.: Издательство писателей «Кузница», 1923. С. 70.

¹⁷ Лебедев В.И. Указ. соч. С. 92.

¹⁸ «Тайные смыслы войны» Эдмунда Бландена можно также назвать большим прозаическим опытом автора-поэта, который «не закатывает глаза в возвышенном отчаянии». Подробнее см. Фассел П. Великая война и современная память. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 352 и др.

¹⁹ Как и книга Роберта Грейвза, рассказы Герасимова не являются строго документальным текстом, а, скорее, искусным соединением правды и вымысла. Превосходный анализ книги Грейвза см. Фассел П. Указ. соч. С. 271 и сл.

глаза странно поблескивают, они блуждают доглевающими огоньками Ивановой ночи»²⁰).

В принципе, в описании их жизни, страданий, страха из-за бомбардировок и обстрелов можно вычитать определенный антимилитаристский пафос, но кажется, что для Герасимова все же важнее та потрясающая картина борьбы, которая разворачивается кругом: «Наступивший вечер прикладывал легкие тени на израненную землю. Усталые и довольные, как увядающие цветы, возвращались дети домой в разоренные гнезда селения Борье. Недалеке шла канонада, ухали пушки, гудели снаряды, аккомпанируя огненному танцу танго, и казалось, что в вечернем небе протянулись струны огромного контрабаса. Ответы бьющих орудий мерцали в облаках, точно молниевидная палочка невидимого дирижера. Гулкою дробью, как клекот орла над бездною, рассыпалась митральеза»²¹.

Из последующих рассказов читатель может реконструировать тот путь, который прошел лирический герой и, видимо, сам автор на пути к фронту и в его окопах. Как и многие другие иностранцы, герой оказывается среди волонтеров легиона, которых «жители приветствовали, а девушки дарили цветы, яркие осенние цветы — гвоздику и хризантемы»²². А за Парижем последовал Руан, где «волонтеров разместили в больших дортуарах пустующей семинарии, где со стен смотрели строгие лица святых. Лежали прямо на полу, на золотистой соломе шелковисто шуршащей, издающей сладковатый запах хлеба»²³. А «на четвертый день нас в красных вагонах отправили в Тулузу, так как с севера надвигались чугунные тучи сражений, обрызгивая землю пламенем и кровью»²⁴.

Герасимов довольно скупо пишет об обучении волонтеров, его гораздо больше интересует окружающая обстановка и необычный вид сослуживцев. После прибы-

²⁰ Герасимов М.П. Цветы под огнем. С. 7.

²¹ Там же. С. 12.

²² Там же. С. 47.

²³ Там же. С. 50.

²⁴ Там же. С. 51.

тия в Тулузу «началась учебная страда». Новые легионеры «вставали рано. Невидимое солнце чуть касалось самых высоких вершин Пиренеев, они теплили розоватым пламенем в звездном небе». Новобранцы «пили по кружке черного кофе; навьючивали на себя шинели, одеяла, ранцы, сумки, винтовки; обливаясь потом под южным солнцем, совершали сорокакилометровые переходы, выбивая о кремни шоссе искры окованными башмаками. Иногда брали приступом взгорья, селения и хутора. Топот, крики, холостые выстрелы нарушали молчание полей. ... За малейшую оплошность наше легионское начальство заставляло... бежать без отдыха целый километр, в назначении. У легионеров были суровые лица, изъеденные горячим самумом, цвета коричневых песков Сахары. В казармах они ходили полуголые, гордясь своей удивительной синей татуировкой по бронзовому телу. Тут были фантастические цветы и пальмы, целые тропические леса, населенные возлюбленными красавицами всех рас, обезьянами и всевозможными зверями. Были иные амулеты, но особой любовью пользовались змеи, удавы...»²⁵. Подобные экзотические описания заставляют немедленно вспомнить африканские стихи Н.С. Гумилева.

Фронт для Герасимова такая же удивительная и поражающая взор своей грандиозностью картина, как и татуировки марокканских легионеров. В описаниях боев и фронтовых пейзажей поэт постоянно сбивается на тон восторженного зрителя какого-то невероятно красочного зрелища. Повседневность фронтовых будней сливается воедино природу, воюющих людей, животных, технику, живых и мертвых. Герой одного из рассказов признается: «когда стоишь часовым ночью, лицом к лицу с врагом, нервы напрягаются струнами и ничтожная тень, шорох, или посвист пролетающей пульки касаются острой болью. Душа холодеет, а пальцы крепче сжимают холодный ствол винтовки. Кусты и ряды кольев заграждений в отдалении, смутно очерченные лунным светом, кажутся стройными колоннами бесшумно идущего в атаку врага. Пронесется

²⁵ Там же. С. 81–82.

ночные птицы, похожие на аэропланы, зорко высматривают свою добычу...»²⁶

В принципе, автор прямо признается, что «мы — траншейные "roilus" одичали до неузнаваемости, ругались, дрались, бросали бомбы, стреляли, прямо зубами отрывали куски сыроватых бифштексов, и кровь стекала с наших пальцев, длинные когти которых придавали им сходство со звериными лапами»²⁷. А при встрече с любимой женщиной, которая специально приехала на фронт к герою, последний произносит тираду, что он «огрубел, пророс мхом за год войны <...> даже у офицеров на теле живут насекомые...», от него «исходит какой-то неприятный заплесневелый запах земли», «но посадите кого угодно в эти собачьи конуры землянок, и он будет таким же... — неизящным»²⁸. А грубость и жестокость просто не замечаются солдатами, поскольку «нервы у всех — канаты <...> А потом, эта грязь, эти вши. Они вырыли окопы и ходы в солдатской шкуре»²⁹.

Солдатский быт действительно был далек от совершенства: «Солдатам не сиделось в сырых пещерах землянок, где в горько-дымном воздухе звенели капли, возились крысы, а осклизлые стены были покрыты зеленоватым мхом и лишаями, точно лягушиными шкурками»³⁰. Сами они, как было процитировано выше, превращались в каких-то дикарей, страшных пещерных людей («зачем здесь красота, <...> зачем она на войне?»³¹), которые иногда теряли последние следы схождения с теми, кем они были до войны. Подобные метаморфозы происходили не только с душой, но и с телом солдат.

Это происходило иногда по вине ранения. Так, у одного из товарищей героя-рассказчика лицо было «обезображено осколками ручной гранаты во время атак на Бери-о-Бака. Вырванная шека и шрам над безбровным глазом придавали

²⁶ Там же. С. 87.

²⁷ Там же. С. 84.

²⁸ Там же. С. 26.

²⁹ Там же. С. 24.

³⁰ Там же. С. 39.

³¹ Там же. С. 43.

ему ироническо-насмешливое выражение, как будто он так относился ко всему в этом изменчивом мире. Когда он первый раз в лазарете снял с лица повязку и увидел себя в зеркале, безутешные детские слезы покатались по серым рытвинам изуродованных щек. Много дней он ходил со скорбным лицом по белым, молчаливым коридорам лазарета, как по кладбищу, тоскуя об умершей красоте лица, улетающей молодости, утраченном счастье³². А иногда подобная метаморфоза была добровольным выбором легионера. Один из солдат, который «не причисывался неделями, не умывался», а его «кожа почернела и потрескалась, как пашня весной», признавался, что специально перестал следить за собой и намеренно «разбил зеркалаще, и вот много месяцев не видел себя. Это спокойнее»³³.

В таком виде обезображенные, грязные солдаты предстали в облике каких-то хтонических чудовищ, которые на краткий миг снова вспомнили во время Рождества об утраченном мире (рассказ «Елка»), но при этом при первом признаке опасности, как оборотни, снова превращались в волков, выслеживающих добычу. И веселая рождественская вечеринка в лесу была немедленно прервана, когда «прибежал часовой из секрета и тревожно сообщил, что в овраге, справа за перелеском, пробирается вражеский пагруль. <...> Оборвались веселые голоса. Мы оставили нарядную елку и сразу пошли за ним в мертвое пространство, где каждый кустик на серебряном пепле пугал жутким силуэтом»³⁴.

При этом некоторым историям Герасимова все равно присутствовала какая-то комичность, которая возникает то ли из-за того, что автор не владеет приемами прозаического описания и не может выдержать нужный тон (как, например, в рассказе «Коза» при изображении странной привязанности героя к этому домашнему животному, чудом выжившему в разрушенной деревне), то ли вследствие изменившегося на фронте чувства юмора, способного увидеть нечто ироническое даже в отталкивающих подробностях окопной

³² Там же. С. 41.

³³ Там же. С. 43.

³⁴ Там же. С. 46.

жизни (применительно к английским авторам об этом говорит Пол Фассел³⁵). Так, лирическое описание встречи героя с кошкой в разрушенной деревне и милый стишок про сиамского котенка по этому случаю, переведенный с французского или сочиненный самим автором, продолжается на следующей странице макабрической сценой случайного убийства и освежения этой кошки, из которой в конечном счете было приготовлено рагу. «Кошачье мясо напоминало по вкусу дикую утку», — добавляет рассказчик³⁶.

Подобные странности в поведении (привязанность и нежность, вдруг сменяющиеся жестокостью), в принципе, объяснимы. Грубел не только физический облик солдат, но и их характер. А в некоторых случаях не выдерживал и разум. Несколько примеров такого безумного поведения описываются М. П. Герасимовым. В одном случае солдат сходит с ума при получении некой новости из дома и по сути совершает самоубийство, отправившись под пули врага на ничейную землю в виноградник за его плодами³⁷. В другом легионер проявляет безрассудство, до последнего под пулями освещая прожектором поле битвы, в каком-то смысле подражая горьковскому Данко, по жертвовавшем всем ради соплеменников. «Светлый маяк в разбушевавшемся океане смерти», — пишет Герасимов³⁸.

Вообще литературные аллюзии не чужды М. П. Герасимову. Так, он говорит, например, что во время сражения «весь мир — громокипящий кубок»³⁹. И здесь непонятно, к какому именно поэту, Тютчеву или Северянину, он отсылает читателя, используя эту известную метафору. В целом М. П. Герасимов строит рассказы о фронте, нередко заимствуя из русской и иностранной литературы образы при описании стычек, ландшафтов битвы и мирных пере- дышек в окопах.

³⁵ См. Фассел П. Ук. соч. С. 30—43 и др.

³⁶ Герасимов М. П. Цветы под огнем.. С. 89.

³⁷ Там же. С. 20.

³⁸ Там же. С. 58.

³⁹ Там же. С. 57.

Интересно, что последний рассказ сборника — «Осенняя дрожь» — посвящен российскому тылу, куда автор попал, когда его отослали из французского Иностранного легиона назад на родину. Описание Самары и немудреная история, рассказанная в этом последнем тексте «Цветов под огнем», заставляют вспомнить не об экзотических и фантастических картинах прозы писателей-декадентов, а скорее о самых неудачных рассказах А.И. Куприна или И.А. Бунина.

Рассказы, объединенные в сборник «Цветы под огнем», остались единственным крупным прозаическим опытом для М.П. Герасимова. Несмотря на то, что он сражался в Гражданскую войну, никаких попыток как-то отобразить и творчески осмыслить опыт, полученный уже во время этого конфликта, М.П. Герасимов не предпринял. Сосредоточившись с начала 1920-х гг. на работе в литературной группе «Кузница», поэт предпочел песням о войне гимны мирному труду на благо пролетариата и родной страны.

Недавно историк Б.И. Колоницкий заметил, что многие русские ветераны «Первой мировой войны не смогли написать свои воспоминания, не смогли оформить свой опыт в стихах и прозе», причем это касается не только тех, кто жил в СССР, но представителей российской эмиграции, которая «не создала таких художественных текстов, которые смогли бы стать выразительными символами войны»⁴⁰. Эти слова, конечно, не касаются М.П. Герасимова. И хотя его тексты не стали и скорее всего не станут такими символами, то, по крайней мере, знакомство с ними демонстрирует, что памяти о Великой войне, способов ее осмысления и отображения в русской литературе существует больше, чем обычно считалось.

⁴⁰ Колоницкий Б. Книга Фассела и память о «забытой войне» в современной России // Фассел П. Ук. соч. С. 11.

Васильев М.В.

1-й ПЕТРОГРАДСКИЙ ЖЕНСКИЙ БАТАЛЬОН В СОБЫТИЯХ 1917 ГОДА

Аннотация. В статье раскрывается история создания и подготовки 1-го Петроградского женского батальона. Сквозь призму революционных событий в России изучаются вопросы социального состава, численности этого воинского подразделения, в хронологической последовательности выстраивается история его существования.

Ключевые слова: Первая мировая война, женские батальоны, революция, Петроград, Зимний дворец.

Vasilyev M.

1ST PETROGRAD WOMEN'S BATTALION IN THE EVENTS OF 1917

Abstract: The article reveals the story of creation and training of the 1st Petrograd Women's Battalion. Through the prism of revolutionary events in Russia examines issues of social structure, number of military units, in chronological sequence builds the story of his life.

Keywords: World War I, women's battalions, revolution, Petrograd, the Winter Palace.

Самым трагичным и тяжелым для русской армии из всех четырех лет Первой мировой стал 1917 г. Усталость от войны и неимоверное перенапряжение сил, Февральская революция и социалистическая пропаганда в воинских частях и на фронте сделали свое дело, солдатская масса бурлила, все чаще выходя из-под контроля офицеров. Но если тыловые части и столичные гарнизоны с первых дней революции были втянуты в водоворот политических и

революционных событий, то на фронте в первые месяцы революции еще продолжалось сохраняться относительное спокойствие. Солдатские массы в условиях военного времени смогли сохранить относительную дисциплину и заняли выжидательную позицию. Лидер партии кадетов П.Н. Милюков впоследствии писал: «что первый месяц или полтора после революции армия оставалась здоровой»¹.

Именно на фронте Временное правительство надеялось обрести поддержку со стороны солдатской массы и победоносно завершить войну. Но пламенных революционных речей агитаторов о братстве и равенстве было уже недостаточно, требовались принципиально новые преобразования в армии, способные сплотить солдатскую массу и поднять ее боевой дух. В этих целях уже в апреле-мае 1917 г. с разных фронтов стали поступать предложения о создании новых воинских формирований — ударных батальонов, сформированных по принципу добровольности. Идея получила поддержку Временного правительства и Верховного Главнокомандующего генерала А.А. Брусилова, который объявил себя первым ударником и призвал последовать его примеру других фронтовиков. На имя Военного министра стали поступать письма и телеграммы от отдельных лиц и целых групп военных внутренних округов с просьбой о переводе в создающиеся батальоны. Порой ситуация доходила до абсурдных моментов, когда в рядах ударников обнаруживались даже бывшие дезертиры. С конца мая 1917 г. в армии создавались не только «ударные», «штурмовые» и революционные батальоны, но и части, сформированные по какому-либо отдельному принципу — исключительно из юнкеров или георгиевских кавалеров, пленных австро-венгерской армии югославов².

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 484.

² Речь идет о Сербской дивизии (затем корпусе), составленной из пленных югославов. Корпус принимал участие в боях при Дорогобуже и после понесенных потерь и под воздействием политической распри между славянскими народами летом 1917 г. был расформирован. Из национальных воинских формирований на момент 1917 г. действовали: Кавказская Туземная дивизия, несколько латышских стрелковых батальонов и чехословацкая бригада (Деникин А.И. Очерки русской Смуты. Т. 1. М., 2013. С. 454-455).

В столице был организован ударный батальон рабочих-добровольцев Обуховского завода, формировались ударные батальоны из студентов, юнкеров и даже солдат-инвалидов. В середине июля 1917 г. в число добровольцев составило около двух тысяч человек, а к концу октября — уже 50 тысяч³. В целом сформированные «ударные», «штурмовые» и прочие батальоны не изменили существенно ситуации на фронте, представляя собой последнюю надежду Временного правительства, которое рассчитывало в случае необходимости опереться на новые формирующиеся отряды ударников.

В неумолимом потоке бурных событий 1917 г. одним из самых экстравагантных и, несомненно, политически ангажированных событий стала организация женских ударных батальонов и команд. С инициативой создания подобных отрядов перед военным ведомством выступили ряд женских организаций. В письмах на имя А.Ф. Керенского указывалось, что «Любовь к Родине и желание внести свежие интеллигентские силы в ряды нашего утомленного долгой войной войска призывают нас стать в ряды защитников России. Мы пойдем в армию, образуя исключительно женские отряды, мы надеемся своим примером поднять упавшую энергию войск»⁴. В формировании женских частей важную роль сыграли различные полуговарные общественные организации, одной из которых являлся Организационный комитет женских маршевых отрядов. 20 мая он обратился к А.Ф. Керенскому с просьбой разрешить формирование «исключительно женских отрядов». Эту же идею поддерживал и военный и морской министр А.И. Гучков, полагавший, что женские батальоны способны «увлечь на подвиг остальную массу» солдат.

В отечественной историографии достаточно подробно изучена судьба отряда М.Л. Бочкаревой, единственной женской воинской команды, принимавшей участие в боевых

³ Капустин М.И. Заговор генералов. М., 1968. С. 79-95; Солнцева С.А. Ударные формирования русской армии в 1917 году // Отечественная история. 2007. № 2. С. 47-59.

⁴ Васильев А. Женский «батальон смерти» // Опыт историко-антропологических исследований. 2003. Сборник научных работ студентов и аспирантов. М., 2003.

действиях на фронте районе Молодечно⁵. Намного слабее отражена судьба других женских отрядов, что объясняется фактическим отсутствием архивных документов и крайне непродолжительным периодом их существования. Если отряд М.Л. Бочкаревой в количестве 200 человек был сформирован в основном из женщин, уже принимавших участие в боевых действиях на различных участках фронта, или казачек, имеющих опыт использования оружия, то других дочерей Евы, желающих сражаться и прибывающих в Петроград, требовалось еще обучать азам военного искусства. В этих целях все представительницы слабого пола, записавшиеся в женский добровольческий батальон, были направлены в военный лагерь у станции Левашово Финляндской железной дороги, где с 5 августа 1917 г. началась их военная подготовка.

Говоря о женских батальонах, необходимо остановиться на их внешнем облике и социальном составе. Одной из ярких характерных черт этих команд являлась интеллигентность женщин-добровольцев, из которых около 30% оказались курсистками (в том числе и выпускницы «бестужевских» курсов Александровской женской гимназии, считавшейся одним из самых престижных женских учебных заведений России) и до 40% имели среднее образование. Женские батальоны объединили женщин совершенно различных профессий и социального положения. Военную форму надели выпускницы университетов, учительницы, сестры милосердия и домашняя прислуга, крестьянки и мешанки. Ударница 1-го Петроградского батальона М. Бочарникова в мемуарах писала: «Первое впечатление — казалось, что я

⁵ Ардашев Н. Великая война и женщины русские. М., 1915; Сенин А.С. Женские батальоны и военные команды в 1917 году // Вопросы истории. 1987. № 10. С. 178-181; Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917-1920 гг. Орел, 2005. С. 38; Дробченко В.А. Женское движение в Томской губернии 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 110-113; Жирнов Е. «Слухи о ее зверствах доходят даже до Керенского» // Коммерсант/Власть. 2007. № 22; Иванова Ю.Н. Проблем хватало и без них, но... // Военно-исторический журнал. 1994. № 6. С. 75-77.

попала на луг, усеянный яркими цветами. Яркие сарафаны крестьянок, косынки сестер милосердия, разноцветные ситцевые платя заводских работниц, элетантные платя барышень из общества, скромные наряды городских служащих, горничных, нянек... Кого здесь только не было!..Здоровенная бабища лет тридцати усиленно выпячивает и без того страшных размеров грудь, и за ее фигурой совсем не видно тоненькой соседки. Нос поднят вверх. Руки с ожесточением выкидывает вперед. А там, дальше, ухмыляясь, поминутно нагибая голову, чтобы взглянуть на свои ноги, которыми она усиленно отбивает шаг, плывет, по-видимому, мешанка. Некоторые маршируют, как заправские солдаты. Почти не касаясь земли, точно танцуя, движется хорошенькая блондинка. Не балерина ли?»⁶.

Говоря о столь пестром социальном составе женских формирований, необходимо уделить внимание вопросу о том, что же заставляло женщин добровольно вступать в ряды армии и становиться солдатами. Отвечая на этот вопрос, мы должны понимать, что многие женщины искренне верили, что своим поступком смогут изменить направление в солдатских рядах, пристыдить их, и тем самым способствовать приближению победы. Вся атмосфера революционного подъема и демократических преобразований в стране 1917 г. лишь способствовала появлению подобных идеалистических позиций. Другие же просто бежали от неурядиц и проблем тяжелой и бесперспективной жизни, видя в армии способ что-то изменить в своем существовании к лучшему. Одна из ударниц так комментировала свое вступление в батальон: «А я от своего (мужа — М.В.) убёгла. Ох и бил же меня, проклятуший! Половину волосьев по-выдрал. Как услышала я, что баб-то в солдаты берут, убёгла я от него и записалась. Пошел жалиться, а комиссар ему и говорит: "Теперь, апосля леворюции, слабода. Не смеешь бабу трогать, ежели она на хронт едет защищать Рассею!" Так и уехала»⁷.

⁶ Бочарникова М. В женском батальоне смерти (1917-1918) // Доловолицы. М., 2001. С. 174-175.

⁷ Там же. С. 176.

Американская писательница и журналист, работавшая в это время в России и общавшаяся с ударницами отряда Бочкаревой, писала: «Многие пошли в батальон, потому что они искренне верили, в то, что под угрозой честь и само существование России, и что ее спасение — в огромном человеческом самопожертвовании. Некоторые, как и сама Бочкарева из сибирской деревни, однажды пришли к решению, что это лучше, чем безотрадная и гяжелая жизнь, которой они жили. Личные страдания привели некоторых из них на передовую. Одна из таких девушек, японка, которую я спросила о том, что привело ее в батальон, трагически сказала: "Причин так много, что я, пожалуй, не буду о них говорить"». Другая американская журналистка Рита Дорр привидела другой случай из жизни женщин-добровольцев: «Одна из девушек девятнадцати лет, казачка, хорошенькая, с темными глазами, оказалась совершенно брошенной на произвол судьбы после того, как у нее погибли в бою отец и двое братьев, а мать погибла во время обстрела госпиталя, в котором она работала. Батальон Бочкаревой казался ей безопасным местом, а винтовка — лучшим способом защиты»⁸. Другие женщины утопично мечтали проявить героизм на полях сражений, и прославиться, и даже сделать карьеру военного — идеи феминизма также были подогреваемы революцией. Причин активизации женского движения 1917 г. было огромное количество, у каждой вступившей в батальон были своя судьба и свои мотивы для того, чтобы решиться на такой отчаянный шаг.

Однако вернемся к Левашовскому военно-полевому лагерю, разбитому на окраине Петрограда. На протяжении полутора месяцев для женщин 1-го Петроградского ударного батальона начались военные будни с жестким графиком и дисциплиной, строевой подготовкой на плацу, изучением оружия и учебными стрельбами. Первые офицеры, присланные в батальон в качестве инструкторов, фактически не занимались боевой подготовкой «Ротный,

являвшийся на строевые занятия неизменно в сопровождении какой-нибудь "мадемуазель", по-видимому "не тяжелого" поведения, занимался больше с ней, чем с нами. Полуротный прапорщик Курочкин, прозванный мокрой курицей, под стать ему. Он так же, как и первый, был уволен, чему мы несказанно радовались», — вспоминала М. Бочарникова. Дисциплина и порядок установились лишь с приходом новых ротных командиров, офицеров Невского полка поручика В.А. Сомова, поручика О.К. Верного и прапорщика Семеновского полка К. Большакова. Были заменены и помощники ротных командиров. Так, фельдфебеля второй роты, интеллигентную даму, совершенно не подходящую на эту должность, заменили донской казачкой 23 лет Марией Кочерешко. Успешная участвовать в боях на фронте, имевшая два ранения, кавалер Георгиевского креста с чубом под К. Крючкова, казачка М. Кочерешко сразу навела в роту порядок и дисциплину.

Однако помимо военной и строевой подготовки и прочей солдатской рутины находилось в Левашовском лагере и время для различного рода забав. Так, однажды ротный командир вздумал устроить игру в чехарду, иначе называемую «козлы и бараны». На расстоянии десяти шагов одни становились согнувшись, а другие должны с разбегу через них перескакивать. «Я никогда в жизни не видела, чтобы так смеялся мужчина! Со стоном сгибаясь, он хватался за живот, точно роженица перед родами, и из его глаз текли слезы. Да и было отчего! Одна вместо того, чтобы перепрыгнуть, подавала коленом, и обе летели на землю. Вторая с размаху садилась верхом, и тех постигала та же участь. Третья, не допрыгнув, застревала на них, и, в то время как одна вспахивала землю носом, вторая, распластавшись ласточкой, летела через голову. Мы сами так ослабли от смеха, что не могли бежать», — вспоминала современница⁹.

Несмотря на патристический порыв и искреннюю готовность женщин послужить России, Петроградский

⁸ Цитата по: О женских батальонах 1917. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.spletnik.ru/blogs/govoyat_shto/78308_ozhenskikh-batalonakh-1917 (дата обращения: 22.01.2014 г.)

⁹ Бочарникова М. В женском батальоне смерти (1917-1918) // Донбровилицы. С. 181.

батальон, как и другие женские формирования, совершенно не был готов к военной службе, а тем более к боевым действиям, и в лучшем случае мог быть использован в качестве охранной команды. На учебных стрельбах, когда был дан залп всем батальоном, в мишени попало только 28 пуль, зато стрелки убили вышедшую из-за бугра лошадь и разбили окно в проходившем в отдалении поезде. К счастью, обошлось без человеческих жертв. Ситуации порой доходили до нелепых курьезов, когда часовые женщины-добровольцы ночью стреляли по сверчкам, искренне полагая, что к ним кто-то крадется с сигаретой, или с упоением отдавали честь «генералам в мундирах, расшитых золотом», которые в реальности оказывались всего лишь петроградскими швейцарами. Офицеры, порой проверяя женские караулы, отбирали винтовки или затворы, которые наивно отдавали сами караульные. Многие женщины в последующем сознавались, что под фразой «стоя на посту, никому нельзя отдавать личного оружия», они понимали весь мир, за исключением своих офицеров.

Несмотря на обилие подобных моментов из жизни батальона, его подготовка была завершена к октябрю. Главное управление Генерального штаба доносило Верховному главнокомандующему, что формирование 1-го Петроградского женского батальона закончено¹⁰, и он может быть направлен в действующую армию 25 октября. Предполагалась его отправка на Румынский фронт. Однако дальнейшие события в Петрограде резко изменили планы командования. 24 октября женскому батальону было поручено погрузиться в вагоны и прибыть на Дворцовую площадь для проведения торжественного парада. Накануне отправки поручик Соменов тайком от других прорепетировал прохождение роты, ошестивив штыки. Унтер-офицер второй роты вспоминала: «...чистились, мылись и писали прощальные письма домой. За несколько дней до выступления командир батальона проверял наши знания. Батальон был выстроен в поле, и 1-я

¹⁰ К началу октября 1917 г. в 1-м Петроградском батальоне насчитывалось 1168 женщин-солдат и 17 офицеров (Советская военная энциклопедия. Т. 3. М., 1977. С. 331).

рота под его команду делала все перестроения, рассыпалась в цепь, совершала перебежки и пошла в атаку. Результатом подготовки он остался доволен. Наступило 24 октября. Погруженные в вагон, а конные разведчики в пешем строю, мы с песнями двинулись в Петроград. Из одного вагона неслось "Гей, ну-ты, хлопцы!" с залихватским припевом "И-ха-ха, и-ха-ха!". Из второго — "По дороге пыль клубится...". Грустная история казака-сироты, возвращающегося с набега. Из третьего — разудалая "Ой, да течет речка по песку, да!". Перекликались, точно пелухи на рассвете. На каждой остановке пассажиры и служащие высыпали на перрон послушать наше пение»¹¹.

Чувствуя напряженную обстановку в Петрограде, Временное правительство во главе с А.Ф. Керенским использовало женский батальон вслепую, планируя в случае необходимости привлечь его для борьбы с большевиками. Именно поэтому сразу по прибытии в Петроград женщинам выдали обоймы пагронов на тот случай, если во время парада начнутся беспорядки. Нужно отметить, что торжественный парад на Дворцовой площади все-таки состоялся, женщин-ударниц приветствовал сам Керенский. В это время и выяснилась настоящая цель пребывания батальона в столице. Трезво оценив ситуацию, командир батальона штабс-капитан А.В. Лосков принял решение вывести женский батальон из столицы, понимая бессмысленность его участия в революционных событиях. Министр путей сообщения А.В. Ливеровский в своем дневнике записал разговор министра торговли и промышленности А.И. Коналова с только что назначенным главнокомандующим войсками Петроградского военного округа Я.Г. Баградуни. Коновалов: «Почему же вчера (24 октября — М.В.) были выведены из Петрограда женские батальоны?»; Баградуни: «По условиям расквартирования. Кроме того, мне было доложено, что на фронт они охотно идут, но вмешиваться в политическую борьбу не желают»¹².

¹¹ Бочарникова М. В женском батальоне смерти (1917-1918) // Добровольцы. С. 196.

¹² Исторический архив. 1960. № 6. С. 44.

Большая часть батальона была выведена из Петрограда. В столице Временному правительству удалось оставить только 2-ю роту батальона в составе 137 человек под предлогом доставки бензина с завода Нобель. «1-я рота направилась прямо на вокзал, а нашу — правым плечом заводят обратно на площадь. Мы видим, как весь батальон, пройдя церемониальным маршем, также вслед за 1-й ротой уходит на вокзал. Площадь пустеет. Нам приказывают составить винтовки в "козлы". Откуда-то донесся слух, что на заводе, кажется, "Нобель", взбунтовались рабочие и нас отправляют туда для реквизиции бензина. Слышатся недовольные голоса: "Наше дело — фронт, а не мешаться в городские беспорядки". Раздается команда: "В ружье!" Мы разбираем винтовки, и нас ведут к воротам дворца», — вспоминала в своих мемуарах М. Бочарникова. Вечером 24 октября штаб Петроградского военного округа предписал командиру роты поручику В.А. Сомову выслать на охрану мостов: Николаевского — ползвода, Дворцовского — ползвода и Литейного — взвод. Ударницам ставилась задача способствовать разводке мостов, чтобы отрезать рабочие районы от центра и огнем предотвратить всякую попытку навести их снова. Однако эти действия юнкеров и 2-й роты женского батальона закончились провалом. Революционные матросы и красногвардейцы прочно удерживали мосты¹³.

К вечеру 25 октября женщины-ударницы вместе с юнкерами участвовали в перестрелке, защищая баррикады у Зимнего дворца. «...получаем приказ выйти на баррикады, построенные юнкерами перед Зимним дворцом. У ворот высоко над землей горит фонарь. "Юнкера, разбейте фонарь!" Полетели камни, со звоном разлетелось стекло. Удачно брошенный камень погушил лампу. Полная темнота. С трудом различаешь соседа. Мы рассыпаемся вправо за баррикадой, смешавшись с юнкерами. Как потом мы узнали, Керенский тайком уехал за самокатчиками, оставив вместо себя министра Коновалова и доктора Кишкина, но самокатчики уже "покраснели" и принимали участие

¹³ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сборник статей. М.-Л., 1957. С. 131.

в наступлении на дворец. В девятом часу большевики предьявили ультиматум о сдаче, который был отвергнут. В 9 часов вдруг впереди загремело "ура!". Большевики пошли в атаку. В одну минуту все кругом захотало. Ружейная стрельба сливалась с пулеметными очередями. С "Авроры" забухало орудие. Мы с юнкерами, стоя за баррикадой, отвечали частым огнем. Я взглянула вправо и влево. Сплошная полоса вспыхивающих огоньков, точно порхали согни светлячков. Иногда вырисовывался силуэт чьей-нибудь головы. Атака захлебнулась. Неприятель залег. Стрельба то затихала, то разгоралась с новой силой¹⁴. В это время в самом дворце царили полная неразбериха и замешательство, одни команды продолжали сражаться, другие складывали оружие и заявляли о нейтралитете, отовсюду поступали противоречивые сведения.

Никто не отваживался взять на себя общее руководство обороной. О вакханалии в Зимнем дворце в последний день Временного правительства вспоминали практически все участники обороны¹⁵. В двенадцатом часу ночи 25 октября женскому батальону было приказано отойти во Дворец. В мемуарах ударница М. Бочарникова писала: «"Женскому батальону [было приказано] вернуться в здание!" — прослесь по цепи. Заходим во двор, и громадные ворота закрываются цепью. Я была уверена, что вся рота была в здании. Но из писем г-на Зурова узнала, со слов участников боя, что вторая полурота защитила дверь. И когда уже на баррикаде юнкера сложили оружие, добровольцы еще держались. Как туда ворвались красные и что произошло, не знаю. Нас заводят во втором этаже в пустую комнату. "Я пойду узнаю о дальнейших распоряжениях", — говорит ротный, направляясь к двери. Командир долго не воз-

¹⁴ Бочарникова М. В женском батальоне смерти (1917-1918) // Добровольцы. С. 199-200.

¹⁵ Гайлеи К.И. Защита зимнего дворца // Сопроотивление большевизму. 1917 — 1918 гг. М., 2001. С. 9-15; Синегуб А.Л. Защита Зимнего дворца (25 октября — 7 ноября 1917 года) // Сопроотивление большевизму. 1917 — 1918 гг. С. 21-119; Прюссинг О.Г. Защита Зимнего дворца // Военная Быль. 1956. № 20. Сентябрь; Маянтовиц П.Н. В Зимнем Дворце 25-26 октября 1917 года // Былое. 1918. № 12. С. 111-141.

вращается. Стрельба стихла. В дверях появляется поручик. Лицо мрачно. "Дворец пал. Приказано сдать оружие". Похоронным звоном отозвались его слова в душе...»¹⁶. После того, как защитниками Зимнего дворца было сложено оружие, женщин отправили в Павловские казармы, а на следующий день на станцию Левашово¹⁷. Женский батальон после возвращения в казармы офицеров был снова вооружен из запасов цейхауза и окопался, приготовившись к обороне. И лишь отсутствие необходимого количества боеприпасов спасло батальон от полного уничтожения в перестрелке с революционными солдатами. 30 октября батальон был разоружен прибывшими в Левашово красноармейцами. Было изъято 891 винтовка, 4 пулемета, 24 пашки и 20 револьверов, а также различное снаряжение. Женщины-разведчицы доставили ящики с патронами через полчаса после ухода красногвардейцев из расположения военного лагеря.

После разоружения 1-й Петроградский женский батальон продолжал существовать еще два месяца, по инерции поддерживалась дисциплина, выставлялись караулы и выполнялись различные наряды. Теряя всякую надежду отправки на фронт, женщины стали разъезжаться по домам или пробираться на фронт. Известно, что некоторые из них смогли добраться до фронта в различные части, в большинстве в женскую роту Туркестанской дивизии, некоторые стали ухаживать за ранеными в военных госпиталях. Большая часть личного состава батальона разъезжалась по различным направлениям в ноябре-декабре 1917 г. Окончательно Петроградский батальон прекратил свое существование 10 января 1918 г., когда штабс-капитан А.В. Лосков представил рапорт о роспуске батальона и сдаче имущества в интендантство и штаб Красной гвардии.

История добровольческих ударных батальонов (не только женских) сложилась таким образом, что в последние месяцы существования Временного правительства именно

они стали главным рычагом поддержания порядка и дисциплины, вызывая тем самым бурю негодования и ненависти со стороны остальной солдатской массы в свой адрес. В войсках основной массой нижних чинов добровольцы воспринимались негативно, а часто и враждебно, в то время как командный состав видел в них единственную надежду на перелом в настроениях армии и возможность доведения войны до победного конца. Враждебность солдат обуславливалась, в числе прочего, тем, что Корниловский ударный полк и многие ударные батальоны, особенно юнкерские, помимо или вместо непосредственно боевого применения использовались командованием в качестве заградительных отрядов и карательных команд. Солдатская ненависть к частям подобного типа, естественно, распространилась и на женские батальоны, многие солдаты требовали ареста и даже расстрела «стерв корниловок». Женские батальоны так и не смогли выполнить своей главной роли — пробуждения патриотизма и боевого духа на фронтах. У солдатской массы создание женских воинских команд вызывало лишь глухое чувство раздражения и ненависти. Несмотря на искренний порыв женщин послужить Отечеству и готовность умереть за него, военные женские команды так и остались всего лишь ярким суррогатом деградирующей армии 1917 г.

¹⁶ Бочарникова М. В женском батальоне смерти (1917-1918) // Добровольцы. С. 200.

¹⁷ Красная летопись. 1929. № 2. С. 240.

Голубев А.В.

**«ДО ПОСЛЕДНЕГО РУССКОГО СОЛДАТА»:
ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О СОЮЗНИКЕ В 1914–1945 ГГ.**

Аннотация. Целью данной статьи является сравнительный анализ формирования и эволюции образа союзника накануне и в годы Первой и Второй мировых войн и в межвоенный период. При этом речь идет не только о представлении так называемого «образованного класса», но и о том образе союзника, который складывался у самых широких масс населения. Объектом исследования является массовое сознание всех основных социальных групп российского/советского общества, предметом исследования — формирование и эволюция образа союзника, происходящая на протяжении примерно полувека.

Ключевые слова: образ союзника, российское и советское общество, массовое сознание, мировые войны, межвоенный период, внешнеполитические стереотипы

Golubev A.

**«TO THE LAST RUSSIAN SOLDIER»:
EVOLUTION OF IDEAS OF ALLIES
IN 1914-1945**

Abstract: the purpose of this article is the comparative analysis of formation and evolution of an image of the ally on the eve of and in the years of the First and Second world wars and during the intermilitary period. Thus it is not only about representations so-called “an educated class”, but also about that image of the ally which developed at the most broad masses of the population. Object of research is the mass consciousness of all main social groups of the Russian/Soviet society, an object of research — an image of the ally and his evolution happening for about half a century.

Key words: *image of the ally; Russian and Soviet society; mass consciousness; world wars; intermilitary period; foreign policy stereotypes*

В записной книжке за 1942 год известный писатель-Леонид Пантелеев (А.И. Еремеев), лежавший в те дни в московском госпитале, оставил такую запись: «С первых дней мировой войны 1914 года в Англии стал популярен, стал крылатым циничный лозунг: “Англия будет драгаться до последнего русского солдата”. Не вспомнилась и не пришла ли по душе эта милая шутка отцов выросшим и возмужавшим деткам?»¹

На самом деле фраза эта, действительно популярная в годы Первой мировой войны, возникла не в Англии, а в русской армии. По словам генерала Н.Н. Головина, ему часто приходилось слышать, начиная с зимы 1915-1916 гг., циркулирующую среди солдатской массы фразу: «Союзники решили вести войну до последней капли крови русского солдата»². Источники, вышедшие из среды самих нижних чинов, подтверждают его свидетельство: «Россию нашу немножко обманывают Англия, Япония и Франция, — они стараются, чтобы Россия ослабла. Англичане говорят, согласны воевать до последнего русского солдата...»³

Можно сказать, что в самые тяжелые годы и Первой мировой, и Великой Отечественной в российском (советском) обществе существовало, а во втором случае даже преобладало недоверие к союзникам. Но если посмотреть на эволюцию представлений о союзниках, окажется, что в 1914-1918 и в 1941-1945 гг. она происходила в разных направлениях.

Для массового сознания внешний мир представляет собой «темную» или, в лучшем случае, «серую» зону, то есть

---

¹ Пантелеев А.И. Из старых записных книжек (1922-1947) // Пантелеев А.И. Собр. соч. в 4 т. Т.4. Л., 1985. С. 409. Это так? Леонид Пантелеев

² Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. В 2-х т. Париж, 1939. Т. 2. С. 159–160.

³ Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). Казань, 1932. С. 72.

область повышенной опасности, враждебную или недоброжелательную по отношению к человеку, где все иное и все неустойчиво. И даже *союзник*, также принадлежащий к миру за пределами освоенной территории (то есть внешнему миру), воспринимается как нечто неустойчивое, сомнительное, потенциально враждебное. Подобное отношение к союзникам фиксируется и в годы Первой мировой, и в годы Великой Отечественной войны, и на других этапах русской (и не только русской) истории.

К тому же течение длительного времени Россия, хотя бы неосознанно, ощущала себя чужой по отношению и к Европе, и к Азии. Именно это отразил Н.Я. Данилевский в своей теории культурно-исторических типов. Возможно, сама открытость огромных российских границ вызывала подсознательное желание как-то отгородиться от враждебного мира, окружить себя своеобразной «буферной зоной» не только в военном, но и в культурном отношении. Это ощущение только окрепло в 1920-1930 гг., когда речь шла уже не о трудноуловимых цивилизационных отличиях, но о принципиально ином политическом, социальном, экономическом строе, не говоря уже об идеологии.

История складывания Антанты восходит к рубежу XIX — XX веков, когда оформились два противостоящих блока великих держав. Одновременно началось формирование систем общественных представлений о потенциальной борьбе. Этот процесс отчасти происходил стихийно, как отражение меняющейся расстановки сил и интересов на международной арене, но в большей степени был результатом сознательного конструирования образов противников и союзников политическими и интеллектуальными элитами европейских держав, осуществлявшими по сути мобилизацию национального сознания в преддверии назревающей войны.

Основными союзниками России, входившей в годы Первой мировой войны в состав Антанты, были Англия и Франция. США присоединились к Антанте позже, в апреле 1917 г., когда Россия воевала уже последние месяцы, остальные союзники по Антанте — Италия, Румыния и

др., были менее известны российскому массовому сознанию, в котором в силу этого не сложилось в тот период их целостного и отчетливого образа. В связи с этим главными объектами образов союзников стали Франция и Англия.

Формирование положительного образа Франции и французов, начавшееся в середине 1880-х гг., получило в начале XX в. дальнейшее развитие. Восторженное увлечение страной и ее народом в период первого сближения во время взаимных визитов 1890-х гг. уступило место восприимчивости Франции как надежного союзника России, которому можно доверять, а французов как народа — близкого по духу и обладающего несомненными достоинствами.

С другой стороны, как в общественном мнении, так и в массовом сознании России к началу XX в. традиционным было недоверие к Англии. При этом в исторической реальности в годы самых крупных коалиционных войн, в которых участвовала Россия (в частности, наполеоновские войны, в том числе война 1812 г., Первая и Вторая мировые войны) вследствие различных геополитических и прочих обстоятельств Англия становилась союзником России, что, конечно, влияло на отношение к ней, но затем все быстро возвращалось на свои места. Эта инерция была преодолена лишь в 60-80 годы прошлого века, когда Англия потеряла статус мировой державы (хотя в современной российской публицистике и сейчас встречаются рецидивы англофобии). Поэтому после того как сложился англо-франко-русский союз, «требовалась решительная ломка стереотипов <...> в общественно-политическом сознании правящих кругов и целых социальных групп населения»⁴. Эту задачу решал, в частности, в 1907-1910 гг. министр иностранных дел А.П. Извольский, который первым начал сотрудничать с прессой в целях изменения общественного мнения.

Таким образом, к лету 1914 г. в российском общественном мнении существовали достаточно устойчивые пред-

⁴ Емец В.А. А.П. Извольский и перестройка внешней политики России (соглашения 1907 г.) // Российская дипломатия в портретах / Под ред. А.В. Игнатьева. М.: Международные отношения, 1992. С.344.

ставления о том, кто в будущей европейской войне будет врагом и кто — союзником.

Вступление 19 июля (1 августа) 1914 г. России в Первую мировую войну породило мощный подъем патриотических настроений, охвативший все общество. Небывалая волна эмоций, вызванных всплеском национальных чувств, была характерна для всех вступивших в мировой конфликт европейских стран. В историографии она получила название «настроение 1914 года»⁵. Составляющими общественных умонастроений 1914 г. были эмоционально окрашенные, рациональные и символические представления о причинах, целях войны, враге и союзнике своей страны.

В отличие от 1941–1944 гг., в 1914–1917 гг. военные действия в Европе велись одновременно на Западном и Восточном фронте. Союзники, как водится, склонны были недооценивать усилия друг друга, тем не менее ощущение «общего дела» находило свое отражение в массовом сознании. Постепенно, однако, по мере нарастания усталости от войны в российском общественном мнении все ярче вырисовывается тенденция к подчеркиванию главной роли России в войне и обличению корыстных союзников, стремившихся за ее счет достигнуть своих целей.

Вот что предлагал товарищ председателя Тамбовского «Союза русских людей» А. Н. Григорьев Совещанию полномочных монархических организаций в августе 1915 г.: «Ввиду того, что вся тяжесть войны в настоящее время легла на Россию, просить Англию вновь формируемые ею армии посылать на русский фронт через Архангельск, а также привлечь и японцев к участию в сражениях на нашем фронте»⁶. В воспоминаниях британского генерала А. Нокса, относящихся к 1915 г., приводится беседа с генерал-квартирмейстером армий Западного фронта генералом П. П. Лебедевым, который «упрекал Англию и Францию за

⁵ См.: *Поринева О. С.* Настроение 1914 г. в России как феномен истории и историографии // *Российская история.* 2010. № 2. С. 185–200.

⁶ «Борьба наша проиграна». Документы правых. 1914 - февраль 1917 гг. // Исторический архив. 1994. № 5. С. 44.

то, что они взвалили основную тяжесть войны на Россию»⁷. После кровопролитных сражений 1916 г. эти настроения усилились. «В народных массах доверие к правительству и *вера в союзников* были окончательно подорваны», — писал начальник штаба 7-й армии генерал-лейтенант Н. Н. Головин [*курсив мой — А. Г.*]⁸

К концу 1916 - началу 1917 гг. подобные взгляды получили широкое распространение, особенно среди нижних чинов и младших офицеров. Как всегда, особо негативно оценивалась роль Великобритании. Весной 1918 г. видный российский публицист А. С. Изгоев отмечал исчезновение симпатий к союзникам и повсеместное распространение «немецкопоклонства»⁹.

Вместе с тем в сознании российского общества с самого начала войны присутствовал и такой мотив: союзники не понимают и не хотят понять Россию. Уже в сентябре 1914 г. З. Н. Гиппиус записала в своем дневнике: «Наши счастливые союзники не знают боли, раздирающей, в эти всем тяжкие дни самую душу России. Не знают и, беспечные, узнать не хотят, понять не хотят. Не могут». И позднее, в апреле 1915 г.: «Я люблю англичан, но я так ярко понимаю, что они нас не понимают (и не очень хотят)»¹⁰. В ходе войны подобные настроения усиливались, получали новые подтверждения и только подогревали недоверие к союзникам.

После Октябрьской революции бывшие союзники, фактически встав на одну из сторон в Гражданской войне, для победителей (и для значительной части населения) оказались врагами, организаторами интервенции и многочисленных заговоров («дело Локкарта», «дело Рейли»

⁷ Цит. по: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века / Под ред. А. В. Голубева. М., 1998. С. 277.

⁸ Цит. по: *Нелипович С. Г.* Наступление русского Юго-Западного фронта летом-осенью 1916 года: война на истощение? // *Отечественная история.* 1998. № 3. С. 48.

⁹ Россия и Запад... С. 65, 277.

¹⁰ *Гиппиус З. Н.* Петербургские дневники. 1914–1919. М., 1990. С. 27, 33.

и т.д., и т.п.) и это, разумеется, отразилось в массовом сознании¹¹.

Для другой же части населения они по-прежнему оставались союзниками, только теперь не против немцев, а против большевиков, как в прошлом, в годы Гражданской войны, так, вероятно, и в будущем. «Союзников» избирали массовым сознанием, исходя прежде всего из внутриполитических, а не внешнеполитических рассуждений (или Запад против «коммуны», или рабочие и крестьяне Запада как союзники СССР). В 1920 гг. чаще всего в роли потенциального противника и возможного «освободителя» от власти большевиков выступала Англия. Достаточно часто фигурирует Польша, упоминаются также Франция, Япония, США, Китай (этот набор менялся в зависимости от географического положения той или иной губернии).

Если говорить о союзниках в традиционном смысле этого слова, то, по мнению советского руководства, страны Запада как таковые могли выступать в этом качестве лишь в одном случае — в случае победы там социалистической революции. Однако после неудачной попытки «подтолкнуть» революцию в Германии надежд на скорую советизацию Европы не было, и в будущей европейской войне союзниками Страны Советов могли быть только капиталистические страны. В опубликованной в начале 1920 гг. брошюре И.И. Вацетиса предполагалось, что в будущей войне столкнутся два блока — Великобритания, Франция, Япония и Америка, с одной стороны, и Россия, Германия, Австрия (страны, оказавшиеся после мировой войны в состоянии внешнеполитической изоляции) — с другой¹².

К концу 1920 гг. ситуация в Европе изменилась, и в вышедшей в 1928 г. брошюре в число потенциальных противников СССР были включены практически все западные страны, за исключением традиционно нейтральных

¹¹ См.: Рудая Е.В. Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907-1917 годах // Россия и Европа в XIX-XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур / Под ред. А.В. Голубева. М., 1996. С. 175-183.

¹² Вацетис И.И. О военной доктрине будущего. М., 1923. С. 48-49.

Швейцарии и Швеции, а в качестве потенциальных союзников выступали лишь Китай и колониальные владения¹³. Впрочем, после поражения китайской революции, а также конфликта на КВЖД в 1929 г. и Китай был исключен из списка возможных союзников.

В результате при разработке планов на вторую пятилетку была поставлена задача «обеспечить Красной армии возможность вести борьбу с любой коалицией мировых капиталистических держав и нанести им сокрушительное поражение, если они нападут на СССР»¹⁴. Даже страны Восточной Европы воспринимались в первую очередь как потенциальные противники.

Необходимо отметить, что в 1920 гг. веймарская Германия всеерьез рассматривалась советским политическим и тем более военным руководством в качестве реального союзника как в мирное время, в вопросах военно-технического сотрудничества и подготовки кадров, так и в случае войны, в частности с Польшей. Определенную роль играла позиция советской прессы, настроенной по отношению к Веймарской республике довольно дружелюбно. Дипломатические отношения с Германией в 1920 гг. были явно лучше, чем с другими западными странами; демократическая Германия, еще не оправившаяся от поражения в войне и последующих социальных потрясений, даже для наиболее параноидальных советских лидеров и идеологов не казалась источником военной опасности; в самой Германии существовали влияния, склонные ориентироваться на союз с Советской Россией, и т.д. Неудивительно, что порой от Германии ожидали не просто нейтралитета, но и прямой военной поддержки в случае конфликта с западными странами. Подобные настроения были широко распространены и в массовом сознании¹⁵.

¹³ Будущая война. М., 1928. С.35-36.

¹⁴ Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С.44.

¹⁵ Подробнее см.: Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920-е - 1940-е годы. М., 2008. С. 108-110.

Ситуация изменилась лишь после 1933 г., после прихода к власти нацистов, когда Германия постепенно становится наиболее вероятным потенциальным противником. Подписание в мае 1935 г. советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи произвело в общем позитивное впечатление. Но с самого начала даже в положительных откликах сквозило явственное недоверие к возможным союзникам.

В общественном сознании в эти годы преобладали антифашистские настроения, но вопрос о возможных союзниках возникал редко. Более того, в документах НКВД зафиксированы позитивные отзывы о Гитлере и его политике. После 1933 г. немецкие фашисты, как наиболее вероятный противник, рассматривались некоторой частью населения как потенциальные союзники против сталинского режима. Так, в 1937 г. среди оренбургских казаков ходили разговоры о том, «что одновременная борьба в тылу и на фронте может Германии, Японии скорее одержать победу над СССР и установить такую власть, которая вернет казакам прежнюю вольную жизнь, прежние права и, главное, ликвидирует все колхозы». А в Татарской АССР так комментировали проведение переписи населения: она «проводится исключительно из-за того, что Германия и Япония жмут совласть за то, что совласть уничтожает религию. Теперь Германия и Япония требуют списки верующих»¹⁶. В сентябре 1938 г. жительница Минской области М.А. Радюкевич говорила коллегам: «Если будут двигаться немецкие войска, которые пошлет Гитлер на освобождение нас, несчастных, обиженных, разгромленных — мы этим войскам должны будем припасти продукты, чтобы они были сыты и довольны...»¹⁷ В Германии знают, что у нас народ страдает, но об этом пока нужно молчать».

Подписание советско-германского договора о ненападении 1939 г. было встречено со смешанными чувствами.

¹⁶ Цит. по: Голубев А.В. «Фашизм является большевизмом накануне»; образы Германии в советском обществе 1920–1930-х годов // Проблемы российской истории. М., 2013. Вып. XII. С. 195.

¹⁷ Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. Документы и материалы. М., 2012. С. 703.

Многие полагали, что угроза войны отодвинулась. После подписания этого договора на роль потенциального союзника, казалось, могла претендовать Германия. Во всяком случае, на Западе противники Германии советско-германское партнерство рассматривали как нечто, весьма близкое к союзническим отношениям (подобная точка зрения существует и в современной российской историографии).

В первые месяцы Второй мировой войны в официальной пропаганде Англии и Франции рассматривались как главные виновники войны, агрессоры и потенциальные противники. Иногда, для «узкого круга», делались весьма откровенные высказывания. 7 сентября 1939 г. И.В. Сталин в беседе с Г. Димитровым, В.М. Молотовым и А.А. Ждановым заявил: «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если бы руками Германии было бы расшатано положение богатейших капиталистических стран (особенно Англии)»¹⁸. Подобные настроения фиксировались и у части советской номенклатуры, причем порой в еще более недвусмысленной форме.

Даже среди тех представителей интеллигенции, которых трудно заподозрить в особых симпатиях к советской власти, бытовало мнение, что в войне в Европе нет ни правых, ни виноватых, но в любом случае она выгодна для СССР. И все же в общественном сознании фашистская Германия оставалась скорее самым опасным и вероятным противником, чем союзником. Пакт 1939 г. и последовавшие за ним соглашения воспринимались в лучшем случае как тактический ход советского правительства, чему имеется достаточно свидетельств. Сохранялась память о союзе с Англией и Францией в Первой мировой войне; с другой стороны, память о прошлой германской войне и немецкой оккупации Украины, образы и представления, внедрившиеся антифашистской пропагандой 1930 гг., вели к росту антинемецких настроений.

Вместе с тем в период советско-финской войны 1939–1940 гг., когда вопрос о потенциальных противниках и

¹⁸ Цит. по: Наринский М.М. Кремль и Коминтерн в 1939–1941 годах // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 15.

союзниках СССР в Европе был особенно актуальным, в массовом сознании Англия и Франция считались (и не без оснований) союзниками Финляндии, то есть противниками СССР.

Постепенно в ходе Второй мировой войны, особенно во время «битвы за Британию», в советском массовом сознании, наряду с привычным недоверием к Англии, складывается уважительное и сочувственное отношение к ее борьбе с фашизмом. Отношение к Франции, которую традиционно воспринимали в России с симпатией, было тем более позитивным и, после ее оккупации нацистами, сочувственным, несмотря на дипломатическое признание правительства Виши и все зигзаги официальной пропаганды.

Международная ситуация, сложившаяся к весне 1941 г., многих наблюдателей, особенно хорошо информированных, подталкивала к определенным выводам. Например, известный писатель Вс. Вишневский возглавлял Оборонную комиссию Союза советских писателей, редактировал журнал «Знамя», присутствовал на закрытых совещаниях в Главном управлении политической пропаганды Красной армии, общался с крупными военными деятелями того времени, к тому же, зная иностранные языки, постоянно слушал сообщения английского, германского, французского радио. Весной 1941 г. в его дневниках появляются записи о возможных вариантах дальнейшего развития событий. Запись от 10 февраля: «Наше выступление против Германии и "оси" — в выходящий момент, в блоке с "демократическим блоком" ...» Запись от 15 марта: «Мы выступаем, чтобы доломать Гитлера, в коалиции с "демократиями" Запада. Вариант наиболее ходовой в общественных разговорах». И вместе с тем в записи от 3 марта: «с англо-американским миром — враги второй очереди — возможен компромисс, лет на 10-15»¹⁹. Впрочем, другой известный писатель, М.М. Пришвин, примерно в то же время отмечал: «Передали

¹⁹ Вишневский Вс. «...Сами перейдем в нападение». Из дневников 1939-1941 годов // Москва. 1995. № 5. С.107.

устно, что Германия объявила войну Югославии, а мы одновременно заключили с Югославией пакт. Поставлен вопрос, всерьез это мы — воевать с немцами, или это есть очередной дипломатический трюк» (запись от 6 апреля 1941 г.) И буквально через несколько дней: «Сегодня пакт с Японией, значит, война Европы и Азии с Америкой» (запись от 15 апреля)²⁰. Другими словами, Пришвин, как и многие его современники (в отличие от множества мемуаристов, которые сейчас утверждают, что с самого начала ясно видели и понимали все — что, где, когда), предполагал самые разные сценарии развития международного кризиса, охватившего Европу.

Таким образом, вплоть до 22 июня 1941 г. в советском обществе существовали самые различные и порой весьма противоречивые представления о возможности войны и о потенциальных противниках и союзниках²¹.

Первой реакцией на начало войны была растерянность, особенно среди людей, политикой обычно не интересующихся. Симферополец Х.Г. Лашкевич **23 июня 1941 г. записал в дневнике**: «Прошло почти два года поднятой немцами войны, а меня спрашивают: чей город Лондон? И за нас ли Англия и Италия?» Но одновременно Лашкевич подмечает и другое: «Говорят чаще всего на тему: Германия договаривается с Англией, чтобы покончить войну за наш счет. Заявлению Черчилля о совместных с нами действиях просто не верят: англичане якобы обманывают нас». Эта запись лишней раз демонстрирует, что антианглийские стереотипы обычно лежали на поверхности даже у «обывателей», которых, по мнению автора дневника, отличало «непонимание географических расстояний и этнографии... полное невежество в политике»²².

²⁰ Пришвин М.М. Дневники. 1940-1941. М., 2012. С. 416, 425.

²¹ Подробнее см.: Голубев А.В., Пришвина О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Ночный хронограф, 2012. С. 234-248.

²² Лашкевич Х.Г. Дневники // Москва - Крым: Историко-публицистический альманах. Специальный выпуск: Крым в Великой Отечественной войне: дневники, воспоминания, исследования. Вып. 5. М., 2003. С. 236-237.

Как отмечает, основываясь на ленинградских материалах, историк Н.А. Ломагин, «сближение СССР с Англией и США в первые недели войны воспринималось населением с большой настороженностью и не являлось существенным фактором в развитии настроений — война с Германией представлялась своего рода дуэлью, в которой "демократии" в лучшем случае будут играть роль честных секундантов». И далее: «По-прежнему по отношению к демократическим государствам доминировало недоверие»²³.

Пожалуй, наиболее позитивно союз с Англией и США оценивала интеллигенция. Академик В.И. Вернадский, например, 16 июля 1941 г. отметил в дневнике: «Общее удовольствие, что отошли от Германии, и очень популярен союз с Англией и демократиями». В августе 1941 г. на I-м Всеславянском митинге писатель А.Н. Толстой говорил о «могучей союзнице», «могущественной и свободолюбивой Великобритании»²⁴.

Но, как уже отмечалось, единства в обществе не было. В информационных документах НКВД приводятся расуждения советских граждан о том, что речь Сталина 3 июля 1941 г. была рассчитана на завоевание симпатии в Англии и Америке, «которых мы объявили союзниками». Были и противоположные высказывания: «Надеяться на помощь Англии и Америки — безумие»²⁵.

Есть свидетельства того, что союз СССР и демократического Запада негативно оценивался представителями интеллигенции и по другим мотивам, прежде всего из-за их резко отрицательного отношения к советскому строю как таковому. Например, историк С.Б. Веселовский записал в дневнике 20 января 1944 г.: «К чему мы пришли после сумасшествия и мерзости семнадцатого

²³ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. В 2 кн. СПб. М., 2002. Кн. 1. С. 216, 228.

²⁴ Вернадский В.И. Дневники 1935-1941. В 2 кн. Кн.2. 1939-1941. М., 2006. С. 270; Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995 С. 74, 75.

²⁵ Москва военная... С. 68-69.

года? Немецкий и коричневый фашизм — против красного. Омерзительная форма фашизма — в союзе с гордым и честным англосаксом против немецкого национал-фашизма»²⁶.

Своеобразным напоминанием о пропаганде и удивительных массовых стереотипах предвоенных лет служили довольно распространенные высказывания о том, что «для американцев и англичан одинаково ненавистен гитлеризм и коммунизм», что «Англия изменит нам и всегда придется долго — пока не ослабнет и Советский Союз, и Германия, тогда Англия и Америка продиктуют свои условия и нам, и Германии», что, наконец, «у нас такие союзники, которые в одинаковой степени ненавидят и Германию, и Советский Союз»²⁷.

По свидетельству британского журналиста А. Верта, отношение к союзникам со стороны населения временами было намного более прохладным, чем отношение властей. «Обычно предполагается, что "добрый русский народ" настроен гораздо больше в пользу Запада, чем его правительство. В тот момент наблюдалось обратное», — отмечает он, имея в виду 1943 г.²⁸ Это было связано с ожиданиями «второго фронта». Именно этот вопрос определял отношение к союзникам с осени 1941 до весны 1943 г. Лишь после Сталинградской битвы тема «второго фронта» отошла на задний план, хотя высадка союзников в Нормандии в июне 1944 г. вызвала всеобщее удовлетворение.

Помимо «второго фронта» еще два конкретных аспекта отношений с союзниками были зафиксированы в массовом сознании военного времени. Это ленд-лиз, поставки продовольствия, снаряжения, военной техники. И кроме того — осмысление перспектив, которые

²⁶ Веселовский С.Б. Дневники 1919—1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 78.

²⁷ Международное положение глазами ленинградцев, 1941-1945 (Из Архива Управления Федеральной Службы Безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб.: Европейский дом, 1996. С.49, 53, 75.

²⁸ Верт А. Россия в войне 1941-1945. М., 1967. С. 480.

открывал на будущее сам факт возникновения антигитлеровской коалиции»²⁹.

Именно развитие ситуации на фронтах и во внутриполитической сфере определило общий вектор эволюции образа союзников как в Первую, так и во Вторую мировую войны. В 1914 г. преобладали высказывания о святости общесоюзнического дела, об Англии и Франции как справедливых борцах с германской агрессией и защитниках дела мира. В 1915–1916 г., по мере нарастания жертв и лишений, обострения внутренней политической ситуации, поражения на фронте и людские потери стали рассматриваться как результат бездействия союзников, нарушения ими требований союзнической солидарности, а то и предательства. Это определило коррозию представлений о благородстве союзников, породило кризис доверия в отношениях с ними. Кризис этот затронул прежде всего армию, сильнее всего страдавшую от недостаточного учета интересов России и неоднократно использовавшуюся для спасения союзников в ущерб собственным интересам. Постепенно в российском общественном мнении все ярче вырисовывается тенденция к подчеркиванию главной роли России в войне и обличению корыстных союзников, стремившихся за ее счет достигнуть своих целей.

В 1939–1945 гг. проследживается скорее обратная динамика. Сначала — отсутствие четких представлений о том, кто, собственно, является врагом и кто союзником. Затем, после 22 июня 1941 г., роли определились. Но в отношении к союзникам преобладало недоверие, вызванное как предшествующим историческим опытом и советской довоенной пропагандой, так и прежде всего задержками с открытием «второго фронта». И оживились, казалось бы, забытые стереотипы времен Первой мировой войны, в том числе и фраза о «последнем русском солдате», одновременно наполнившись новым содержанием.

Постепенно, однако, по мере нарастания поставок по «ленд-лизу», результаты которых начал ощущаться, начиная с 1943 г. и на фронте, и в тылу, и в связи с активизацией военных действий союзников в Северной Африке, в Италии,

и особенно после высадки в Нормандии в июне 1944 г., отношение к союзникам постепенно улучшалось.

Сам факт создания и сравнительно успешного функционирования коалиций позитивно рассматривался обществом в ходе обеих мировых войн не только с точки зрения более успешного ведения войны. Действенный союз с «западными демократиями» представлял в качестве предпосылки дальнейшей демократизации внутренней жизни в Российской империи или СССР и одновременно — как подтверждение высокого международного статуса страны.

И вместе с тем в ходе обеих войн существовало меньшинство, желавшее поражения собственному правительству и в связи с этим негативно оценивавшее сам факт существования союза, хотя отношение к союзникам различалось кардинально. Достаточное сравнить взгляды на Англию, Францию, США революционеров, выступавших за «превращение империалистической войны в гражданскую» в годы Первой мировой войны, и убежденных противников Советской власти — в годы Второй мировой войны.

²⁹ Подробнее см.: Голубев А.В., Поршнев О.С. Указ. соч. С. 326–345.

Гребенкин И.Н.

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ: ОФИЦЕРСКИЙ ОБЛИК

Аннотация. Статья посвящена проблеме участия офицерского корпуса российской армии в событиях революции и Гражданской войны в России. Анализируется мотивация политического выбора и поведения представителей офицерства в ходе политического переворота и развития гражданского конфликта. Сделаны выводы об особенностях преемственности военной традиции в условиях революционного переустройства государства и общества.

Ключевые слова: Первая мировая война, российская армия, офицерский корпус, русская революция, контрреволюция, Белое движение, Красная армия

Igor Grebenkin

REVOLUTION AND COUNTERREVOLUTION: OFFICERS' IMAGE

Abstract: The following article deals with Russian Army officers' participation in the Revolution and the Civil War in Russia. We analyze officers' motivation in political choice and behavior in the flow of political turnover and development of the civil conflict. Some conclusions are drawn concerning peculiarities of continuity in military traditions during revolutionary changes in the state and the society.

Keywords: *World War I; Russian Army; Russian Officers; Russian revolution; counterrevolution; the White movement; Red Army*

Вполне закономерно, что в представлениях российско-го общества во все времена офицер как социальный тип и офицерство как социальная группа в наибольшей степени связывались с государством и являлись символом патриотического служения. Именно поэтому в такой сложный в нашей истории переломный момент, как революционные события 1917 г., судьба офицерства представляется особенно драматичной. Привычным стало, что оно традиционно соотносится с одной из сторон гражданского конфликта, а именно — с военной контрреволюцией, антибольшевистским сопротивлением, Белым движением. Можно даже утверждать, что еще в разгар Гражданской войны возникли в течение длительного времени существовал определенный представленческий казус.

В эмигрантской традиции офицер — лучший представитель общества — становится главным символом белой борьбы, всего святого, жертвенного, пагриотичного. Советский дискурс как научный, так и пропагандистский не возразил, ибо согласно упрощенно-классовому толкованию офицер являлся выходцем из враждебных пролетарской революции социальных слоев, и поэтому его выбор в гражданском противостоянии представлялся очевидным. Так сложилось парадоксальное единство восприятия, базировавшееся на различных аргументации, идеологических и ценностных основах. В обеих позициях существовали изъятия и оговорки: в белогвардейской — «недоофицеры прапора» и «предатели-генштабисты», переметнувшиеся к большевикам в ожидании выгоды; в советской — «лучшие представители интеллигенции и военной профессии», избравшие службу делу и интересам народа. Обе точки зрения отразили заказ и реалии эпохи. Лишь десятилетия спустя проблема социально-политического выбора представляется телей российского офицерства в условиях глубочайшего кризиса государственности привлекла внимание историков и получила новые оценки¹.

¹ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988; *Буравченко А.А.* В ногу с революцией: демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. Киев, 1988.

Для России Первая мировая война стала фактором громадных социальных и политических сдвигов. Впервые в результате всеобщей мобилизации был реализован феномен массовой армии военного времени, по-своему воспринявший характерные черты общества. С усилением внутреннего кризиса военное сообщество переживало небывалые ранее явления и процессы. Всех категорий военнослужащих в той или иной мере коснулись маргинализация и эмансипация от государства. Не только солдат, но и офицер постепенно превращался в «человека с ружьем», в условиях эрозии государственности весьма произвольно толкующего свой долг перед народом и отечеством.

Политические события февраля 1917 г. не вызвали протестов среди массы офицества фронта и тыла, которое в большинстве своем следовало в русле настроений общенациональности. Высшее командование действующей армии в кризисный момент отказалось от поддержки монарха, найдя точки взаимопонимания с думской оппозицией. Предпосылки и мотивы поведения представителей офицества в революционных событиях и мероприятиях новых властей не удается однозначно объяснить их происхождением, социально-политическими представлениями и симпатиями. В такой же степени на их позицию и направленность действий влияли конкретная ситуация, окружение, а также ожидания, связываемые с революцией. Заметная часть офицерской молодежи в февральско-мартовские дни без сомнения разделяла массовый революционный порыв и проявляла искреннюю солидарность с солдатами и рабочими.

При благосклонном или нейтральном отношении к политическим переменам в настроении всех слоев офицества присутствовала тревога за судьбу армии и способность довести войну до победы. Характерным примером могут служить размышления генерального штаба полковника А.И. Верховского, который с энтузиазмом приветствовал на страницах дневника известие о революции. Но его озабоченность, как и всего высшего командного состава, вызвало то влияние, которое она может оказать на армию: «Без революции от внутренних трений, от задавленной

инициативы, от невозможного подбора людей наше поражение было неизбежно, теперь другая опасность — революция — может расстроить саму армию»². Таким образом, офицерство, накопившее к старой власти немало претензий, сталкивалось с тем, что революция также таит в себе угрозу для армии, так как может превратить ее в арену политической борьбы.

В силу массовых представлений офицерский корпус являлся социальной группой, чей статус был связан со старым режимом и подлежал реформированию. На это были направлены постановления Временного правительства и революционно-демократических организаций, которыми власть командного состава в армии была ограничена и перераспределена в пользу создаваемых выборных органов — войсковых комитетов и Советов. Не могли быть приняты офицерским сообществом и антивоенные лозунги, содержавшие главнейшие требования восставшего народа и позицию левых политических партий в отношении мировой войны. Обличение войны как империалистической, преступной, грабительской ставило под сомнение благородную миссию армии в лице ее наиболее профессиональной части — кадрового офицества. Также болезненно полюбная постановка вопроса отражалась и на самосознании офицеров военного времени, для которого прекращение войны означало демобилизацию и заметное понижение социального статуса.

Подъем антивоенных настроений среди солдат вел к неуклонному обострению их взаимоотношений с командованием, что в целом разрушало боеспособность войск. Охватившие армию процессы разложения не только противопоставили солдатскую массу офицерам, но вносили раскол и в среду офицества. Офицерский корпус, утративший за годы войны черты корпоративного единства, переживал размежевание по множеству признаков, и в нем прослеживались самые разнообразные течения. На фоне усталого и пассивного большинства все более заметно

² *Верховский А.И.* Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914 — 1918 гг.) // Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 32.

проявляли себя правый (консервативный) и левый (демократический) фланги, не принимавшие курс правительства и Советов с диаметрально противоположных позиций. В их настроениях и политической активности идея защиты отечества от внешних врагов постепенно сменялась идеей внутреннего противостояния.

Представители высшего командования склонны были объяснять разрушение дисциплины и боеспособности вои́ск деятельностью демократических, левых и иных сил (например, вражеской агентуры), но не оставляли надежд на то, что положением удастся овладеть в сотрудничестве с правительством или помимо него. В то же время среди офицеров обнаружилась категория лиц, не выделявшихся ранее по службе, но теперь активно обратившихся к политической деятельности. В короткий срок некоторые из них заняли видное положение. Так, комиссарами Временного правительства при крупных войсковых штабах стали офицеры военного времени прапорщик Ф.Ф. Линде, поручик Ф.А. Степун, штабс-капитан М.М. Филоненко и некоторые другие. Заметным стало поведение иной, хотя и немногочисленной, части офицерства, которая, осознавая слабость и противоречия правительства, активной политики и не разделяя установок командования, активно участвовала в работе войсковых комитетов, сотрудничала в Советах, наиболее авторитетные офицеры выдвигались личным составом на командные посты. Все более распространенными становились примеры вступления офицеров в революционные политические партии. В первые революционные месяцы членами партии большевиков стали Генеральный штаб подполковник М.С. Свечников, подполковник Н.Г. Крапивянский, капитан П.В. Егоров, подпоручик И.П. Уборевич, прапорщик Г.И. Благонараев, В.К. Путна, Р.Ф. Сиверс и многие другие, кому предстояло сыграть заметную роль в политической борьбе будущего.

Углубление общественно-политического кризиса летом 1917 г. усилило среди политически активной части офицерства тенденцию к конспиративной деятельности. Появление тайных военных групп и организаций свидетельствовало о том, что офицерский корпус оказался не в

состоянии использовать вооруженные силы для реализации военной диктатуры. Доказательством тому стала неудачная попытка Верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова установить в стране военную диктатуру с использованием как традиционных рычагов в лице находившейся в его руках военной иерархии, так и новых явлений армейской действительности — легальных и нелегальных офицерских организаций и добровольческих формирований. Августовский кризис усилил политическое противостояние не только в масштабах всего общества, но и внутри отдельных его групп, в частности офицерства.

Захват политической власти в стране большевиками положил начало новому этапу в контрреволюционном движении военных. Если ранее оно стремилось к союзу с правительством, обещая стать его опорой в проведении жесткого курса, то с настоящего момента превращалось в определенно антиправительственное, представляющее одну из сторон гражданской войны. Несмотря на то, что во главе военной контрреволюции, заложившей основу вооруженного антисоветского сопротивления, находились крупные российские военачальники М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, то есть лица, в иерархическом смысле возглавлявшие офицерский корпус, офицерство в своих взглядах, настроениях, поведении относилось к ним далеко не однозначно. Относительной сплоченностью отличались лишь группы, прошедшие отбор в предшествующий период — офицеры ударных частей, члены воинских союзов и организаций.

Открытые антисоветские политические выступления, в которых заметное место принадлежало офицерам, произошли только на окраинах России. В условиях кризиса и распада традиционных государственных институтов организационной основой этого сопротивления стали добровольческие формирования, в роли руководителей которых выступали представители офицерства. К маю 1918 г., то есть к моменту развертывания широкомасштабной гражданской войны на территории России, эти контингенты формирования имели устойчивый офицерский облик. Наиболее значимое среди них явление — Добровольческая

армия — на 68,9% состояла из генералов и офицеров, более половины личного состава — 54,5% — составляла офицерская молодежь (79% всех офицеров). Отряд М.Г. Дроздовского, где офицеров было 74,8%, еще более увеличивал их долю в личном составе³.

Вместе с тем этот факт не означал, однако, всеобщей активной поддержки офицерством российской армии антибольшевистского движения, что объяснялось его малочисленностью и очаговым характером. На данный парадокс обратил внимание известный военный историк А.Г. Кавтарадзе, который попытался подсчитать, какова была доля офицеров, встретивших Октябрьскую революцию враждебно и сразу же выступивших против нее с оружием в руках. При этом им были учтены следующие группы: офицеры казачьих частей, принимавшие участие в походе Керенского-Краснова на Петроград — 300 человек; офицеры, участвовавшие в восстании юнкеров в Петрограде — не более 150 человек; до 250 офицеров-участников контрреволюционного противостояния в Москве; до 400 офицеров в составе Донской армии А.М. Каледина, в отрядах атаманов А.И. Дутова и Г.М. Семенова; наконец, примерно 2350 офицеров в Добровольческой армии на момент ее выступления в 1-й Кубанский поход. Всего получилось около 3,5 тысяч офицеров. Кроме того, А.Г. Кавтарадзе вполне обоснованно предположил, что помимо главных очагов антисоветской борьбы в отдельных частях действующей армии и тыловых округах против Советов сразу же выступило не менее полторы от указанного числа офицеров, то есть около 2 тысяч (к ним следует отнести несколько десятков офицеров ударных батальонов, сражавшихся с Красной гвардией под Белгородом, около 700 офицеров отряда полковника Дроздовского, до 200 офицеров, участвовавших в восстании юнкеров в Иркутске)⁴.

Результаты подсчетов свидетельствовали о том, что по горячим следам октябрьского переворота (ноябрь 1917

³ *Абинякин Р.М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917-1920 гг. Орел, 2005. С. 89.

⁴ *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 32-37.

г. — февраль 1918 г.) на путь вооруженной борьбы с большевиками встало не более 5,5 тысяч офицеров, что составляло менее 3% от всего 250-тысячного офицерского корпуса. Таким образом, в качестве организационного ядра и авангарда в антибольшевистском сопротивлении выступила лишь незначительная, наиболее экстремистски настроенная часть офицерства. Основной же массе российских офицеров только предстояло определить свое место в развертывавшемся гражданском конфликте.

Процесс самоопределения представителей офицерского корпуса в новой революционной действительности имел сложный и разнонаправленный характер. Образ большевизма как политического движения, сформированный в массовых представлениях предшествующими месяцами политического противостояния в армии и обществе, не мог вызвать симпатий офицерства. Абсолютное большинство офицеров заняло выжидательную или, по выражению А.Г. Кавтарадзе, «враждебно-выжидательную» позицию. Несмотря на то, что офицерский корпус российской армии юридически прекратил свое существование с изданием соответствующих декретов СНК в декабре 1917 г., то есть еще раньше, чем сама старая армия, офицерство как профессиональная группа не утратило своего значения.

С первых часов у власти большевистское руководство искало возможностей привлечь на свою сторону военных специалистов. Их участия требовало управление огромной армией военного времени, проведение мирных переговоров и предстоящая демобилизация. Не менее важной задачей новой власти была организация подавления вооруженного сопротивления своих противников внутри страны. По этим причинам, встав во главе государства, большевики крайне нуждались в лояльных военных кадрах и в отношении к офицерству руководствовались соображениями скорее прагматического, нежели доктринального свойства.

Офицерская молодежь, не имевшая другого профессионального образования и жизненного опыта кроме военного, в социальном смысле представляла собой наиболее «горючий» человеческий материал. В распоряжении военно-революционных комитетов в центре и на местах

было немало молодых офицеров, недавних выпускников военно-учебных заведений, нередко возглавлявших отряды Красной гвардии и революционных войск. Их решение выступить на стороне революции было продиктовано романтическими, порой честолюбивыми соображениями, стремлением к новому, небывалому. Решительный облик революционного действия импонировал молодежи куда более, чем невнятный курс Временного правительства. Образец расуждений молодого революционного офицера приводит в своих воспоминаниях очевидец: «Я еще не большевик, но перевороту сочувствую. Нельзя же больше терпеть это идиотское Временное правительство и сумасшедшего шута Керенского <...> Если большевики захватят власть, каждому из нас открыта широкая дорога к самым невероятным возможностям»⁵.

Немалую роль в выборе офицерской молодежи играла склонность идентифицировать себя с теми или иными классами и социальными группами, притягивание их интересов и ценностей. Среди первых командиров Красной Гвардии под Петроградом были прапорщики Л.Г. Петровский — сын видного большевика, члена ЦК РСДРП(б) Г.И. Петровского и Ю.М. Коцюбинский — сын революционного демократа, писателя М.М. Коцюбинского. Красногвардейским отрядом во время октябрьских боев в Москве командовал прапорщик Ю.В. Саблин, выходец из семьи с большими революционными традициями, внучатый племянник известного народовольца Н.А. Саблина.

Все же военных знаний, опыта, авторитета прапорщиков было очевидно недостаточно для того, чтобы командовать крупными войсковыми отрядами и планировать боевые операции. Это понимали и военные руководители большевиков. Член комитета по военным и морским делам при Совнаркоме Н.В. Крыленко уже 25–26 октября (7–8 ноября) приглашал в Смольный заслуженных офицеров-фронтвиков из запасных полков, в том числе и гвардейских, с целью заручиться их согласием возглавить части

⁵ *Алехтин С.И.* На фронте после революции // Военная быль. 1968. № 92. С. 37.

для борьбы с контрреволюционными войсками. Очевидцем такой встречи был капитан гвардии Петроградского полка Георгиевский кавалер С.И. Алехтин. Ему и ряду приглашенных офицеров Крыленко открыто заявил, что революционная армия нуждается в командном составе, офицеры должны встать во главе рабочих и армейских отрядов против наступающих на Петроград частей генерала П.Н. Краснова, любой из них может занять пост командующего войсками столичного округа. Ответную реакцию офицеров следует считать в первую очередь осторожной. Никто из присутствующих не решился принять предложения новой власти, но и не выразил враждебности⁶.

Наиболее закономерным был приход в ряды революционных войск офицеров — членов революционных партий большевиков и левых эсеров, число которых в 1917 г. значительно выросло. Войсковым отрядом, направленным на разгром Ставки, командовал прапорщик М.К. Тер-Арутюнянц (23 года, большевик с 1917 г.), он же стал первым начальником и комиссаром образованного при Ставке Революционного полевого штаба. Во главе трех колонн революционных войск, действовавших против кадетинского Дона в январе 1918 г., стояли прапорщики Р.Ф. Сиверс (25 лет, большевик с 1917 г., один из организаторов и редакторов газеты «Окопная правда»), Ю.В. Саблин (20 лет, левый эсер с 1917 г.), Г.К. Петрова (25 лет, левый эсер с 1917 г.). Крупными отрядами командовали поручик Р.И. Берзин (29 лет, большевик с 1905 г.) и капитан П.В. Егоров (28 лет, большевик с 1917 г.).

Заметное место среди командных кадров революции занимали беспартийные офицеры, выдвинутые в 1917 г. солдатской средой и показавшие себя ее искренними сторонниками и защитниками демократии. Выбор этой группы офицеров следует признать социально-эмоциональным. Наиболее видное положение в ней занимают известные вожди революционного казачества. Хорунжий А.И. Автономов, прославившийся своим смелым выступлением против контрреволюционного большинства на проходившем

⁶ См.: *Алехтин С.И.* Указ. соч. С. 38.

в Киеве в октябре 1917 г. 3-м общеказахьем съезде, принял командование Юго-Восточной революционной армии на Кубани и в марте 1918 г. руководил всеми советскими войсками, защищавшими Екатеринодар. Большой популярностью среди фронтового казачества пользовался войсковой старшина Н.М. Голубов. Человек яркой судьбы, участник русско-японской, Балканской и мировой войн, делегат I-го Донского войскового круга, резко критиковавший А.М. Каледина и А.П. Богаевского и за это арестовывавшийся донским правительством, Н.М. Голубов возглавил войска Донского казачьего военно-революционного комитета, которые в феврале 1918 г. заняли Новочеркасск. Крупными революционными отрядами на Северном Кавказе командовали подбесаул И.Л. Сорокин, подпоручик М.И. Бушко-Жук, прапорщик С.Д. Одарюк. Нередкими были случаи, когда офицеры не покидали революционные части и в их составе принимали участие в боях с белыми, что вызывало удивление и ненависть последних⁷.

Наконец стоит указать, что прецедент дояльного поведения в условиях нового политического режима в наиболее массовом порядке создавали бывшие офицеры, не оставившие фронт и свои части в последние, самые трудные месяцы существования старой армии и прошедшие с ней до окончательной демобилизации. Многие из них, любившие военную профессию и дорожившие доверием солдат, становились первыми инструкторами по формированию политической армии на фронте, а впоследствии возглавляли свои переформированные части в качестве отрядов завесы и в составе Красной армии.

Особое значение имеет вопрос о выступлении на стороне революционных войск опытных военных специалистов — генералов и офицеров Генерального штаба. Привлечение военных специалистов было не только требованием момента, оно отвечало перспективным задачам советского государственного и военного строительства,

⁷ См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.2. М., 1991. С. 238.; Дроздовский М.Г. Дневник // Белое дело. Добровольцы и партизаны. М., 1996. С. 51. А это на предыдущую страницу

а также поднимало престиж новой власти. Для военных профессионалов — генералов и штаб-офицеров — переход к активному сотрудничеству с Советской властью предполагал несколько иной комплекс причин и мотивов, чем у офицеров военного времени. В этой среде практически отсутствовали лица с революционным прошлым или члены революционных партий. Вместе с тем продолжение работы главных военных учреждений в Петрограде после октябрьского переворота стало возможным в результате добровольной и активной работы на стороне Советской власти генералов С.И. Одинцова и Н.М. Потапова⁸. Мирный переход Ставки в подчинение Совнаркома был бы значительно сложнее без содействия с обеих сторон представителей генералитета. Здесь особая роль также принадлежала генералу С.И. Одинцову, который по поручению Главковерха Н.В. Крыленко заранее прибыл в Могилев и провел переговоры как с исполнявшим обязанности Главковерха Н.Н. Духониним, так и с группой генералов, склонных подчиниться Советской власти: начальником гарнизона М.Д. Бонч-Бруевичем, К.И. Величко и А.Е. Гутором. В результате при занятии Ставки 20 ноября (3 декабря) 1917 г. революционными войсками удалось избежать сопротивления. Начальником штаба Верховного главнокомандующего был назначен генерал М.Д. Бонч-Бруевич, который, занимая предшествующие должности, умел наладить сотрудничество с местными Советами. Абсолютное большинство личного состава управлений Ставки согласилось продолжать работу на пользу армии.

Постепенное расширение масштабов сотрудничества военных профессионалов с новой властью отчасти являлось следствием тех изменений, которые претерпевал в их представлениях образ большевизма как политического явления. Если летом 1917 г. большевики олицетворяли силы анархии, подрывавшие устои армии и борющиеся с влиянием командования, то в начале 1918 г. они представляли российское правительство, которое приступило к решению

⁸ См.: Потапов Н.М. Записки о первых шагах советского военного строительства // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 62-63.

вопросов государственного и, в частности, оборонительного строительства⁹. Исключительным по значимости событием, послужившим вовлечению командных кадров старой армии в организацию обороны республики стало нарушение Германией перемирия и начало наступления немецких войск на фронте 18 февраля (3 марта) 1918 г. В феврале-марте 1918 г. на штабные, командные и административные должности в вооруженные силы республики поступило более 8 тыс. офицеров и генералов, то есть более, чем в то время находилось в рядах всех антисоветских формирований.

Принадлежность к офицерскому корпусу старой армии не стала решающим фактором, предопределившим выбор и судьбу его представителей в гражданском конфликте. В Гражданской войне, развернувшейся в полную силу на просторах России к середине 1918 г., все стороны и «цвета» были объективно заинтересованы в том, чтобы использовать для организации своих вооруженных сил военных профессионалов. Офицеры бывшей императорской армии неизменно оказывались у руководства и в рядах самых разных, в том числе и «несистемных», формирований и сил — от армий молодых национальных государств до всевозможных повстанческих движений. И все же при всех прератностях внутренней смуты бывших офицеров непреодолимо притягивали два ее полюса — «красные» и «белые» — два главных конкурента в борьбе за право представлять новую государственность. Наследуя российскую военную традицию, Красная армия отвергла ее внешние формы, но восприняла профессиональное и военно-научное содержание.

С окончанием Гражданской войны в рядах Красной армии продолжали службу около 50 тыс. бывших офицеров, что составляло 38,2% среди лиц командного состава, а во флоте их доля достигала двух третей¹⁰. В течение после-

⁹ См.: Гребенкин И.Н. Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015. С. 458–460.

¹⁰ Абинякин Р.М. Увольнение бывших офицеров из РККА в 1921–1934 гг. // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 91; Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011. С. 79.

дующих десятилетий многим из них предстояло сыграть выдающуюся роль в деле организации обороны и военного строительства советского государства. Офицерами старой российской армии являлись трое (М.Н. Тухачевский, А.И. Егоров, Б.М. Шапошников) из восьми маршалов Советского Союза довоенного производства и трое (Ф.И. Толбухин, Л.А. Говоров, И.Х. Баграмян) из девяти, получивших это звание в годы Великой Отечественной войны. Генералитет Красной армии, победоносно завершившей Вторую мировую войну в Европе и на Тихом океане, символизировал преемственность национальной воинской традиции, объединив в своем составе людей разных поколений и судеб, но одинаково преданных делу защиты Отечества.

Список литературы

- Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел: Издатель А. Воробьев, 2005. — 204 с.
- Абинякин Р.М. Увольнение бывших офицеров из РККА в 1921–1934 гг. // Вопросы истории. 2012. № 2. — С. 91–103.
- Алехтин С.И. На фронте после революции // Военная мысль. 1968. № 92. — С. 32–40.
- Буравченко А.А. В ногу с революцией: демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. Киев: Виша школа, 1988. — 141 с.
- Верховский А.И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914 — 1918 гг.) // Военно-исторический журнал. 1993. № 4. — С. 31–43.
- Гребенкин И.Н. Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М.: АИРО-XXI, 2015. — 528 с.
- Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. М.: Наука, 1991. — 376 с.
- Дроздовский М.Г. Дневник // Белое дело. Добровольцы и партизаны. М.: Голос: Сполохи, 1996. — С. 5–74.

Кветарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республике Советов 1917–1920 гг. М.: Наука, 1988. — 280 с.
Назаренко К.Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011. — 488 с.
Потапов Н.М. Записки о первых шагах советского военного строительства // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 61–68.

Цветков В.Ж., Гагкуев Р.Г.

**БЕЛОЕ ДЕЛО И КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ.
 О НЕПРАВОВОМЕРНОСТИ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ
 ПРОГРАММ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕ-
 СКИХ ЛОЗУНГОВ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА
 В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация. В статье проведено сравнение политических программ Белого движения (1917–1922) и русских коллаборационистов времен Великой Отечественной войны (1941–1945). Делается вывод о недопустимости отождествления противостояния в годы расколовшей Россию на две враждующие стороны Гражданской войны и предательского сотрудничества с иноземными агрессорами и оккупантами в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Белое движение, коллаборационизм, Гражданская война, Великая Отечественная война, Комитет освобождения народов России, Русская освободительная армия, генерал А. В. Колчак, генерал А. А. Власов.

Tsvetkov V., Gagkuev R.

**WHITE MOVEMENT AND RUSSIAN
 COLLABORATION. CONCERNING IMPROPER
 EQUALITY OF THE WHITE MOVEMENT'S
 PROGRAMMES AND COLLABORATION POLITICAL
 SLOGANS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.**

Abstract. The article deals with comparison of political programmes of the White movement (1917–1922) and Russian collaborators during the Great Patriotic War (1941–1945). It is concluded that it is wrong to equate the confrontation in the years of the Civil War splitting Russia into two hostile parties with collaboration with the foreign aggressors and invaders in the years of the Great Patriotic War.

Key words: The White movement, Collaboration, the Civil War, the Great Patriotic War, the Committee for the Liberation of the Peoples of Russia, the Russian Liberation Army, Admiral A. V. Kolchak, General A. A. Vlasov.

«Всякое иноземное нашествие на Россию с захватными целями — новое тяжкое бедствие. И отпор врагам со стороны всего народа русского — его повелительный долг».

А. И. Деникин

В последние годы в печатных СМИ и в Интернете с изрядной периодичностью появляются публикации, в которых ставится знак равенства между Белым движением периода Гражданской войны в России (1917 -- 1922) и русским колониализмом времен Великой Отечественной войны (1941-- 1945). Особенно грешат этим дискуссии на разных интернет-форумах и онлайн-новостные обсуждения публикаций историков и публицистов в сетевых информационных ресурсах¹. Авторам этой статьи неоднократно приходилось самим оказываться в ситуации, когда в интервью СМИ необходимо было подробно объяснить, почему нельзя ставить знак равенства между участниками Белого движения и колониалистами, давать комментарии о позиции русской эмиграции в годы Великой Отечественной войны и проч.

Главным обоснованием для постановки «знака равенства» между участниками Белого движения и русскими колониалистами времен Великой Отечественной войны становится «измена Родине» совершенная и теми, и другими. Подобные утверждения делаются, как правило, исключительно по формальному признаку «измены Родине» в феврале 1917 г. или же противостояния советской власти в последующий период истории нашей страны.

¹ См., например: Адмирал Колчак, генерал Власов — они плохие, потому что России на верность присягнули и родину любили? // «Отvet.mail.ru». [Электронный ресурс]. URL: <https://otvet.mail.ru/question/27553614> (дата обращения: 16.01.2016); Генерал Власов — предатель или герой? // Большой воронежский форум. [Электронный ресурс]. URL: <http://bvf.ru/forum/showthread.php?p=9321638> (дата обращения: 16.01.2016); «Адмирал» (2008) [Обсуждение фильма] // «Kino-teatr.ru». [Электронный ресурс]. URL: www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/hud/138/forum/print (дата обращения: 16.01.2016).

«Гражданская война была войной между врагами “царского режима” и предателями “царского режима”. “Красные” были врагами, “белые” были предателями», — как правило, подчеркивается в таких случаях². Тезисы вроде того, что «...предателями России и ее палачами, а не ее “патриотами”, следует по праву назвать адмирала Колчака и других главарей “белого движения”, продавшихся иноземным державам» сегодня обычны для интернет-публикаций³.

В качестве наглядных образов подобной публицистики можно привести внушительный ряд цитат. Например, доктор исторических наук, философ Ю.А. Семенов в одной из статей заключает: «Государственным флагом России объявлено знамя, под которым бок о бок с иностранными солдатами сражались против своего народа белые армии, под которым выступали против своего Отечества приспешники фашистов, изменники и предатели — власовцы»⁴. В.С. Пудов, в статье «Так кто же истинные герои России: генералы Таубе и Карбышев или адмирал Колчак и генерал Власов?» опубликованный в 2009 г.⁵ уже в самом заголовке статьи, по сути, ставит адмирала А.В. Колчака и генерала А.А. Власова в один ряд. Говоря о различном поведении представителей

² Гражданская война между врагами «царского режима» и предателями «царского режима» // Русский проект. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusproject.org/node/38> (дата обращения: 16.01.2016).

³ *Вадимов В., Иванова О.* Был ли адмирал Колчак русским патриотом? // Открытая электронная газета «Forum-msk.org». [Электронный ресурс]. URL: <http://forum-msk.org/material/kompromat/602390.html#> (дата обращения: 16.01.2016).

⁴ *Семенов Ю. А.* Белое дело против красного дела // Скепсис. Научно-просветительский журнал. [Электронный ресурс]. URL: http://scepisis.net/authors/id_8.html (дата обращения: 16.01.2016).

⁵ *Пудов В.* Так кто же истинные герои России: генералы Таубе и Карбышев или адмирал Колчак и генерал Власов? // Русская линия. Православное информационное агентство. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusk.ru/st.php?idat=114714> (дата обращения: 16.01.2016); См. также републикацию и ее обсуждение: *Пудов В.* Так кто же истинные герои России: генералы Таубе и Карбышев или адмирал Колчак и генерал Власов? // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/analitika/2009/10/28/tak_kto_zhe_istinnye_geroi_rossii_generaly_taubе_i_karbyshеv_ili_admiral_kolchak_i_general_vlasov (дата обращения: 16.01.2016).

русского офицерского корпуса в годы Гражданской войны, автор отмечает: «Ищут героев среди белых, а они воевали на стороне интервентов, врагов России».

Краевед Т. И. Владимиров из Красноярска, в материале «Новые защитники кровавого адмирала», написанном в 2008 г. после выхода в прокат художественного фильма «Адмирал», вопрошает: «... Мне хотелось бы задать вопрос тем, кто защищает предателей и изменников Родины: “Неужели в своей ненависти к социализму вы, господа, перешли человеческую грань и стали покровителями кровавых преступников и фактически продолжателями их грязных дел? Кто же вы сами, если вам не стыдно открыто оправдывать таких сволочей, худших сынов земли русской, как Колчак, Краснов, Каппель, Деникин, Юденич, Врангель, Власов?»⁶

Редактор ресурса «Forum-msk.org» Д. Черный 6 ноября 2008 г. заключает: «Навязываемая народу властвующим в стране меньшинством героика белого движения вполне отражает лишь этого меньшинства страсть к привилегиям. И напрасны попытки элиты занять позицию нейтральную по отношению к красным и белым — под белогвардейским и власовским знаменем-то! Ход властей с созданием фильма о Колчаке и водружением доски — уже сделан. Бело-сине-красная власть ищет героев среди власовцев, белогвардейцев — то есть среди тех, кто никогда большинства советского народа не представлял, наоборот, против него воюя»⁷.

Т. И. Иванова в записи «Живого журнала» в ответ на собственный вопрос «Власовцы и белая гвардия — есть ли между ними отличие?» сама и отвечает на него: «Нет отличия, поскольку суть и того, и другого движения есть антикоммунизм. Белогвардейское движение, не успе-

⁶ Владимиров Т. И. Новые защитники кровавого адмирала // Красноярская газета. 2008. 31 октября. [Электронный ресурс]. URL: <http://krsgz.narod.ru/2008/73/1.html#3-3> (дата обращения: 16.01.2016).

⁷ Свершилось! Накануне красного дня календаря мемориальная доска Колчака разбита // Открытая электронная газета «Forum-msk.org». [Электронный ресурс]. URL: <http://forum-msk.org/material/news/583948.html> (дата обращения: 16.01.2016).

шее эмигрировать и ждавшее своего часа, дождалось его с приходом Гитлера и присягнуло гитлеровскому фашизму в борьбе с коммунизмом, став власовским движением. Поскольку фашизм — это кристаллизованный антикоммунизм. Произошла последовательная трансформация — белое движение — власовское движение — русская партия в СССР, повернувшая перестройку...»⁸.

Склонны к подобному отождествлению белых и «влазовцев» и исследователи русского коллаборационизма, стремящиеся показать широкую основу этого движения, его прямую преемственность с Белыми делом.

В результате подобной постановки «знака равенства» между Белым делом и коллаборационизмом, участники Белого движения, большинство из которых находилось на фронте Первой мировой войны вплоть до его окончательного развала в конце 1917-- начале 1918 гг., вынесших на себе 3,5 года войны и тяжкий крест русского офицера в революционной стихии, а затем с оружием в руках выступивших на защиту еще сохранившихся традиционных устоев российской государственности, ставятся в один ряд с изменниками Родины времен Великой Отечественной войны.

Так ли это? Попытаемся разобраться.

В 1990 гг., после падения «железного занавеса», в отечественной историографии проявлялось некритическое отношение к сложившимся в исторической публицистике русского зарубежья оценкам событий XX столетия. Характеризуя эмигрантскую историческую публицистику, нельзя забывать об ее формировании в условиях постоянного идеологического противостояния между странами «социалистического лагеря» и «буржуазного мира». В начале 1990-х гг. некритичное восприятие некоторых эмигрантских оценок привело к появлению в России концепций, не только оправдывающих поведение тех граждан СССР, которые по тем или иным причинам стали активно сотрудничать с нацистской Германией, но и представляющих их деятельность в качестве своеобразного «образа сопротивления»

⁸ Живой журнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://td-41.livejournal.com/901804.html> (дата обращения: 16.01.2016).

«ненавистному большевистскому режиму». Сама Великая Отечественная война при такой оценке нередко называется «Второй гражданской» или «советско-германской».

Одним из основных, востребованных в условиях «холодной войны» тезисов стало утверждение о непрерывности «борьбы с большевизмом», ведущейся на протяжении всех лет существования советской власти — с момента захвата власти большевиками в 1917 г. до развала СССР в 1991 г. Этот тезис оформился в виде терминологического словосочетания «антибольшевистское (часто также — “анти-большевическое”, через букву “ц”) сопротивление», охватывающего время «от генерала Корнилова до академик Сахарова». Принципиально важным становилось утверждение об идеологической общности всех без исключения участников этого «антибольшевического сопротивления», тождественности их главных позиций. Следуя логике данного утверждения, нет никакого различия между политическими программными установками участников борьбы с большевизмом периода Гражданской войны в России 1917-- 1922 гг. и «продолжателей» этого «сопротивления» в период Великой Отечественной войны.

Но подобную точку зрения нельзя считать правомерной. Для опровержения тезиса об этом «идеологическом единстве» следует провести сравнительный анализ главных положений программ белых правительств в годы Гражданской войны и основного программного документа «антибольшевического сопротивления» в годы Великой Отечественной войны — Манифеста Комитета освобождения народов России (более известного как «Пражский манифест»), объявленного генерал-лейтенантом А. А. Власовым во время его выступления 14 ноября 1944 г. в зале Градчаны в Праге⁹. В свою очередь, «Манифест» стал

⁹ В данной статье основное внимание уделено сопоставлению принципиальных позиций «Манифеста Комитета освобождения народов России» и программ Белого движения. Более подробную характеристику формирования и эволюции политического курса Белого движения см. в монографиях В. Ж. Цветкова «Белое дело в России. 1917—1918» (М., 2008), «Белое дело в России. 1919 г. (М., 2009) и Белое дело в России. 1919—1922. Ч. 1 (М., 2013). На предыдущую страницу. Есть повтор

логичным завершением тех тезисов, которые впервые были опубликованы (за подписью А. А. Власова и генерал-майора В. Ф. Малышкина) 27 декабря 1942 г. в оккупированном Смоленске (так называемое «Смоленское воззвание»). Сразу оговоримся, что для анализа нами использованы только официальные документы¹⁰.

Первый и наиболее важный тезис, который необходимо рассмотреть, это — *политико-правовая преемственность*. Важнейшим пунктом в программах всех белых правительств было следование политико-правовой преемственности от дореволюционной России (до событий 1917 г.). При этом определялось достаточно четкое размежевание с представителями так называемой «революционной демократии», выдвинувшимися на политическую авансцену после февраля 1917 г. Сотрудничество с ними не исключалось (яркие тому примеры — Б. В. Савинков и Н. В. Чайковский), но только после того, как они открыто заявляли о поддержке политического курса Белого движения и, в частности, о поддержке власти Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака и его преемников (генералов А. И. Деникина, П. Н. Врангеля) и, следовательно, о признании приоритета норм военной

¹⁰ Программные заявления и декларации деятелей КОНР использованы по следующим изданиям: *Андреева Е.* Генерал Власов и Русское освободительное движение. Лондон: Overseaspubl. interchange, 1990. С. 329 - 344; Воля Народа. Берлин. 1944. № 1; *Стеенберг С.* Власов. Мельбурн: Русский дом в Мельбурне, 1974. С. 170 - 180; *Штрик-Штрикфельдт В. К.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение. М., 1993. С. 424 - 427.

Следует отметить, что в статье используются только официальные документы. Частные беседы, частная переписка участников КОНР, высказываемые в них суждения о перспективах «борьбы с большевизмом» и сотрудничества с Германией, а также «борьбы против Гитлера» рассматриваются в специальных монографических исследованиях, из которых следует выделить обстоятельные, основанные на большом количестве источников работы К. М. Александрова: «Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова» (СПб.: «Блиц», 2001; М.: «Посев», 2009); «Против Сталина: Сборник статей и материалов» СПб., 2003); «Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели» (М.: «Яуза», «Эксмо», 2005); «Армия генерала Власова 1944 - 1945». М.: «Яуза», «Эксмо», 2006); «Мифы о генерале Власове» (М.: «Посев», 2010).

диктатуры в качестве обязательного условия воссоздания в России законной власти.

В белых правительствах активно разрабатывались проекты избирательного права применительно к выборам как высшего учредительно-санкционирующего органа власти (Национального учредительного собрания), так и местного (земско-городского) самоуправления. Окончательное решение вопроса о политическом и государственном устройстве будущей России, а также о форме правления отводилось Учредительному собранию, которым должен был завершиться период «временных властей», вынужденно образовавшийся после отречения от престола государя императора Николая II и отказа от принятия престола вел. кн. Михаилом Александровичем. Главным источником права в этом случае стала бы «сборная воля» народа России.

В «Пражском манифесте» Комитета освобождения народов России (КОНРа) ничего подобного не было. Учредительно-санкционирующий порядок установления будущей государственной власти в России в нем вообще не упоминался. Более того, исходная позиция в отношении будущей российской государственности определялась достаточно конкретно. Это — февраль 1917-го. «В революции 1917 г. народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел да и не мог уничтожить причин, породивших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости», — говорилось в манифесте. Тем самым в манифесте признавалась не формально-правовая сущность произошедших в феврале 1917-го перемен, а, в первую очередь, фактически сложившаяся система власти — то есть республика, санкционированная отнюдь не «сборной волей» народа, а единоличным решением А.Ф. Керенского, принятым 1 сентября 1917 г. Фраза об «отжившем царском строе» свидетельствовала о невозможности и недопустимости возвращения к монархии. «Мы за новую Россию, которую не создал ни царский режим, ни большевизм»,

«Белое движение потеряло опору в народе», «мы должны завершить Национальную революцию 1917 г.», — говорилось в статьях газеты «Воля народа» за 1944 г. Поскольку упоминания об учредительно-санкционирующем способе создания власти отсутствовали, можно предположить, что исполнение функций управления в случае возможной победы возьмут на себя структуры, созданные самим Комитетом освобождения, то есть коалиционным органом, составленным из различных военных, политических и общественных деятелей. Можно также предположить, что КОНР в перспективе мог бы заявить о себе, как о некоем объединенном правительстве¹¹.

Но подобная перспектива (КОНР — как основа создания временной, коалиционной власти) опровергается текстом «Манифеста», имеющим, по сути, центральное значение. И здесь мы выходим на рассмотрение второго важного тезиса — *единство будущей Российской государственности*. В тексте «Пражского манифеста» говорится: «Возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 г. ... равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность». Таким образом, предопределяется решение не только вопроса о форме правления (однозначно — республиканская), но и о государственном устройстве на той территории, которую в 1917 г. занимала бывшая Российская империя, а в 1944 г. — СССР. Это отнюдь не «единая Россия». В лучшем случае это — союз (конфедерация) формально независимых «наrodnых государств» и государственных образований, объединенных только «освобождением от большевистской системы». Манифест «решительно» отвергал «все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов».

Рассматривая этот тезис, важно подчеркнуть еще одну принципиальную разницу между политическими позициями Белого движения и КОНРа. Белые политики и военные провозглашали лозунг «Единая, неделимая Россия» (допуская

¹¹ В Губеровском архиве сохранился безымянный проект «Конституции Российской державы» (в нем предполагается введение власти Правителя и Земского Собора), однако его идейно-политическая связь с «Манифестом» КОНР не прослеживается.

отделение от нее лишь Польша и Финляндии), внутреннее устройство которой будет, возможно, предусматривать значительную степень областной автономии или будет построено на федеративных началах, но никоим образом не должно привести к распаду страны. В то время как деятели КОНРа утверждали о невозможности в принципе существования каких-либо унитарных элементов государства. В поисках союзников в «антибольшевицком сопротивлении» КОНР обращался к разным националистическим и сепаратистским структурам, таким как Украинская повстанческая армия, органы управления в казачьих областях, в Прибалтике и т. д. «Только единство всех вооруженных антибольшевицких сил народов России приведет к победе», — заявлялось в манифесте. Но результатом подобного «сотрудничества» не могло стать иное решение, как отказ от единства России, утрата ее территориального суверенитета. В силу этого провозглашаемое военно-политическое «единство» на этапе «борьбы с большевизмом» вполне можно трактовать как временное.

В связи с этим уместно провести параллель с уже начавшими осуществляться планами Германии в отношении России в годы Первой мировой войны. В условиях распада российской государственности, вызванной революционными событиями 1917 г., правящие круги Германской империи допустили даже восстановление монархической формы правления, но лишь в выгодной им форме и на подходящих им условиях. Так, германский император Вильгельм II во время встречи с атаманом Астраханского казачьего войска князем Д. Д. Тундутовым откровенно заявлял, что ему «славянский вопрос надоед», и вместо «Единой России» «будут четыре царства — Украина, Юго-Восточный Союз, Великоруссия и Сибирь. Мы отлично знаем, что у вас в Киеве думают, что вы присоедините к Киеву все остальное и таким образом объедините Россию. Пожалуйста, перedaйте там, что мы это знаем, что мы этого не желаем и не допустим»¹². Реальность подобных заявлений подтверждала

¹² Деникин А. И. Очерки русской смуты: В 3 кн. Кн. 2. Т. 2. Борьба генерала Корнилова; Т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. — М.: «Айрис-пресс», 2005. — С. 432 - 433.

судьба уже оккупированных германской армией территорий бывшей Российской империи. После заключения Брестского мира Прибалтика была занята немецкими войсками, и здесь были созданы Балтийское герцогство во главе с братом Вильгельма II Генрихом Прусским и Литовское королевство во главе с принцем Вильгельмом фон Урахом (представителем морганатической ветви Вюртембергского герцогского дома). В Финляндии власть получила прогерманское правительство во главе с Фридрихом Гессенским (зятцем императора Вильгельма II). Очевидно, что подобные «монархические модели» не исключались и для «Великоруссии». Проблему «персонального возглавления» можно было бы решить путем приглашения на Престол кого-либо из Дома Романовых или разветвленного Дома Гогенцоллернов.

В «Манифесте» КОНРа вполне определенно просматривается та же идея создания государственных образований под верховным контролем Германии. Это подтверждает история возникновения и деятельности национальных формирований в составе Вермахта и войск СС, политических структур коллаборационистов в годы Второй мировой войны. Но могут ли быть «национальными» режимы, находящиеся под непосредственным контролем со стороны внешнего агрессора? К тому же установившиеся с помощью страны, всего лишь два десятилетия до этого бывшей провинником России в годы Первой мировой войны?

Отмечаемую в ряде историко-публицистических работ якобы «самостоятельность», «независимость» руководства КОНРа от руководящих структур Германии следует считать нереальной и невозможной. Как и «верхушка рейха», командование Русской освободительной армии (РОА) надеялось использовать «противоречия» между «англо-саксонской коалицией» и «большевицкими Советами». В конце 1944 г. гитлеровское командование еще надеялось на возможность «победы германского оружия», в особенности с помощью некоего «чудо-оружия», в скором появлении которого убеждала всех нацистская пропаганда. В контексте нацистской пропаганды оценивал сложившуюся ситуацию и Комитет освобождения народов России, также делая

ставку на победу германского оружия во Второй мировой войне. Без нее провозглашенная политическая программа попросту не могла бы быть реализованной.

Примечательна оценка внешнеполитических перспектив «Германии и ее союзников», данная бывшим доцентом Киевского государственного университета Л. В. Дулиным в «международном обзоре» опубликованном в «Воле народа» (речь в нем идет о положении осенью 1944 г., когда нацистский режим уже был окончательно обречен): «Время работает сейчас на Германию и ее союзников <...> В числе факторов, изменяющих соотношение сил в пользу Германии и ее союзников, нужно упомянуть укрепление Западного и Восточного фронтов, проведение всеобщей мобилизации и упрощение государственного аппарата Германии, крупные успехи Японии в районе Филиппин и Формозы, упрочение внутривнутриполитического положения Венгрии, подавление восстания в Варшаве и попытки большевистского переворота в Словакии, создание национальных правительств Румынии и Болгарии. За последнее время наметились следующие основные очаги противоречий в стане союзников: Польша, Балканы, Ближний и Дальний Восток, вопросы послевоенной политики во всех странах Европы, вопросы государственной безопасности после войны, экономические отношений, связи, границ и проч. Противоречия растут с каждым днем, буквально как грибы. Да иначе и быть не может в таком противостественном блоке, как союз консервативной Англии, плутократической Америки и большевистского режима»¹³. Однако отмеченные «противоречия» не спасли нацистский режим от гибели и не помешали общей победе антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне над «Германией и ее союзниками», в числе которых официально признано и движение КОНР.

В «открытом письме» А.А. Власова «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом» (опубликованным в газете «Заря» 3 марта 1943 г.) говорилось: «Я пришел к твердому убеждению, что задачи, стоящие перед русским народом,

¹³ *Дудин Л. / В. /* Международные обзоры // Воля народа. Берлин, 15 ноября 1944. № 1.

могут быть разрешены в союзе и сотрудничестве с германским народом... В борьбе за наше будущее я открыто и честно становлюсь на путь союза с Германией. Этот союз, однако выгодно для обоих великих народов, приведет нас к победе над темными силами большевизма, избавит нас от кабалы англо-американского капитала в союзе и сотрудничестве с Германией он должен построить новую счастливую Родину в рамках семьи равноправных и свободных народов Европы»¹⁴.

Тезис о том, что «Европа будет союзом национальных государств», озвученный А.А. Власовым в его речи на пражском собрании, подчеркивал отсутствие принципиальных различий в официальных идейно-политических программах правительств государств, ставших союзниками Германии. Считая РОА и КОНР в числе этих союзников, А.А. Власов «раскрывает» этот тезис: «Сегодня мы можем заверить фюрера и весь немецкий народ, что в их тяжелой борьбе против злейшего врага всех народов — большевизма, народы России являнутся их верными союзниками и никогда не сложат оружия, а пойдут плечо к плечу с ними до полной победы». В выступлении А.А. Власова подчеркнута важность «свидания с государственным министром Г. Гиммлером, в течение нашей длительной и сердечной беседы, протекавшей в духе взаимного понимания и савшейся всех вопросов счастливого будущего народов России», а также «полного понимания» позиций КОНР, полученного Власовым со стороны «имперского министра иностранных дел господина фон Риббентропа»¹⁵.

Те же взгляды отражены и в «интервью иностранному корреспонденту», данном генерал-лейтенантом Г.Н. Жиленковым (редактором газеты «Воля народа»): «Неоценимую помощь народам России в их освободительной борьбе Германия оказала уже тем, что первая из всех других стран

¹⁴ Власов А. А. Почему я стал на путь борьбы с большевизмом (Открытое письмо генерал-лейтенанта А. А. Власова) // Заря. Берлин, 3 марта 1943. № 17.

¹⁵ Вступительная речь ген[ерала] А. А. Власова // Воля народа. Берлин, 15 ноября 1944. № 1.

подняла знамя борьбы против большевизма... Взяв на себя величайшее бремя борьбы против большевизма, нашедшего в лице империалистических Соединенных Штатов и Англии своих временных союзников, Германия совершает дело защиты всех народов, всех культур и цивилизаций от их порабощения и разрушения. Поэтому многомиллионные массы народов России приветствовали борьбу, начатую Германией... Жертвенная борьба Германии против большевизма и общность государственных интересов Германии и народов России делают нас верными союзниками»¹⁶.

Конечно, в действиях и оценках коллаборационистов имели место определенные тактические «уступки», благодаря которым, собственно, нацистские власти и дали разрешение на создание РОА и КОНР. Но принципиальным было само сотрудничество с нацистской Германией и готовность пожертвовать территориальной целостностью России. Принципиальные положения национал-социализма с его расистскими, человеконенавистническими устремлениями оставались неизменными, и рассчитывать на некую «эволюцию нацизма» к осознанию «общности интересов Германии и народов России» было совершенно бессмысленно и, по существу, преступно.

Что же касается идеологических позиций лидеров Белого дела, то, несмотря на намерения к сотрудничеству с Германией, высказывавшиеся отдельными политиками, военными, партийными и надпартийными структурами после окончания Первой мировой войны и смены власти в Германии в 1919 -- 1920 гг., ни в одном официальном заявлении белых правительств и лидеров Белого движения

¹⁶ Жиленков Г. Н. Интервью с иностранными корреспондентами // Воля народа. Берлин, 15 ноября 1944. № 1.

Показательно, что на Азиатско-Тихоокеанском фронте Второй мировой войны развивались аналогичные процессы. В ноябре 1943 г. милитаристская Япония провела так называемую Великую Восточно-азиатскую конференцию (Конференцию Великой Восточной Азии), на которую были приглашены представители марионеточных правительств оккупированных Японией стран и вооруженные контингенты которых в перспективе смогли бы принять участие в военных действиях против союзных войск.

не декларировался отказ от «союзнических обязательств» перед странами Антанты (хотя политика этих стран в отношении России была крайне противоречивой и непоследовательной).

Можно отметить и другие принципиальные отличия положений официальных документов КОНР от документов Белого движения. Так, огдельного внимания заслуживает и *тезис о путях решения земельного вопроса*. В «аграрном востросе» «Манифест» КОНР предусматривал ликвидацию колхозов и «безвозмездную передачу земли в частную собственность крестьян». Подобного рода решения с «безвозмездной» раздачей земли не принимались даже в рамках наиболее радикальной аграрной реформы Правительства Юга России генерала П.Н. Врангеля в 1920 г., не говоря уже о проектах земельной реформы, подготовленных в правительствах А.И. Деникина и А.В. Колчака в 1919 гг. В 1920 г. в Белом Крыму за землю, закрепляемую крестьянам в собственность, предполагалась уплата (хотя и незначительного), выкупа в форме «пятикратного среднего за последние десять лет урожая» зерновых в Таврии. Подобного рода проекты «безвозмездного наделения» были характерны для программ социалистов-революционеров (эсеров) и социал-демократов, идейно-политическое сходство с которыми фактически декларировалось КОНР.

И еще одно важное отличие политических установок белых правительств и русских коллаборационистов — это *тезис об отношении к Русской православной церкви*. Во всех без исключения программных заявлениях Белого дела содержались упоминания о значительной роли Русской православной церкви в жизни общества и государства. Связь церкви, власти и общества предполагалась не в форме возврата к «синодальному периоду», когда церковь являлась одним из элементов государственной системы, а в форме сотрудничества с церковью и деятельной ее поддержки со стороны государства. Показательно завершение политического курса Белого дела в России актом благословения церковью деяний Приамурского Земского Собора в 1922 г., предпринявшего восстановление на российский престол династии Романовых. В «Манифесте» же КОНР нет ни

слова о роли Русской православной церкви в будущей, освобожденной от большевизма, России. Упоминание в программном документе КОНР о «религиозных свободах» происходит лишь в контексте предложения о «введении действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати». К благословению со стороны иерархов Русской православной церкви за границей — митрополита Анастасия (А.А. Грибановского) и других иерархов руководство КОНР огнеслось достаточно нейтрально, а его официальная позиция по отношению к священноначалию Московской Патриархии была прямо враждебна: в ряде документов КОНР говорилось о «продажных иерархах», поддерживавших И.В. Сталина с начала Великой Отечественной войны.

Таким образом, *единственным общим тезисом в программах белых правительств и планах КОНР было объявление непримиримой «борьбы с большевизмом»*. Однако на основании этого говорить о преемственности и тем более тождественности «антибольшевизмского сопротивления», начавшегося в 1917 г. и происходившего в период Великой Отечественной войны, — недопустимо.

Трагедия Гражданской войны, расколовшей Россию на две враждующие стороны и предательское сотрудничество с иноземными аггессорами и оккупантами — явления несопоставимые и несовместимые. Единственным исключением можно считать деятельность Русского корпуса в Югославии, сформированного из бойцов бывших белых армий и эмигрантской молодежи. Здесь уместно было бы говорить о продолжении Гражданской войны и определенной, хотя и не непосредственной, преемственности с традициями Белого движения. Но, в отличие от руководства КОНР и РОА, командование Русского корпуса не стремилось к определению тех или иных пунктов будущей внутренней и внешней политики Российского государства.

Сегодня всем следует помнить, что лишь часть русской эмиграции видела в генерале А.А. Власове продолжателя традиций Белого дела, что ни в какой степени не соответствовало действительности. Присутствие в рядах РОА

и КОНР отдельных участников Белого движения означает, по сути, лишь их личную позицию в годы Второй мировой войны, но никак не продолжение ими традиций Белого движения. Отношение русской военной эмиграции и шире — Русского зарубежья, к событиям войны было разным и далеко не ограничивается сторонниками сотрудничества с нацистской Германией.

Васильева О.Ю.

**«ОТЕЧЕСТВО ЗАЩИЩАЕТСЯ
ОРУЖИЕМ И ОБЩИМ НАРОДНЫМ ПОДВИГОМ»:
ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА И ВЕРУЮЩИХ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация. В статье рассказывается о деятельности Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны. Акцент делается на ее роли в патриотической мобилизации населения, сборе средств на военные нужды, а также подвигах священников как на фронте, так и в тылу.

Ключевые слова: Русская православная церковь, пожертвования, героизм, пропаганда.

Vasylyeva, O.

**“ARMS AND HEROISM ARE
THE MAIN DEFENDERS OF THE HOMELAND”:
PATRIOTIC ACTIVITIES OF ORTHODOX CLERGY
AND BELIEVERS IN THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Abstract: The article is devoted to activities of the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic war. The emphasis is made on the role in patriotic mobilization, raising funds for military needs, as well as heroism of priests both in the front and in the rear.

Key words: Russian orthodox church, donations, heroism, propaganda.

Русская православная церковь на протяжении своего тысячелетнего бытия переживала со своим народом все беды и тяготы. История России наполнена примерами живого и действенного патриотизма духовенства и верующих. Великая Отечественная война явилась новым этапом в истории Русской православной церкви, сплотившей в единстве весь советский народ. Патриотическое служение

духовенства и верующих явилось выражением естественного чувства принадлежности к Родине.

Все послевоенные годы о патриотической деятельности церкви и ее весомом материальном вкладе в дело победы старательно умалчивали. Официальная историография войны обходила этот вопрос в своих исследованиях.

Предстоятель Русской православной церкви знал, как сразу реагировать на нападение врага. Он знал это лучше И.В. Сталина, обратившегося по радио к народу только на 12 день войны, 3 июля. Митрополит Сергей (Страгородский) выступил с обращением «Пастырям и пасомым Христовой Православной церкви» 22 июня 1941 г. в Праздник Всех Святых земли Российской. Это обращение и послужило началом широкой патриотической деятельности всей Русской православной церкви: «Но не в первый раз приходится русскому народу выдерживать испытания. С Божью помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священной своем долге перед Родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамям же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти, и по вере.

Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить Отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства»¹.

Двадцать шестого июня 1941 г. Алексей (Симанский), митрополит Ленинградский, также обратился к своей пастве с архипастырским посланием, призвавшим к защите Родины. О значимости и результатах этих посланий можно судить по фактам отношения оккупационных властей к распространению пастырских обращений. В сентябре 1941 г. за чтение в храмах первого послания митрополита Сер-

¹ Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М., 1943. С. 4.

гия в Киеве были расстреляны архимандрит Александр (Вишняков) — настоятель Николо-Набережной церкви — и протоиерей Павел Остренский², в Симферополе за чтение расстреляны протоиерей Николай Швец, дьякон Александр Бондаренко, старец Викентий³.

Послания предстоятеля Церкви (а их за период войны было свыше 20) носили не только призывной и консолидирующий характер, но имели и разъяснительные цели. В них определялась твердая позиция Церкви по отношению к захватчикам и войне в целом, независимо от положения на фронте. Так, 4 октября 1941 г., когда Москва угрожала смертельная опасность и население переживало тревожные дни, митрополит Сергей выпустил Послание к московской пастве, призывая к спокойствию мирян и предупредая колеблющееся духовенство: «Ходят слухи, котормым не хотелось бы верить, будто есть и среди наших православных пастырей лица, готовые идти в услужение ко врагам нашей Родины и Церкви, — вместо святого креста осеяться языческой свастикой. Не хочется этому верить, но если бы вопреки всему нашлись такие пастыри, я им напомню, что Святой нашей Церкви, кроме слова увещания, вручен Господом и духовный меч, карающий нарушителей присяги»⁴.

В ноябре 1941 г., уже находясь в Ульяновске, митрополит Сергей издал новое обращение, укрепляющее в народе уверенность в близком часе победы: «Премудрый же и Всеблагий Вершитель судеб человеческих да увенчает наши усилия конечной победой и да ниспошлет успехи воинству русскому, залог нравственного и культурного преуспеяния человечества»⁵.

² Сообщения из епархий // Журнал Московской Патриархии. 1944. № 4. С. 26.

³ Там же. С. 16.

⁴ Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М., 1943. С. 7. На предыдущую страницу

⁵ Там же. С. 10.

Особое внимание в своих Посланиях уделял глава Церкви верующим на временно оккупированной территории. В январе 1942 г. в специальном обращении Патриарший Местоблюститель напомнил православным, чтобы они, находясь в плену у врага, не забывали, что они — русские, и сознательно или по недомыслию не оказали предателями своей Родины. Одновременно митрополит Сергей содействовал и организации партизанского движения. Так, в послании подчеркнул: «Пусть ваши местные партизаны будут и для вас не только примером и одобрением, но и предметом неустанныго пощения. Помните, что всякая услуга, оказанная партизану, есть заслуга пред Родиной и лишний шаг к вашему собственному освобождению от фашистского плена»⁶.

Послания Митрополита нарушали государственные закон, ибо тот запрещал любую деятельность Церкви за пределами стен храма и любое вмешательство в дела государства и нации. Тем не менее, все выпущенные Местоблюстителем обращения и послания откликнулись на все основные события в военной жизни сражающейся страны. Руководствуясь гражданскими чувствами, иерархи, священники и верующие не ограничивались только молебнами о даровании победы Красной армии, а с первых дней войны участвовали в оказании материальной помощи фронту и тылу. Уже в первые дни июля 1941 г. духовенство в Горьком и Харькове, а затем по всей стране организует сбор теплых вещей и подарков для бойцов Красной армии. В фонд обороны вносились деньги, золотые и серебряные вещи, облигации государственных займов.

Фактически легализовать сборы денег и вещей среди верующих (незаконные по Постановлению «О религиозных объединениях 1929 г.») митрополиту Сергию удалось лишь в 1943 г., после телеграммы Сталину от 5 января: «Сердечно приветствую Вас от имени Православной Русской Церкви. Молитвенно желаю в Новом году Вам здравия и успеха во всех ваших начинаниях на благо вверенной Вам родной страны. Нашим особым посланием пригласаю духовенство, верующих жертвовать на постройку колонны танков имени

⁶ Там же. С. 12.

Дмитрия Донского. Для начала Патриархия вносит 100 тысяч рублей, Елоховский кафедральный собор в Москве — 300 тысяч, настоятель собора Колчицкий Николай Федорович — 100 тысяч. Просим в Госбанке открыть специальный счет. Да завершится победой над темными силами фашизма общенародный подвиг, Вами возглавляемый.

Патриарший местоблюстител
Сергий, Митрополит Московский»⁷.

Сталин дал разрешение и выразил Церкви благодарность за ее деятельность от имени Красной армии: «Патриаршему местоблюстителю Сергию, Митрополиту Московскому.

Прошу передать православному духовенству и верующим мой привет и благодарность Красной армии за заботу о бронетанковых силах Красной армии. Указание об открытии специального счета в Госбанке дано.

И. Сталин»⁸.

С получением права на центральный банковский счет Церковь фактически стала юридическим лицом.

В конце 1944 г. каждая епархия прислала в Синод отчеты о своей деятельности по следующей форме (с 22 июня 1941 г. в суммарном выражении по состоянию на 1 июля 1944 г.):

1. Собрано духовенством и верующими на цели обороны (на постройку танков, самолетов и вообще в фонд обороны)
  - а) наличными деньгами
  - б) драгоценными предметами (золото, серебро, драгоценные камни)
  - в) продуктами и различными предметами
2. Собрано духовенством и верующими на подарки в армию
  - а) наличными деньгами
  - б) продуктами и теплыми вещами

⁷ Там же. С. 94.

⁸ Там же.

3. Собрано духовенством и верующими на оказание помощи больным и раненым, находящимся в госпиталях

- а) наличными деньгами
- б) различными предметами

4. Собрано духовенством и верующими на оказание помощи инвалидам Отечественной войны.

- а)
- б)

5. Собрано духовенством и верующими на оказание помощи детям и детским учреждениям

- а)
- б)

6. Собрано духовенством и верующими на оказание помощи семьям красных воинов

- а)
- б)

7. Собрано духовенством и верующими на другие патриотические цели, если таковые были

- а)
- б)

8. Итого собрано духовенством и верующими

- а) наличными деньгами
- б) натурой на сумму⁹

По предварительным подсчетам взносы общин Русской Православной Церкви составляли более 200 млн. рублей за отчетный период. К концу войны общий взнос Церкви в фонд обороны превысил 300 млн. рублей¹⁰.

Суммы денежных взносов в Фонд Обороны СССР по епархиям и областям с июня 1941 г. по июль 1944 г.¹¹

Л.	Епархии и области	Сумма денежного взноса, руб.
1.	Алтайский край	828957

⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее - ГА РФ). Ф. 6991. Оп. 2. Д. 16. Л. 2, 3.

¹⁰ Там же. Д. 4. Л. 36.

¹¹ Там же. Д. 16. Л. 10-34.

Л.	Епархии и области	Сумма денежного взноса, руб.
2.	Архангельская область	1097561
3.	Астраханская область	2191377
4.	Вологодская область	2423566
5.	Воронежская епархия	2882587
6.	Горьковская область	9234200
7.	День освобождения Донбасса (10 сентября) 1944 г. Снять пробелы священники Ворошиловградской области ознаменовали сбором денежных средств в Фонд Красной армии	
8.	Иркутская область (представлена Крестовоздвиженской церковью)	58800
9.	Калининская область	1227422
10.	Краснодарский край	4179086
11.	Красноярский край	4179086
12.	Кубанская епархия	2108775
13.	Куйбышевская область	2179500
14.	Саратовская область	2338776
15.	Свердловская епархия	4615389
16.	Ставропольский край	6130107
17.	Сумская епархия	965788

Были среди отчетных документов и такие:

«По имеющимся сведениям от 12.5.44 от епархиального епископа по Кемеровской области за истекший период никакой церковно-патриотической работы не проводилось. Уполномоченный Совета по делам русской Православной церкви при Кемеровском облисполкоме Ф.Узлов»¹². (Пассивности кемеровского духовенства в патриотической деятельности можно объяснить резким неприятием позиции митрополита Сергия, начало которому положила Декларация 1927 г., и малочисленностью храмов на обширной территории).

Среди этих документов будут особо выделяться отчеты Ленинградской епархии, выражавшей беспримерный гражданский подвиг верующих жителей блокадного города.

¹² Там же. Л. 36.

Ленинградские верующие откликнулись на призыв главы Церкви в числе первых. Начиная с 22 июня 1941 г. повседневной деятельностью священнослужителей стала забота о мобилизации верующих города на всемерное участие в общем деле защиты Родины.

В своем обращении от 26 июля 1941 г. к ленинградцам митрополит Алексий (Симанский) призвал с оружием в руках защищать Родину: «Война — священное дело для тех, кто предпринимает ее по необходимости, в защиту правды, Отечества. Берущие оружие в таком случае совершают подвиг правды и, приемля раны и страдания и полагая жизнь свою за однокровных, за Родину, идут вслед мучеников. Поэтому-то Церковь и благословляет эти подвиги и все, что творит каждый русский человек для защиты своего Отечества»¹³.

Тысячи верующих ушли в те грозные дни на фронт. Духовенство города не только утешало молитвами оставшихся прихожан, но и вселяло в них глубокую и непоколебимую веру в торжество правого дела. Паперги ленинградских церквей превращались подчас в настоящие политические трибуны. Священнослужители разоблачали с них античеловечность фашистской идеологии. Горячий отклик в сердцах верующих находили ежедневные молитвы и проповеди о победе русского оружия.

Но не одними молитвами и проповедями жила Церковь в первые месяцы войны.

Тревожные сводки с фронта стали дополняться живыми свидетельствами сражений, потоки раненых заполнили городские больницы, а затем и переоборудованные под госпитали школы и государственные учреждения. Забота о раненых стала делом всех жителей города. В городской совет Красного Креста поступали десятки заявлений от религиозной общечеловечности. Вот одно из них:

«В минуту трудно переживаемых обстоятельств военного времени долг каждого гражданина идти навстречу Отечеству, к облегчению разного рода затруднений. Этому

¹³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 33. Д. 58. Л. 7.

учит и религия наша. Исполняя завет Христа о любви к ближнему, представители верующих — двадцатка Князе-Владимирского собора выражает свое желание открыть в тылу лазарет для раненых и больных воинов. На оборудование и содержание лазарета двадцатка могла бы представить все имеющиеся у нас средства — свыше 700000 рублей. В дальнейшем, если материальные условия доходности собора не изменятся, двадцатка принимает на себя решение, отказавшись решительно от всех расходов, кроме самых неотложных по содержанию собора, ежемесячно субсидировать лазарет в сумме тридцать тысяч рублей.

Председатель двадцатки — Куракин И.»¹⁴.

Следует отметить, что сбор средств на нужды обороны с июля 1941 г. получил широкое распространение среди приходских общин города, тогда как всецерковный призыв «пожертвованиями содействовать нашим доблестным защитникам» глава Русской Православной Церкви митрополит Сергий огласил только 14 октября 1941 г.

По предложению митрополита Алексия десять приходов Ленинграда (три — при соборах Николо-Морском, Князе-Владимирском и Спасо-Преображенском и семь — при церквях: большеохтинской Никольской, Волковской и Серафимовской кладбищенских, коломяжской Дми-тровской, лесновской Троицкой, парголовской Спаса-Не-рукотворного и лисинской Князе-Владимирской) начали сбор пожертвований в Фонд обороны страны и советского Красного Креста с 23 июня 1941 г.¹⁵

Тревогами и лишениями наполнилась жизнь Ленинграда с сентября 1941 г. Но нет, пожалуй, необходимости писать о суровых испытаниях, постигших жителей города в самый трагический для его истории период — первый год блокады. В октябре 1941 г. было зарегистрировано 7,3 тыс. погибших от голода, в ноябре — 11 тысяч, в декабре — 52,8 тысячи¹⁶. Это известно каждому. «Город-морг» — так

¹⁴ Там же. Д. 79. Л. 1.

¹⁵ Там же. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 13. Л. 1, 3, 5.

¹⁶ Очерки истории ленинградской организации КПСС. Т. 2. Л., 1968. С. 389.

охарактеризовала Ленинград тех дней Лидия Чуковская. Да, угасали жизни — не угасал патриотический огонь в сердцах ленинградцев. Но не только в черте города они противостояли фашизму.

С октября 1941 г. по апрель 1942 г. в тылу противника действовала 2-я Ленинградская особая партизанская бригада разведотдела штаба Северо-Западного фронта. Ее глубокий и дерзкий рейд по тылам врага был первым на советско-германском фронте. В этом соединении вместе с коммунистами и комсомольцами сражались и верующие бойцы.

Понимая исключительно важное значение народного сопротивления в тылу немецких войск, митрополит Алексий обратился к партизанам и жителям оккупированных районов с призывом: «Продолжайте же, братья, подвизаться за веру, за свободу, за честь Родины; всеми мерами и мужчины, и женщины помогайте партизанам бороться против врагов, сами вступайте в ряды партизан, проявляйте себя как подлинно Божий, преданный своей Родине и своей вере народ!»¹⁷.

Через штаб партизанского движения, руководимого секретарем обкома ВКП(б) М.И.Никитиным, обращение митрополита в листовках было переправлено за линию фронта и распространено среди партизан и населения. Голос Церкви из блокадного города был услышан. О силе его воздействия свидетельствует письмо верующего бойца 2-й Ленинградской особой бригады А.Г.Голицына митрополиту Алексию:

«...Тебе пишу я и ставлю Вас в известность, что Ваш агит-листок, который Вы засылали в тыл врага к своим единовер-ным братьям, временно попавшим под немецкое рабство, его я, как партизан, до прихода в Ленинград хранил.

Ваш агитлисток сыграл немалую роль среди оккупиро-ванного населения в деле оказания помощи партизанам, а вместе с этим и борьбе против фашизма. Этот листок среди населения как Божье письмо, и за него немецкие коменданты в своих приказах грозили смертной казнью, у кого

он будет обнаружен. Быть может, Вас уже ставили в известность об этом. Но я так его хранил и им агитировал, доведу Вам, что он оказал немалую роль. Его Вам и шлю...

Желаю Вам дальнейших успехов в Вашей жизни и плодотворной работы во имя нашей Родины, во имя победы над фашизмом»¹⁸.

Непоколебимая стойкость и активизация патриотического движения церковных общин осажденного города привели к захватчикам в неистовую ярость. Иначе нельзя объяснить жестокую бомбардировку Ленинграда в пасхальную ночь 1942 г. Безоружным верующим в первую очередь предназначались снаряды и бомбы. В результате варварского обстрела серьезно пострадал Князе-Владимирский собор.

Израженный и голодный город неуклонно продолжал сборы средств в Фонд обороны. К середине второй блокадной зимы они составляли: по Князе-Владимирскому собору — 1 млн. 67 тыс. рублей, по Никольскому — 980 тыс. рублей, по Спасо-Преображенскому собору — 72 тыс. рублей. По церквям: Больше-Охтинской — 811 тыс. 211 рублей, Волкова кладбища — 155 тыс. 332 рубля, Коломяжской — 45 тыс. рублей, Серафимовского кладбища — 60 тыс. рублей¹⁹. На подарки бойцам ко дню Красной Армии 1943 г. верующие Ленинграда передали дополнительно еще 539 тыс. 200 рублей. К этому времени в госпитали города и войсковые лазареты от храмов поступило свыше 600 дефицитных по тем временам полотенец²⁰.

В общей сумме сбора средств на строительство колонны имени Дмитрия Донского (около 8 млн. рублей) более 25% приходится на долю верующих блокадного Ленинграда. После ликвидации блокады одной из главных задач своей деятельности Ленинградская епархия определила заботу о сиротах.

Из заявления митрополита Алексия и его сестры А. Погожевой от 1 мая 1944 г.: «Горячо принимая к сердцу участь

сирот воинов нашей доблестной Красной армии, я и сестра моя, Анна Владимировна Погожева, решили отдать принадежающую нам дачу на ст. Сиверская под детский дом для детей-сирот воинов Красной армии. Пусть в этом выразится наше сильное участие в великом деле попечения о семьях наших защитников, которые отдали жизнь свою за спасение Родины. Сообщая об этом, прошу Вас провести дело передачи через соответствующие государственные учреждения... Дача находится в исправности, причём крыша над ней в своё время была заменена железной крышей, верхнее помещение отделано под жилье. Комнат в даче — 7. Дача передается с нахожившимся в ней имуществом (ванна, кровати, шкафы и пр. мебели). Дача окружена забором — сплошным 2-х метровой вышины. При даче сад и обширный огород. На территории дачи имеется сарай. При даче колодец»²¹.

Близка и понятна была боль многострадающих детейских сердец ленинградским верующим. По примеру своего вдохновителя они первыми выступили с инициативой оказания помощи осиротевшим детям.

Возглавив Русскую Православную Церковь после смерти Патриарха Сергия, митрополит Алексий поддержал лютин ленинградских прихожан в общецерковном призыве. В письме к Сталину он писал: «Я нашёл благовременным призвать духовенство и верующих нашей Православной Церкви ознаменовать приближение победного конца войны всецерковным сбором щедрых пожертвований в фонд помощи детям и семьям бойцов Красной армии. Эта забота со стороны всех верующих нашего Союза о детях и семьях наших родных воинов и защитников да облегчит великий их подвиг, а нас да соединит ещё более тесными духовными узами с теми, кто не щадит и крови своей ради свободы и благоденствия нашей Родины. Для начала дела Патриархия вносит 1 млн. рублей»²².

Не принято, да и нельзя измерять деньгами степень гражданственности человеческой души. Но именно архив-

¹⁸ Там же. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.

¹⁹ Там же. Д. 4. Л. 9.

²⁰ Там же. Л. 9, 13.

²¹ Там же. Д. 13. Л. 19.

²² Сообщения из епархий // Журнал Московской Патриархии. 1944. № 10. С. 2.

ные материалы о денежных отчетах являются бесспорным свидетельством самоотверженности, горячей любви к Родине и борьбы за ее независимость верующих и духовенства многострадального города.

На 1 октября 1944 г. по епархии было собрано свыше 13 млн. рублей, в том числе на нужды обороны страны — 2 млн. 38 тыс. 507 рублей, на оказание помощи больным и раненым красноармейцам — 2 млн. 363 тыс. 719 рублей. Из них внесено: наличными деньгами — 12 млн. 635 тыс. 969 рублей, облигациями госуд. займов — 973 тыс. 950 рублей, драгоценными предметами на сумму 40 тыс. Собрано предметов вещевого имущества (полотенец, теплых вещей) общей стоимостью 8 тыс. рублей²³.

Самое активное участие в сборе денежных средств принимали священнослужители епархии. С июня 1941 г. по июнь 1944 г. в Фонд обороны страны и Красного Креста было внесено: П. Тарасовым — 44 тыс. рублей, Е. Монинским — 29 тыс. рублей, В. Румянцевым — 29 тыс. рублей, Н. Ломакиным — 17 тыс. рублей, а также золотое кольцо с бриллиантами и наперсный золотой крест на сумму 6 тыс. 160 рублей. Ф. Поляковым — 23 тыс. 200 рублей, М. Славницким — 17 тыс. 375 рублей, А. Смирновым — 21 тыс. рублей, В. Владимировым — 10 тыс. рублей, П. Масловым — 8 тыс. рублей²⁴.

Несомненно, что сборы средств в Фонд обороны, на подарки Советской армии, на помощь сиротам, инвалидам, семьям погибших составляли основную часть деятельности Русской Православной Церкви в годы войны. Но была еще одна важнейшая форма деятельности — молебны о победе русского воинства. Такой молебен впервые отслужил сам Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей 26 июня 1941 г. в Богоявленском соборе в Москве. К Богу обращена была молитва: «На морских кораблях иногда подается зычная команда: "Все наверх!" Это значит — кораблю угрожает морская стихия, управление кораблем требует совместной работы всех, кто находится на нем.

²³ Там же. С. 16.

²⁴ ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 4. Л. 45.

И вот по этой команде все выбегают на верхнюю палубу, каждый к своему месту, и там спешат делать, что от каждого требуется, пока не пройдет жгучий момент, и корабль будет по-прежнему спокойно и уверенно продолжать свое плавание.

Нечто подобное, только в неизмеримо большей степени, переживаем и мы сейчас. Мрачная и дикая стихия угрожает стране. Родина наша в опасности, и она созывает нас: все в ряды, все на защиту родной земли, ее исторических святынь, ее независимости от чужестранного порабощения»²⁵.

Все в этой речи стало определяющим. Владыке было ясно, что только все мы вместе сможем одолеть врага, участвуя в войне на фронтах, в тылу, на оккупированной территории. В войне должны были участвовать все духовные силы народные, весь духовный опыт его. А российское воинство, как и прежде, должно было выполнить свой священный долг.

Одним из величайших молитвенников в военные годы был иеросхимонах Серафим Вырицкий. Когда немцы вошли в город, старец успокаивал многих растерявшихся, говоря, что ни одного жилого дома не будет разрушено. (В Вырице действительно были разрушены только вокзал, сберкасса и мост). Тысячу дней стоял он на молитве о спасении страны и народа России.

Отец Серафим взял особый подвиг поста: съедал в день одну просфору, немного тертой моркови ипил святую воду. Он возносил постоянную молитву не только в своей келье, но и в саду на камне перед устроенной на сосне иконой преп. Серафима Саровского, кормящего дикого медведя. Этот уголок старец называл «Саров». В 1942 г. о. Серафим писал о своих бдениях:

«И в радости, и в горе, монах, старец больной
Идет к святой иконе в саду, в тиши ночной.
Чтоб Богу помолиться за мир и всех людей
И старцу поклониться о Родине своей.
Молись Благой Царице, Великий Серафим,

²⁵ Молебен о победе русского воинства // Наука и религия. 1995. № 5. С. 1.

Она Христа десница, помощница больным.
Заступница убогим, одежда для нагих,
В скорбях великих многих спасет рабов своих...
В грехах мы погибаем, от Бога отступив,
И Бога оскорбляем в деяниях своих»²⁶.

Есть сведения и о том, что его как особо святого старца чтили и немцы. Отдельные офицеры даже приходили к нему. Старец увидел победу, которую он приближал своими молитвами. Не прекращал о. Серафим принимать людей и после войны. Их стало еще больше. В основном это были родственники пропавших без вести воинов...

Молитвенником был и сам Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский). По воспоминаниям его келейника архимандрита Иоанна (Разумова), особенно горячо Владыка молился о победе русского воинства в дни решающих боев за Сталинград. Неожиданный недуг заставил его тогда слечь в постель. В ночь на 2 февраля 1943 г., пересилив болезнь, он поднялся с помощью келейника с постели, с трудом положил три поклона, воссылая благодарение Богу. Когда о. Иоанн помогал ему лечь в постель, митрополит Сергей сказал: «Господь воинств, сильный в брани, низложил восставших против нас. Да благословит Господь людей своих миром! Может быть, это начало будет счастливым концом»²⁷. Утром радио передало сообщение о разгроме немецких войск под Сталинградом.

Как известно, в Красной армии не было полковых священников, но были священники, надевшие гимнастерку и шинель и взявшие в руки оружие. И остались воспоминания священнослужителей и мирян о войне, о своем отношении к ней, об участии в боевых действиях. Они бесценны не только как источник, но и как доказательство нравственного отношения православного человека к войне, выполнявшего свое ратное дело незаметно, кропотливо, с одним желанием — приблизить день освобождения Родины. Из воспоминаний отца Бориса Васильева:

²⁶ *Васильева О. Ю.* Молитвенники земли русской // Наука и религия. 1995. № 5. С. 13.

²⁷ Там же.

«У меня отец был священником, дед и прадед были священниками. Четыре класса окончил сельской школы. Пошел служить псаломщиком...

В 1938 г. был рукоположен в сан диакона... Перед самой войной служил диаконом в Костромском кафедральном соборе. Оттуда меня и взяли в армию. Призвали, когда началась Великая Отечественная война. Увезли сразу на окопы. Подходит ко мне офицер, видит, я человек грамотный, спрашивает: "Вы где учились?" — "Я окончил четвертый класс". — "Не может быть! А дальше?" — "Я — диакон". — "Все ясно. Вы служили у священноначалия. Принимайте все бригады под ваше руководство".

Два дня я руководил всеми бригадами. Потом приезжает генерал. Просит показать диакона. Он подводит ко мне. Генерал Шеволгин спрашивает: "Вы согласны ехать в офицерское училище?" Я: "Согласен". Меня отправили в училище в Великий Устюг. Там я проучился шесть месяцев. Всем присвоили звание младшего лейтенанта. Мне присвоили звание лейтенанта, потому что я очень хорошо знал все, наизусть. Окончив училище, я сразу попал под Сталинград, командиром взвода разведчиков...

Немцы шли в бой — у них у всех было написано по-немецки: "С нами Бог". Немцы давили танками женщин, стариков, детей.

На гусеницах были волосы, кровь, мясо. Но мы-то шли со знаменами — там была красная звезда. Но была еще иконка в кармане и крест. У меня до сих пор хранится "Святитель Николай", пробитый пулей».

После Сталинграда о. Борис Васильев становится заместителем начальника полковой разведки. Участвует в разработке и осуществлении операций на Северном Донце и юге Украины.

«...Нас выбросили на самолете в 18 км от Запорожья, чтобы узнать, где находится штаб руководства обороны противника. Мы два дня наблюдали за действием этого штаба. Двое из нас вернулись. А Смирницкий, тоже сын священника, был хороший человек, в разведке был отчаянный, моряк-штрафник — погиб там. Я сам видел своими глазами: немцы его распяли на сарае. Прибили руки

гвоздями. Ничего нельзя было сделать. Я сидел в колодце в сорока метрах...».

Это было 16 августа, а 17-го уже пошел (в наступление) фронт: «Разведоперация под Запорожьем стала последней для о. Бориса Васильева: он, уже в новом звании капитана, был отправлен в тыл на лечение, а затем его оставили в Саратове готовить кадры»⁸.

Нельзя без волнения слушать воспоминания прогоне-рея Бориса Пономарева, призванного на фронт 23 июня 1941 г.: «На второй день войны я был призван на защиту нашей Родины. Причастился в Николо-Кузнецком храме и на другой день был направлен на Ленинградский фронт... У меня не было родителей, меня благословила бабушка 92 лет, дальняя родственница, и сказала: "Ты будешь жив, любви и защитой Родину..."».

В самое тяжелое время блокады Ленинграда я получил от нее письмо: "Дорогой Боря, как вам приходится переживать, но мы молимся и надеемся на милость Божию. Бог милостив, а враг будет изгнан. Вчера у нас во дворе упала бомба, стекла все выбиты. Мы также переносим тяжесть войны. Я часто бываю в храме и молюсь за воинов и шлю тебе материнское благословение".

Меня спрашивают, какое ваше самое сильное впечатление от войны?

В самое тяжелое время блокады Ленинграда... недалеко от входа (на кладбище) мы увидели девочку лет тринадцати, склонившуюся и стоящую на одном колене. На ней была шапка-ушанка, и вся она была немного занесена снегом, а сзади на санках был труп женщины, умершей от голода, — видимо, мать девочки, которую она не успела похоронить (и замерзла сама). Эта страшная картина потрясла меня на всю жизнь...

В первые дни войны я видел сон — большое изображение иконы Покрова Божией Матери. После этого у меня появилась уверенность в том, что нас защищает Царица Небесная.

Мальчиком восьми лет я прислуживал в храме Покрова Божией Матери, а когда (после войны) принял сан священства, то был назначен священником в храм Покрова Божией Матери в село Карасево Коломенского района. Через два года я был переведен митрополитом Николаем в другой храм. Для меня была большая радость: храм опять был во имя Покрова Божией Матери в селе Хомутово Щелковского района. Я всю жизнь ощущаю заступление Божией Матери...

В 1942 г. в Ленинграде (после госпитала) у меня была возможность побывать в Никольском соборе. В храме в это время читали часы и находились истощенные голодом люди... Я спросил: "Когда совершает богослужение митрополит Алексей?" Мне ответили, что владыка находится в алтаре...

Митрополит Алексей очень милостиво благословил меня и спросил: "Вы, наверное, прислуживали в храме?" Я сказал, что да, и сказал где. Владыка заметил, что хорошо помнит служившего там владыку и его мать. Я дерзнул предложить митрополиту Алексею свою порцию хлеба, а он ответил: "И вам также трудно переносить блокаду и голод. Если можете, передайте матушке-алтарнице".

Владыка меня спросил, когда война кончится, буду ли я служить при храме. Я ответил: "Владыка, у меня призвание детства не оставлять храм".

Я положил земной поклон перед престолом, и владыка меня благословил и дал служебную просфору, очень маленькую, размером с пуговицу.

После снятия блокады у меня бывали увольнительные, и в будничные дни мне доводилось читать в Никольском соборе часы... В первый день Пасхи верующие приносили освящать маленькие кусочки хлеба вместо куличей. Какое было утешение для всех ленинградцев, что в храмах освященного города ежедневно совершалось богослужение»²⁹.

Сколько священнослужителей было на фронтах Великой Отечественной? Сколько погибло? Нет этих цифр.

²⁹ Пономарев Б. Под Покровом Божией Матери // Наука и религия. 1995. № 5. С. 5.

²⁸ Васильев Б. Святынь Николай, пробитый пулей // Наука и религия. 1995. № 5. С. 4.

Никто в свое время не вел такого учета. Да и многие иереи к началу 1940-х гг. попросту остались без прихода, без паствы... Без наперсного креста, без рясы ходили они в атаки... Среди священнослужителей есть кавалер солдатских орденов Славы всех трех степеней. Это заштатный диакон храма в с. Бровары Борис Крамаренко.

Орденом Славы 3-й степени и медалью «За победу над Германией» награжден протоиерей Стефан Козлов, он служил пулеметчиком с момента призыва — июля 1944 г. В последние годы своего служения он был клириком храма во имя Святого Благоверного князя А. Невского в С.-Петербурге.

Сержант Коноплев, будущий митрополит Калининский и Кашинский Алексий (до войны он был священником), призван в армию в октябре 1941 г. Служил пулеметчиком. Когда в 1943 г. вернулся к священнослужению, на груди его была медаль «За боевые заслуги». Награжден он грамотой маршала Советского Союза И. А. Говорова.

Памяти и уважения поколений заслуживает рагный подвиг женщин-христианок (монахинь). Военным врачом с 3-м Украинским фронтом по дорогам Болгарии, Венгрии, Румынии прошла монахиня Серафима (Зубарева). Награждена медалью «За победу над Германией». Медестрой участвовала в боях на Ростовском и Харьковском направлениях монахиня Антония (Жертовская). Награждена медалью «За боевые заслуги». Игуменья Анатолия (Букач) в военное лихолетье была настоятельницей Одесского Михайловского монастыря. Вместе с сестрами активно помогала Красной армии продовольствием, медикаментами, теплыми вещами. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

На оккупированной территории священники являлись подчас единственным связующим звеном между партизанами и местными жителями и получили славное прозвание «партизанских попов». Медалью «Партизану Отечественной войны» была отмечена деятельность священника-партизана из села Бродовичи-Заполье на Псковщине о. Федора Пузанова. Во время карательной операции по доносу старосты немцы сожгли сельский храм. Отца Федора спрятали

местные жители и затем переправили его к партизанам. В течение 1943 г. о. Федор Пузанов собирал между прихожанами средства на строительство колонны имени Дмитрия Донского. В фонд обороны были сданы деньги, куски золотых окладов и риз, кадила и подсвечники из сожженного храма. После освобождения Псковщины в 1944 г. о. Федор Пузанов был вызван митрополитом Алексием, который отметил заслуги священника перед Родиной крестом.

«Партизанским попом» был и о. Василий Копычко, настоятель Одржинской Успенской церкви Ивановского района на Пинщине. Сначала войны о. Василий совершал богослужения ночью, без освещения, чтобы не быть замеченным немцами. Пастырь знакомил прихожан со сводками Информбюро, с посланиями митрополита Сергия. Позже о. Василий стал партизанским связным (он был им до начала 1943 г., после того, как фашисты сожгли храм и дом настоятеля, узнав о связях с партизанами. Семью священника и его самого удалось переправить в партизанский отряд). Его патриотическая деятельность была отмечена медалями «Партизану Великой Отечественной войны», «За победу над Германией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Полесский священник протоиерей Александр Романушко участвовал в боевых операциях, ходил в разведку с партизанами. Однажды он пошел даже на такой смелый шаг. «Летом 1943 г. родственники убитого партизанами полицая попросили о. Александра отпеть покойного. На кладбище пришло много народа, была выставлена и полицейская вооруженная охрана. Все приготовились слушать отпевание. О. Александр, надев на себя епитрахиль и ризу, отошел в сторону и глубоко задумался. А потом совершенно неожиданно начал: "Братья и сестры! Я понимаю большое горе матери и отца убитого, но не наших молитв и "Святыми упокой" заслужил своей жизнью во гробе предлежащий. Он — изменник Родины и убийца невинных детей и стариков. Вместо "Вечной памяти" произнесем же "Анафема"».

Люди стояли как громом пораженные. А о. Александр, подойдя к полицаям, продолжал: "К вам, заблудшим, моя

последняя просьба: икупите перед Богом и людьми свою вину и обратите свое оружие против тех, кто уничтожает наш народ, кто в могилы закапывает живых людей, а в Божьих храмах заживо сжигает верующих и священников».

Эти простые слова пронзили сердца людей. Они говорили: «Если священники взялись за оружие, так и нам Бог велит идти в партизаны». И в самом деле, в тот день прямо с кладбища в партизанский отряд пришло пополнение»³⁰.

С партизанами о. Александр сотрудничал по июль 1944 г. (до момента освобождения Белоруссии. А потом стал временно Управляющим Полесской епархией. В своем отчете на имя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Алексия в конце 1944 г. он сообщал, что число священников, преданных Патриархии, уменьшилось на 55% в связи с расстрелом многих из них немцами за содействие партизанам). О бесстрашии «партизанского попа» Александра Романушко помнят в Полесской земле и поныне...

В многострадальной Белоруссии в Отечественную войну погиб каждый четвертый. Самые крупные карательные операции против партизан немцы предприняли в феврале 1943 г. в Пинской области — центре партизанских соединений: семьдесят сел и деревень было сожжено, а в них — четырнадцать православных церквей. Гибло мирное население: женщины, старики, дети. Штаб партизанского командования принял решение о выходе из немецкого кольца без боя, взяв с собой большую часть местных жителей.

Одним из тех, кто остался с большими, калеками, стариками был о. Иоанн Бойко. Он являлся настоятелем церкви во имя Покрова Богоматери в селе Хоростово, ныне Сторобинского района, Минской области. Ночью на 15 февраля, перед Сретением Господним, оставшиеся в селе слышали пулеметные очереди, одиночные выстрелы, разноцветные вспышки ракет. Никто не знал, что ждет их...: «Богослужение началось, как принято здесь, около шести часов утра. Через некоторое время послышались близкие

выстрелы. Всем стало понятно, что немцы окружили село. После утрени началась исповедь. А народ все шел и шел. О. Иоанну передали, что фашисты приказывают всему населению деревья идти в церковь на молитву... Вскоре храм был переполнен, но из храма никого не выпускали. Почувствовав недоброе, о. Иоанн в кратком слове призвал всех присутствующих усердно помолиться и всем причаститься Святых Тайн. Во время народного пения «Верую» в храм ворвались вооруженные фашисты и стали силой выводить из церкви женщин... О. Иоанн обратился с просьбой к офицеру дать возможность окончить богослужение.

В это время здоровенный фашист, выталкивающий с клироса молодых певчих, сзади схватил о. Иоанна и бросил его на царские врата. Они открылись, и священник упал перед Божиим престолом...

Стоящие вокруг видели, как в двери храма вбивались гвозди, а к погосту подъезжало несколько саней, груженных соломой...

Из показаний местных полицейских, принимавших участие в этой расправе и судимых военным трибуналом Белорусского округа после войны, известно, что из объятий пламенем церкви они слышали всенародное пение молитв: «Тело Христово приимите, источника бессмертного вкуса...»

В подпольной газете «Полесская правда» за 1943 г. рассказывается: «Более 300 обугленных трупов зарыто в сожженном селе Хоростово. В одной из могил заживо сожженный немцами хоростовский священник И.С.Бойко, крестьянка Анастасия Корж вместе с тремя малыми детьми, из которых один грудной. Там же похоронена семья Константина Козловского из пяти душ, 90-летний дед Данилевич, 80-летний Степан Коржи и много других невинных стариков, женщин и детей...

Много таких могил в Белоруссии»³¹.

Отец Иоанн по долгу пастырской совести разделил до конца со своими пасомыми их земной путь. Свой вклад в

³⁰ Якунин В. Партизанский акафист // Наука и религия. 1995. № 5. С. 6.

³¹ Раина П. Материалы из книги «Священники в годы войны» // Наука и религия. 1995. № 5. С. 7.

дело победы вносили и монашеские. (В канун войны на территории РСФСР не осталось ни одного действующего монастыря, лишь в присоединенных областях Молдавии, Украины, Белоруссии их насчитывалось 46). В годы оккупации на временно занятой врагом территории возобновили свою деятельность 29 православных обителей.

Так, например, Курский Свято-Троицкий женский монастырь начал действовать в марте 1942 г. Только за несколько месяцев 1944 г. монахини сдали в Фонд обороны 70 тыс. рублей, Днепропетровский Тихвинский женский монастырь — 50 тыс., Одесский Михайловский женский монастырь — 100 тыс., Киево-Печерская Лавра — 30 тыс. рублей³².

Самым крупным из открытых в период оккупации был Киево-Покровский женский монастырь. После освобождения города здесь был организован большой госпиталь, в котором монахини помогали ухаживать за ранеными.

За 1944 г. эта обитель внесла в Фонд обороны страны более 70 тыс. рублей. Монахини помогали Красной армии не только пожертвованиями, но и сбором теплых вещей и полотенец, так нужных в госпиталях и медсанбазах. Инокини Одесского Михайловского монастыря вместе со своей настоятельницей игуменьей Анатолией (Букач) собрали и передали военным медикам значительное количество лекарственных препаратов.

А в далеком закарпатском женском монастыре в Домбоке (неподалеку от Мукачева) жили 215 детей, спасенные инокинями из горящего эшелона, направляющегося в Германию в мае 1944 г. Пять месяцев до прихода Красной армии прятали монахини детей. И спасли всех. А после войны монастырям, особенно молдавским и украинским, надлежало согласно секретному Постановлению Совета Министров СССР № 1130-463с «О православных монастырях» от 2 августа 1945 г. наряду с колхозами кормить лежащую в руинах страну. Их приравняли к подсобным и пригородным хозяйствам государственных и кооперативных предприятий и учреждений, определив строгие нормы

государственных поставок продуктов животноводства. Ис этой задачей они справились, сдавая молоко и мясо до 1957 г. включительно.

И мало кто знает, что для малочисленных монастырей с монашескими среднего возраста выполнение поставок становилось труднее год от года... Русская Православная Церковь, несмотря на все испытания, пережитые русским народом в предвоенные десятилетия, сумела сохранить в нем веру и любовь к родной культуре и готовность защищать свою Родину даже ценой собственной жизни.

³² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 18. Л. 1-116.

Орлов И.Б.

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ 1941—1945 ГГ.: ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Аннотация. Исходя из признания принципа многозначности института пропаганды, можно утверждать, что советская пропаганда во время Великой Отечественной войны, несмотря на ее основную мобилизационную направленность, выполняла множество функций и транслировала разные идеологические установки. Прежде всего, речь идет о соотношении в пропагандистских документах военной поры патриотической и интернациональной составляющих, а также о формировании на базе этих, на первый взгляд, несовместимых идеологических конструкций, концепции «советского патриотизма». Начало этого идеологического поворота совпало по времени с выходом Красной армии на границы СССР, а сам процесс вытеснения «традиционного» патриотизма патриотизмом «советским» растянулся до начала 1946 года.

Ключевые слова: идеология; пропаганда; мобилизация; патриотизм; интернационализм

Orlov I.

PATRIOTIC DISCOURSE IN SOVIET PROPAGANDA 1941—1945: A HISTORICAL TRADITION AND SOVIET IDEOLOGY

Abstract: Based on the recognition of the principle of polysemy of the propaganda institute, it can be argued that Soviet propaganda during the Great Patriotic War, despite its main thrust mobilization, carried out a variety of functions and interpret different ideological orientations. First of all, we are talking about interrelations of wartime patriotic and international components, as well as the formation of

the «soviet patriotism» concept on the basis of these, at first glance, incompatible ideological constructs. The beginning of this ideological turn coincided with the release of the Red army on the Soviet border, while the process of ousting the «traditional» patriotism by «soviet» one lasted until the beginning of 1946.

Key words: ideology; propaganda; mobilization; patriotism; internationalism

Исследовательская гипотеза данного исследования состоит в том, что выход Красной армии на границы СССР стал главной причиной идеологического поворота в пропаганде патриотизма, который завершился весной 1946 года. В свою очередь, окончательное оформление концепции «советского патриотизма», ставшего синтезом патриотических и интернационалистских конструкций, совпало по времени с началом «холодной войны».

Источниковую базу исследования советской пропаганды на завершающем этапе Великой Отечественной войны составили документы двух федеральных архивов — Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Имеющие внутреннюю иерархию материалы Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б),¹ Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС) при Совете министров СССР,² Совинформбюро,³ Радиокомитета,⁴ Политиздата,⁵ Высшей партийной школы при ЦК ВКП (б),⁶ Всесоюзного лекционного бюро при

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. ЦК КПСС. Оп. 125.

² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 4459. Оп. 14. Редакция центральной и московской информационной; Оп. 15. Редакция союзной информации; Оп. 21. Редакция фронтальной информации и др.

³ ГА РФ. Ф. 8581.

⁴ ГА РФ. Ф. 6903.

⁵ РГАСПИ. Ф. 623.

⁶ РГАСПИ. Ф. 612.

Министерстве высшего образования СССР,⁷ Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР,⁸ Славянского, Женского и Еврейского Антифашистских комитетов,⁹ Осоавиахима, личных фондов А.А. Жданова, В.М. Молотова, П.Н. Поспелова, А.С. Щербакова¹⁰ и другие архивные документы позволяют реконструировать трансформацию пропагандистской работы в армии и в тылу на протяжении всего периода 1941–1945 гг.

Впрочем, содержанием данной статьи служат результаты анализа пропагандистского поворота на завершающем этапе войны, связанного с формированием нового идеологического конструкта в виде «советского патриотизма». При этом автор не сомневается в том, что новый концепт тесно увязан с патриотической проблематикой вообще, новое рождение которой связано с нападением фашистской Германии.

Именно патриотическое воспитание стало стержнем пропагандистских кампаний военной поры. Не удивительно, что патриотизм превратился в краеугольный камень государственной идеологии. Ведь почти две трети истории нашего народа представляет собой борьбу за свою независимость. Кроме того, формирование патриотической идеи с самого начала было связано с выполнением воинского долга. Активное обращение к традиционным национальным ценностям с началом Великой Отечественной войны соединилось с вопросом выживания не только советской власти и коммунистического режима, но и народа как такового. Именно этим было обусловлено обращение коммунистической власти к авторитету Русской православной церкви и воспронзведение в пропаганде образов национальных героев — Александра Невского и Дмитрия Донского, Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова, Федора Ушакова и др.¹¹ На параде 7 ноября 1941

⁷ ГА РФ. Ф. 9548.

⁸ ГА РФ. Ф. 9548.

⁹ ГА РФ. Ф. 6646, Ф. 7928, Ф. 8114. Выворачивать

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 77, Ф. 82, Ф. 88, Ф. 629.

¹¹ Великий подвиг: К 55-летию Победы: Тезисы докладов Всероссийской молодежной научно-практической конференции 26–27 апреля 2000 г. Омск, 2000. С. 35–36.

г., напутствуя отправляющиеся на фронт части, И.В. Сталин пожелал, чтобы в войне всех вдохновлял «мужественный образ наших великих предшественников — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова». После сталинской речи появились плакаты с такими стихами:

«Стой! Прочти рассказ о том,

как боролась Русь с врагом,

И как ныне дело спорится —

наш народ с фашистом борется!».

Помимо эксплуатации этих образов в советских средствах массовой информации¹² в годы войны были учреждены орден в честь почти всех перечисленных вождем исторических персонажей. Их именами называли боевые части и бронепоезда,¹³ о них снимали художественные фильмы.¹⁴ По радио транслировали передачи типа «Суворовские послышцы». Были изданы биографии великих русских полководцев, переиздана большим тиражом «Науки побеждать» А.В. Суворова и т.д.

В рекомендациях Агитпропа ЦК партии, опубликованных еще в июле 1941 г., важное место отводилось докладам, лекциям и беседам о героическом прошлом страны. В начале сентября 1942 г., в канун 130-летия Бородинской битвы, Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) выступило с инициативой отметить эту дату в печати: «показать патриотизм, мужество и стойкость русских людей в Отечественной войне 1812 года». При этом предлагалось отдельно отметить, что Бородино стало началом разгрома «непобедимой» армии Наполеона и крушения «наполео-

¹² Характерный пример — появление заметок типа «Потомок суворовского офицера» о старшем лейтенанте Григорьеве, чей прадед был суворовским солдатом (ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 21. Д. 13. Л. 230).

¹³ К примеру, пресса в 1944 г. широко освещала боевой путь бронепоездов «Козьма Минин» и «Илья Муромец» (ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 21. Д. 34. Л. 45–47).

¹⁴ В 1941 г. режиссер Всеволод Пуловкин снял фильм национально-патриотической тематики «Суворов».

новских планов мирового господства». ¹⁵ Аналогии с современной войной, видимо, должны были выстраиваться самими читателями.

При этом пик патриотической пропаганды пришелся на 1943 г. Так, в начале года «коренного перелома» Главное политическое управление РККА направило в действующую армию директиву о воспитании патриотизма на примерах героического прошлого русского народа. Корреспонденты Телеграфного агентства Советского Союза с осени 1943 г. (в связи с битвой за Смоленск) проводили прямые аналогии с событиями «Грозы 1812-го года». ¹⁶ Пропагандистская инерция зимы — весны 1944 г. демонстрировала верность старым патриотическим образцам с упором на вездущий вклад в строительство Российского государства именно русского народа. Так, в проекте доклада «Под знаменем Ленина - Сталина советский народ идет к победе», направленном в январе 1944 г. А.С. Щербаковым Л.П. Берии внимание акцентировалось на том, что «великий русский народ, как старший брат в семье народов Советского Союза, сплотил вокруг себя все народы нашей Родины». ¹⁷ Даже в конце октября 1944 г. на совещании в Политиздате было решено освещать партизанскую тематику путем прямых исторических параллелей с Отечественной войной 1812 г. ¹⁸ В многочисленных изданиях политических управлений фронтов и флотов специально выделялся раздел об этике поведения русского офицера. ¹⁹

В силу того, что основной упор в военной пропаганде делался на печатную продукцию, к пропагандистской работе, прежде всего, в качестве военных корреспондентов, была привлечена почти тысяча советских литераторов. Это делает актуальным и перспективным изучение пропагандистского дискурса военных лет и, в частности, его патриотической

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 105. Л. 36.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 21. Д. 21. Л. 45. Выровнять

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 241. Л. 22-29.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 125. Л. 5-5 об.

¹⁹ См. напр.: О воспитании морского офицера: Сб. статей. М.; Л., 1944. 77 с.

составляющей. К примеру, среди приемов пропагандистского воздействия наибольшее распространение в годы войны получили «родительские» символы типа «Родина-мать». Но дискурс-анализ пропагандистских документов 1941–1945 гг. позволяет не только выявить основные патриотические символы, но и проследить, как уже указывалось, их качественную трансформацию. Например, заголовки вестников редакции фронтовой информации ТАСС в 1944 г. демонстрируют снижение удельного веса публикаций, связанных с историческими примерами патриотизма. ²⁰ СМИ все больше ориентируются на примеры героизма в годы Гражданской и Великой Отечественной войн.

Как уже отмечалось, *изменения в соотношении патриотического и интернационального компонентов советской военной пропаганды совпали с выходом Красной армии на границы Советского Союза*. Но явно они проявились только к осени 1944 г. Например, на совещании в Политиздате 30 октября центральной стала тема Красной армии как освободительницы «всех свободолюбивых народов» и «борце за демократию». ²¹ Хотя цензура в этом же году не пропускала прямые указания на то, что в войне «мы боремся не только за свое освобождение, а осуществляем великую освободительную миссию по отношению ко всем народам». ²² Возможно, столь осторожная позиция цензоров объясняется распространением на местах своеобразным пониманием демократизации Европы как процесса установления в европейских государствах Советской власти и присоединения их к «стране победившего социализма».

Поворотной точкой в закреплении и, соответственно, масштабном использовании нового концепта («горячий и животворный советский патриотизм») стала речь И.В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1944 г.: «В со-

²⁰ Для анализа использованы материалы ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 21. Д. 24-33.

²¹ РГАСПИ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 125. Л. 5-5 об.

²² ГА РФ Ф. 9425. Оп. 1. Д. 287. Л. 3 об. 5 об. Выровнять

ветском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза».²³ Но, конечно, само понятие «советского патриотизма» не было чем-то новым для советских идеологов. Первые признаки «пропагандистского поворота» наблюдались уже в начале 1944 г. Так, в отчете о работе отдела военной цензуры Генштаба РККА за декабрь 1943 г. указывалось на политическую ошибочность статьи «Беспримерный подвиг народа», опубликованной 15 ноября 1943 г. в № 272 газеты 23-й армии «Знамя победы». Цензор обратил внимание на то, что в статье, рассказывающей об источниках силы Советского Союза, ничего не говорилось «о руководящей и организующей роли партии в борьбе советского народа с немецко-фашистскими захватчиками».²⁴

План статей отдела пропаганды газеты «Правда» на первые два месяца года, помимо материалов о доблести советского народа и героизме красноармейцев, содержал статью главного редактора главной партийной газеты П.Н. Поспелова о советском патриотизме.²⁵ Рекомендованная тематика докладов и лекций МОПР на апрель 1944 г. прямо нацеливала местные организации на «воспитание советского патриотизма». В этом контексте напоминалось о значении революционных традиций и примеров героизма из истории партии, жизни вождей и опыта РККА.²⁶

Тем не менее, именно сталинская речь активизировала процесс оформления нового пропагандистского конструкта. 23 февраля 1945 г. на конференции работников «Правды» Д.О. Заславский, опираясь на сталинскую трактовку советского патриотизма как «высшую форму патриотизма», представляет новый идеологический и пропагандистский

²³ Сталин И.В. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1944 года. Сочинения. Т. 15. М., 1997. С. 197-198.

²⁴ ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 291. Л. 7-9.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 82. Л. 16, 17-20.

²⁶ ГА РФ. Ф. 8265. Оп. 1. Д. 168. Л. 113. Выровнять

конструкт как синтез традиционного патриотизма с интернационализмом. В формуле «советского патриотизма» к любви к родным местам и народу известных партийный публицист добавляет «политическую любовь» к своему государству и общественному строю. У него патриотизм становится идеологией только трудящихся классов, а советский патриотизм выступает проявлением «коммунизма, проповедуемого нашей партией». Этот новый патриотизм «вступает на новую почву» в связи с выходом советского человека в Европу. Идеи «прогрессивного патриотизма» развивает в своем выступлении на конференции писатель Владимир Кожевников. В частности, он обрушивается с критикой на повесть Константина Симонова «Дни и ночи», где «ни у одного солдата не найдете ни одного впечатления, связанного с ... исторической битвой» за «первое в мире социалистическое государство, которое обрел наш народ в 1917 году», а все отнесено к прошлому.²⁷

Документы свидетельствуют, что *пропагандистский поворот на завершающем этапе войны был также связан с актуализацией долговременной, социализирующей функции пропаганды*. Уже с начала 1944 г. в центральной печати развернулась кампания критики «увлечения» примерами далекого прошлого.²⁸ Если до 1944 г. мужество и героизм солдат и офицеров на фронте были достаточным доказательством их «советскости», то затем на первый план выдвинулись вопросы марксистско-ленинской пропаганды.²⁹ В высших партийных эшелонах, не отказываясь от мобилизационной функции пропаганды и агитации, задумывались о перестройке пропагандистской работы после Победы с учетом военного опыта. Показательно, что в военные годы в партийной и комсомольской среде периодически актуализировалось изучение наследия классиков марксизма-ленинизма

²⁷ РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 83. Л. 3, 5, 9, 11, 17, 18-19, 25-28, 30-32, 52-55.

²⁸ Козлов Н.Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). СПб., 1995. С. 52-54.

²⁹ Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941-1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. London; New York, 1991. P. 69.

и трудов И.В. Сталина. Эта тенденция проявилась и в издательской политике 1944–1945 гг.

Характерно, что исторические дискуссии лета 1944 г. сосредоточились, в числе прочего, на критике попыток использования «прогрессивно-исторических, народных традиций» в «духе буржуазного национализма». Например, академик И.И. Минц выступил против вредной, с его точки зрения, тенденции поднимать «на щит все, что можно избразить борцом против старой России».³⁰

Дискуссия вокруг проблемы соотношения национального и интернационального компонентов советской пропаганды выявила, прежде всего, отсутствие «ясности по некоторым принципиальным вопросам отечественной истории», а по ряду вопросов даже «существенные разногласия». Это, в частности, касалось трактовок событий, связанных с присоединением к Российской империи народов и территорий, восстаниями против царизма на окраинах империи, местом «малых народов» в курсах истории СССР и т.п.³¹

Дискуссия свелась к критике ожесточения морально-политического единства народа до и после Октября 1917 г. Внимание пропаганды акцентировалось на сложившейся в годы войны «небывалой в истории высшей, социалистической формы морально-политического единства».³² В ходе дискуссии родилось предложение «создать советскую теорию эволюции русской державы», положив в ее основу «три динамических момента»: «поворот на мирный труд» после походов на Византию, а также идеи «дружной обороны» и «равноправного подхода ко всякой другой национальности».³³

Но при этом очевидно выдвигание в «благородном соревновании» принесения жертв на благо Родины на первый план русского народа. В итоге акценты в изучении истории народов СССР смещались в сторону освящения того, «ког-

³⁰ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1051. Л. 71–73, 121–122, 128–129.

³¹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 26. Л. 16–17. Выровнять

³² РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1051. Л. 71–73.

³³ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1051. Л. 143.

да и как вошли эти народы в состав Руси», и объяснения причин, заставивших их «держаться за связь с русским народом».³⁴ Трактовки, предложенные участниками дискуссии, также содержали критику ошибочности и вредности изображения России «как извечно агрессивной, а окружающих ее стран и народов, как извечно страдающих».³⁵

Концепт «советского патриотизма» содержал ряд пропагандистских компонентов для «внутреннего пользования»: многонациональной Красной армии, особой роли Октября и Гражданской войны в трансформации сущности патриотизма и т.п. В октябрьском номере 1944 г. журнала «Агитатор и пропагандист Красной армии» патриотизм досоветского периода был объявлен исторически ограниченным. Что, впрочем, не помешало автору статьи говорить о сближении в общественном сознании периода войны «русского» и «советского» патриотизма.³⁶ На совещании работников агитмассовой редакции Политиздата 23 октября 1944 г. было намечено включить в редакционный портфель на I квартал 1945 г. работы о патриотизме колхозного крестьянства и советском патриотизме вообще. Сразу несколькими авторам предлагалось заказать брошюры тему «Советский патриотизм — великая сила».³⁷

Еще одним фактором трансформации традиционного патриотизма в патриотизм советский стало неприятие частью советского общества и элиты активного использования в военной пропаганде патриотического дискурса и исторического наследия России в ущерб классовым оценкам. Впрочем, основания для этого были. Пик патриотической пропаганды в 1943 г. совпал с роспуском Коминтерна, реабилитацией Русской Православной церкви, введением в армии «старорежимных» погон, учреждением ордена Славы как прямого преемника Георгиевского креста и т.п.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1051. Л. 156–157.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1051. Л. 208–209.

³⁶ Козлов Н.Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). СПб., 1995. С. 52–54.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 125. Л. 1–2. Выровнять

1943 год ознаменовался коренной перестройкой системы советской пропаганды, прежде всего, на фронте. В апреле Совет военно-политической пропаганды при Главном политическом управлении РККА провел Всесоюзное совещание работников аппарата политорганов по спецпропаганде. В числе прочего совещание обсудило вопросы пропагандистской работы в связи с начавшимся изгнанием захватчиков с территории СССР.³⁸ В мае этого же года был ликвидирован институт заместителей командиров по политической части, что означало перенос пропагандистской работы в первичные партийные организации армии и флота.

В апреле 1945 г. редактор газеты 2-го Прибалтийского фронта «Суворовец» Н.А. Бубнов получил письмо от корреспондента «Известий» В.А. Хмелевского с рассуждениями о «существове советского патриотизма». В частности, бывший сотрудник недомыслил, что автор передовой статьи в одном из номеров «Суворова», «разбирая подвиг героя и его отношение к советской Родине, ни разу этот самый эпитет, стоящий перед словом Родина выше, не произнес». Тогда как «Родина вообще и Родина советская — понятия разные в своей вершине, хотя и имеющие общий корень».³⁹

Впрочем, даже в середине 1945 г. «пропагандистский маятник» продолжал колебаться между патриотическим и интернациональным полюсами. Завершением «пропагандистского поворота» стала весна 1946 г. В апреле А.А. Жданов и Г.Ф. Александров направили в Политбюро «Предложения о мероприятиях по улучшению руководства агитпропаботой и по укреплению аппарата Управления пропаганды ЦК ВКП (б)». В записке с критикой «одностороннего увлечения исторической тематикой» соседствовали призывы усиления классово-партийной составляющей пропаганды.⁴⁰ Что вполне объяснимо. Ведь исторические образцы патриотизма и общепатриотический

³⁸ Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1968. С. 542.

³⁹ ГА РФ Ф. 8127. Оп. 1. Д. 33. Л. 176–184.

⁴⁰ РФАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 24. Л. 20–43. Выровнять

дискурс военной поры были неприменимы в условиях начинающейся «холодной войны» и институционального и идеологического переноса «преимуществ социализма» в страны «социалистического лагеря». Реалии противостояния двух сверхдержав, еще вчера бывших союзниками по Антигитлеровской коалиции, настоятельно диктовали поиск новых идеологических конструкций, окрашенных в классовые и интернациональные цвета.

Тихонов В.В.

СТАЛИНСКАЯ ПРЕМИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается роль Сталинской премии в формировании исторической политики в годы Великой Отечественной войны. Демонстрируется, что труды лауреатов премии отражали актуальную идеологическую линию. Работа основана как на опубликованных источниках, так и на архивных документах.

Ключевые слова: сталинская премия, советская историческая наука, идеология, Великая Отечественная война.

Tikhonov V.

THE STALIN PRIZE AS AN INSTRUMENT FOR THE HISTORICAL POLICY FORMATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract: The article discusses the role of Stalin Prize in shaping the historical policy in the years of the Great Patriotic War. It demonstrates that the work of the award winners reflect the current ideological line. The work is based on the published literature and archival documents.

Key words: Stalin prize, the Soviet historical science, the ideology, the Great Patriotic war.

Сталинская премия (премия имени Сталина) была учреждена в конце 1939 г. к 60-летию Иосифа Виссарионовича и стала высшей советской наградой в области науки и искусства. Присуждение премии носило ярко выраженный политический характер. Книги, получившие премию, как правило, формировали достаточно отчетливую идеологию

ческую линию. Об этом свидетельствует и К.М. Симонов: «Анализируя книги, которые он [Сталин — В.Т.] в разные годы подержал, вижу существовавшую у него концепцию современного звучания произведения, концепцию, в конечном счете связанную с ответом на вопрос: «Нужна ли эта книга нам сейчас? Да или нет?» И всякий раз — и за произведениями, получавшими премии, и за идеями о создании произведений о чем-то или о ком-то, произведений, которые впоследствии были обречены, как правило, на премию, стояли сугубо современные политические задачи». Приведенная цитата касается художественной литературы, но и к научным трудам по гуманитарным и общественным наукам ее можно отнести в полной мере.

Колоссальным было значение Сталинской премии и для историков. Она задавала идеологические ориентиры, служа ориентиром для многочисленных работников «исторического фронта». Несмотря на это, в историографии до сих пор отсутствуют работы, посвященные влиянию Сталинской премии на развитие советской исторической науки.

Появление премии стало знаковым событием. Она стала формой «мягкого» контроля над культурной и научной жизнью Советского Союза. Лауреаты премии становились ориентиром для научных работников и представителей творческих профессий, а награждение наглядно демонстрировало, какие исследования правящий режим считает актуальными и полезными и чего ждет от других. В области литературы, искусства и гуманитарных наук идеологический прагматизм проявлялся особенно ярко. Но идеологическая актуальность обязательно должна была сочетаться с фундаментальностью трудов-лауреатов. Ценились работы, не являющиеся просто набором клишированных идеологем. Идейная лояльность должна была соседствовать с научным качеством. Были прецеденты, когда идеологически верные, но научно слабые работы отклонялись по причине их недостаточной основательности.

¹ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1990. С. 179-180.

Непосредственная связь с «вождем» ставила эту премию в особое положение, придавало ей своеобразный статус награды от самого Сталина, который лично принимал участие в отборе конкурсных заявок. Критерии присуждения премии не отличались устойчивостью. По наблюдениям специалистов: «Характерной особенностью всего механизма (регламента?) учреждения и присуждения Сталинских премий является его постоянная корректировка, причем не всегда оформляемая документально (по крайней мере, в виде публикаций в прессе)»².

Тем не менее, в общих чертах механизм присуждения был следующим³. Выдвинутые работы рассматривал Комитет по Сталинским премиям, куда входили крупные деятели партии, искусств и науки. Согласно положению о Сталинских премиях Комитет мог учреждать из своего состава секции по отдельным специальностям, а также привлекать к оценке экспертные комиссии, состоявшие из ведущих ученых, но не являвшихся членами Комитета⁴. Комиссию по историческим наукам в годы войны до самой смерти в декабре 1943 г. возглавлял Е. М. Ярославский. Поскольку круг профессионалов, принимавших решение, был явно небольшим, то это, очевидно, приводило к лоббированию трудов хороших знакомых. Решение комиссии направлялось в Отдел агитации и пропаганды ЦК, где высказывались дополнительные соображения. Затем списки с краткими аннотациями рассылались членам Политбюро и Совета министров, которые высказывали свои соображения. Видимо, особую роль в судьбе лауреатов играл В. М. Молотов. Об этом свидетельствует большое количество материалов, отложившихся в его личном фонде номер 82

² *Свинын В., Осеев К.* Предисловие // Сталинские премии: две стороны одной медали. Сборник документов и художественно-публицистических материалов. Новосибирск, 2007. С. 6.

³ О регламенте присуждения премии см.: *Макасова О. С.* Из истории о дипломе, удостоверении и Почетном знаке лауреата Сталинской премии // <http://www.rgantd-samara.ru/activity/articles/4909> (дата обращения - 04.10.2015)

⁴ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГНИ) Ф. 3. Оп. 53 а. Ед.хр. 1. Л. 7.

в РГАСПИ. Последнее слово, несомненно, принадлежало Сталину. При этом, надо заметить, мнение комиссии по премиям могло серьезно разойтись с окончательным вердиктом правителей государства, хотя в подавляющем большинстве случаев совпадало.

Списки победителей и их портреты печатались в главной газете страны — «Правде». Как указывалось в одной из статей: «Сталинские премии стали периодическим смотром советской науки, техники и культуры»⁵. Семантика смотра предполагала не только парадность, но и мобилизацию, предельную концентрацию усилий. В этом смысле премии — это еще и мобилизующий фактор. Не случайно лауреатов называли «отрядом».

Сначала Сталинскую премию историкам не давали. Причин этого было немало. Во-первых, репрессии 1930-х гг. привели к тому, что фундаментальные труды зачастую писать было некому. Во-вторых, в конце 30-х гг. основной акцент делался на фундаментальных и многолетних коллективных трудах, создание которых съедало массу времени и часто буксовало по разным причинам. На индивидуальные монографии времени часто не хватало. В-третьих, во второй половине 1930-х гг. историческая идеология формировалась заново, причем часто путем проб и ошибок рядовых исполнителей. Ситуация неопределенности, возникшая в исторической науке, мешала удостоить высшей награды страны исторические труды.

В январе 1941 г. на премию первой степени (в 100 000 рублей) был выдвинут труд армянского историка, академика Я. А. Манакяна «Тигран II и Рим» (на армянском языке). В центре книги была борьба армянского царя Тиграна II совместно с Митридатом IV против Рима. В представлении исторической комиссии обосновывалась целесообразность присуждения премии: «...После продолжительного изучения первоисточников и экономیکی указанного периода истории Армении удалось доказать, что история Армении искажалась в угоду Рима. Грабительские войны Рима трак-

⁵ Праздник советской науки, техники и культуры // Правда. 1946. 27 января. С. 1.

товались как переселение передовой эллинистической культуры в варварскую Армению. Своим исследованием Манакян доказал, что Армения не была в тот период варварским государством и имела свою высокую культуру»⁶. Очевидно, что линия противостояния Рима и Армении, ставшей частью Советского Союза, оказалась чрезвычайно актуальной в свете противостояния коммунизма с итальянским фашизмом, апеллировавшем к символике Римской империи. Почему книга не получила премию? Возможно, что причин было несколько. Во-первых, временное свертывание активной антифашистской пропаганды после пакта Молотова-Риббентропа. Во-вторых, книга была написана на армянском языке и не могла стать эффективным средством пропаганды в силу языковых ограничений.

В этом же году на премию выдвигался первый том «Истории гражданской войны» (опубликована в 1936 г.). Книга являлась важнейшим шагом по утверждению «сталинской» версии истории революции 1917 г.⁷ При обсуждении на пленуме Комитета издание было снято с конкурса «по тем соображениям, что книга не только редактировалась тов. Сталиным, но тов. Сталин написал заново ряд мест в этой книге»⁸. Е. М. Ярославский в письме на имя И. В. Сталина просил все же премировать книгу. Несмотря на это, премии она не была удостоена. Не получили премии и академическое издание «Русской правды», рукописи трех томов «Истории СССР» и двух томов «Всемирной истории», посвященные Французской революции⁹.

В годы войны, когда исторический компонент советской пропаганды многократно усилился, исторические труды стали неотъемлемой частью списков лауреатов. В 1942

⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53 а. Ед.хр. 3. Л. 95.

⁷ См.: *Мальшева С.* Миф о революции 1917 года: Первый советский государственный проект // *Ab Imperio*. 2001. № 1-2. С. 285-303; *MacKinnon E.* Writing History for Stalin: Issak Izlailevich Mints and the *Istoria grahdanskoi voiny* // *Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History*. 2005. Vol. 6. № 1. P. 5-54.

⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53 а. Ед.хр. 4. Л. 2.

⁹ Там же.

г. авторский коллектив фундаментального труда «История дипломатии» (т. 1), куда вошли В. П. Потемкин, С. В. Бахрушин, А. В. Ефимов, Е. А. Косминский, А. Л. Нарочницкий, В. С. Сергеев, С. Д. Сказкин, Е. В. Тарле, В. М. Хвостов, удостоился этой награды. Издание охватывало огромный период от древнего мира до Франкфуртского мира 1871 г., следуя тем самым в периодизации за указаниями И. В. Сталина, С. Н. Кирова и А. А. Жданова. В предисловии к книге указывалось, что она «представляет собой первый опыт марксистской работы в данной области и в указанном масштабе»¹⁰. Авторы преследовали амбициозную задачу представить советскую версию истории дипломатических отношений, противопоставив ее уже имеющимся западным многотомным изданиям. Книга носила популярный характер, была интересно написана и предназначалась для массового круга читателей. Но «в особенности имеет она в виду практических работников советской дипломатии и молодые кадры, которые готовятся к этой деятельности»¹¹. Учитывая простую международную обстановку, государственное руководство видело в этом издании, вооружившем советских дипломатов основными знаниями дипломатической истории, и практическую пользу.

Второй премии удостоился этнолог и археолог Б. А. Куфтин за научный труд «Археологические раскопки в Триалети. Опыт периодизации памятников» (Тбилиси, 1941). Б. А. Куфтин был человеком с непростой судьбой, подвергся репрессиям в начале 30-х гг. по «делу славистов». Он вынужден был переехать жить и работать в Грузию, где сосредоточился на археологических раскопках¹². Удача сопутствовала ему: в ходе раскопок на Цалкском плато в Триалети (Грузия) были обнаружены курганы ранней и средней бронзы, датированные XVII в. до н.э. Помимо золота и серебра в них были найдены искусные метал-

¹⁰ История дипломатии. Т. 1. М., 1941. С. 13.

¹¹ Там же. С. 14.

¹² Подробнее см.: *Альмов С. С., Решетов А. М.* Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути // *Репрессированные этнографы*. М., 2003. Т. 2. С. 227-268.

лические сосуды, которые, как доказывал Б. А. Куфтин, принадлежали местным мастерам. Раскопки показали и тесную связь местной культуры с Малой Азией (Хеттским царством).

Что же привлекло жюри премии в находках бывшего «врага народа»? Представляется, что ответ надо искать в общем повороте советской исторической науки во второй половине 30-х гг. и особенно в годы войны, когда в официальной исторической политике все отчетливее звучали требования патриотического исторического дискурса. Открытия Б. А. Куфтина показывали высокое развитие местного населения, что расценивалось как подтверждение того, что народы СССР — народы, говоря словами Гегеля, «исторические», что территория Советского Союза не черная дыра, а полноценная часть общемирового исторического пространства. Особенно актуально это звучало в годы Великой Отечественной войны, когда разоблачение расистских теорий нацистов о неполноценности народов СССР было объявлено задачей номер один для историков. Находки прекрасно укладывались и в формационную платиленку, не так давно прописанную Сталиным в «Кратком курсе истории ВКП (б)», поскольку подтверждали синхронность развития разных регионов мира. Возможно, сыграла роль и национальность главного эксперта. Сталин всегда с особым вниманием относился к истории родной Грузии, и ему могло польстить, что история его страны столь древняя и богатая.

Есть и другая версия причин присуждения премии Б. А. Куфтину, она принадлежит А. А. Формозову. По его мнению, «произошло это более или менее случайно»¹³. Просто комитет по премиям находился в это время в Тбилиси, где и вышла книга, помогла и мощная поддержка influentialного И. Э. Грабаря. Как бы то ни было, А. А. Формозов признает выдающийся вклад Б. А. Куфтина в науку.

1943 г. был урожайным для историков. Первую премию присудили авторскому коллективу во главе с И. И. Минцем

¹³ Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. 2-е изд. М., 2006. С. 251.

(сюда же входили: П. Н. Поспелов, Е. М. Ярославский, Э. Б. Генкина, Е. Н. Городецкий, И. М. Разгон и сталинский лубимец И. П. Товстуха [посмертно]) за второй том «Истории гражданской войны в СССР». Партийные функционеры Г. Ф. Александров, П. Н. Поспелов и Е. М. Ярославский, естественно, реальными авторами не были, а только участвовали в приеме тома¹⁴, но, согласно номенклатурным ритуалам, а также подчеркивая политическую важность книги, в авторский коллектив включили и их. В книге всесторонне выписывалась роль Сталина в Гражданской войне, поэтому ее значение в мифологизации фигуры «вождя» очевидно. Много страниц было посвящено обороне Царицына (переименованного в дальнейшем в Сталинград), возглавлявшейся в 1918 г. Сталиным. В начале 1943 г. завершилась грандиозная Сталинградская битва, которую пропаганда часто сравнивала с царичинской обороной¹⁵. Такими образом, связь недавнего прошлого с современностью была очевидна. В этих условиях издание было просто обречено на успех, особенно после того, как первый том был отклонен, и теперь требовалась компенсация.

Первая премия была также присуждена Е. В. Тарле за его двухтомную монографию «Крымская война» (Т. 1-2, М.-Л., 1941-1943). Известнейший ученый создал впечатляющее и увлекательное историческое полотно, показывающее Крымскую войну на широком социально-политическом и дипломатическом фоне. Центральное место занимала демонстрация мужества русских солдат и офицеров. В представлении комиссии писалось: «В этом труде ярко обрисованы, с одной стороны, крайняя отсталость и реакционность николаевской монархии середины XIX века, с другой стороны, на многочисленных фактах и эпизодах показаны высокие боевые качества — стойкость, самоотверженность и героизм солдат и матросов русской армии,

¹⁴ «Из памяти всплыли воспоминания...». Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И. И. Минца. М., 2007. С. 197.

¹⁵ Тихонов В. В. Отечественная история как оружие в условиях войны // Великая Отечественная — известная и неизвестная: историческая память и современность. М., 2015. С. 155.

особенно защитников Севастополя»¹⁶. Автор убеждал читателя, что, несмотря ни на что, война носила народный характер. В условиях Великой Отечественной войны это было очень актуально.

Книга уже после войны была подвергнута острой критике. В центральном партийном рупоре — журнале «Большевик» — вышла рецензия Н.Н. Яковлева, в которой он упрекал Е.В. Тарле в том, что тот не сумел показать реакционную сущность царского режима. При этом он, следуя за работой И.В. Сталина «О статье Ф. Энгельса “Внешняя политика русского царизма”», напоминает, что «оплотом европейской реакции наряду с царской Россией являлись и Англия, и Франция»¹⁷.

В 1943 г. премию второй степени присудили рукописям монографий А.И. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве в XVII в.» и П.П. Смирнова «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.». Неординарность заключалась в том, что книги еще не были опубликованы и находились в рукописи. Если монография А.И. Яковлева вышла в свет в этом же году, то книга П.П. Смирнова еще долго оставалась неопубликованной¹⁸. Только в 1947–48 гг., уже после смерти автора, двухтомная книга была напечатана. В книге автор проводил мысль о синхронности развития городов на Руси в Западной Европе. Главной движущей силой этого процесса он называл классовую борьбу.

Затем в течение двух лет премии не присуждались. Только уже после войны в 1946 г. произошло награждение, премии давали за работы 1944 г. Присуждение произошло в условиях реализации первого послевоенного пятилетнего плана, целью которого являлось восстановление страны. В статье, напечатанной в «Правде» и посвященной лауреатам

¹⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53 а. Ед.хр. 6. Л. 129.

¹⁷ Яковлев Н.Н. О книге Е.В. Тарле «Крымская война» // Большевик. 1945. № 13. С. 66.

¹⁸ Был опубликован только автореферат монографии: Смирнов П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. (Автореферат) // Исторический журнал. 1943. №. 8–9. С. 50–57.

премии, всячески подчеркивалось настроение патриотизма, оптимизма и единства нации, в частности ее интеллектуальной части: «Советской интеллигенции чужды настроения скептицизма, неверия в силу научной мысли, разочарования в прогрессе... Советская интеллигенция, воспитанная в духе идей марксизма-ленинизма, верит в свою силу, потому что знает силу своего народа»¹⁹. Подчеркивался особый статус работников «интеллигентального фронта» в СССР.

Из историков в числе лауреатов оказался только Б.Б. Пиотровский, получивший вторую премию за монографию «История и культура Урарту» (Ереван, 1944). Внимание к Урарту в то время было чрезвычайно высоким. Еще в школьном учебнике под редакцией А.В. Шестакова писали, что племена Урарту — это предки грузин. История СССР теперь началась не с Киевской Руси, а с Урарту, что делало значительно старше историю всего Союза и ставило его в ряд ведущих и древнейших регионов мира. В подготовке учебника принимал участие сам Сталин, а изучение его библиотеки показало, что он испытывал особый интерес к истории древнего государства²⁰.

В работе было сильно влияние яфетической теории Н.Я. Марра, учеником которого Б.Б. Пиотровский являлся. Урарту было показано автором как сильное, высококультурное государство — реальный соперник могущественной Ассирийской империи. Проводилась мысль об огромном влиянии культурного наследия Урарту на народы Кавказа. В то же время автор подчеркивал, что «...нельзя ни один из современных закавказских народов непосредственно выводить от урартов, считая урартов его прямыми и единственными предками»²¹. В данном случае автор явно шел против течения, поскольку не признавал прямой связи Урарту и грузин. По его воспоминаниям, на одной дово-

¹⁹ Новый отряд лауреатов Сталинских премий // Правда. 1946. 27 июня. С. 1.

²⁰ Иллариов Б.С. Почетный академик Сталин и академик Марр. М., 2012. С. 370–371.

²¹ Пиотровский Б.Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944. С. 338.

енной конференции академик Грузинской академии наук С. Н. Джанашия требовал у Пиотровского признать прямую родственную связь Урарту именно с грузинами²². Несмотря на это, идеологов привлекла именно возможность при помощи работ Б. Б. Пиотровского доказать древность культуры народов СССР, их заметную роль в мировой истории.

Возможно, причиной могло стать и следующее. Исследования библиотеки Сталина показали, что он внимательно и с интересом читал учебник по истории Грузии с древнейших времен до начала XIX в., вышедший на грузинском языке в 1943 г. Эта книга при ее переиздании получила Сталинскую премию второй степени. В частности, в учебнике утверждалось, что государство Урарту было основано хетто-субарскими племенами, которые назывались прямыми предками грузин²³. «Великому грузину» могло льстить, что предки его народа являлись основателями великого древнего государства, а мысль Пиотровского (который сам не решался напрямую связать ни один ныне существующий кавказский народ с Урарту) о том, что наследие Урарту стало фундаментом кавказской культуры — подогревать его национальное честолюбие. В конце жизни, несмотря на все дифирамбы в сторону «великого русского народа», Джугашвили не потерял интереса к родине²⁴. По наблюдениям современника историка Б. С. Илизарова, Сталин вполне мог наказать историка. В библиотеке диктатора сохранился сборник, в котором была помещена статья Пиотровского об Урарту. На полях книги Сталин оставил многочисленные гневные пометки, но итоговый вывод о том, что армяне и грузины — наследники Урарту его, видимо, удовлетворил²⁵.

В следующем году премию первой степени присудили за II и III тома «Истории дипломатии». Второй том охва-

²² *Пиотровский Б. Б.* Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 156.

²³ *Илизаров Б. С.* Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. 4-е изд. М., 2012. С. 231.

²⁴ Там же. С. 220.

²⁵ Илизаров Б. С. Почетный академик Сталин и академик Марр. С. 372-377.

тывал период 1872-1919 гг. Почти весь том написал В. М. Хвостов, последние четыре главы, посвященные дипломатии Советской России, были написаны И. И. Минцем. Следуя официальной исторической концепции, авторы рассматривали этот период как время начавшегося упадка капитализма, перехода его в монополистическую, империалистическую фазу. Первая мировая война являлась логичным развитием событий. Здесь подчеркивалось, что Россия не являлась зачинницей войны и стала «слабым звеном мировой империалистической системы», где произошла революция. Отдельная глава отводилась иностранной интвенции стран Антанты в Россию.

Третий том предлагал панораму международных отношений между двумя мировыми войнами. Основными авторами стали И. И. Минц и А. М. Панкратова. Отдельные разделы принадлежали В. П. Потемкину и Е. В. Тарле. В книге особое внимание уделялось дипломатической роли «Страны Советов, которая мощью своей дипломатии опрокинула все попытки империалистов подвергнуть ее военному разгрому или окружить кордоном политической изоляции»²⁶. В аннотации для премии указывалось, что был «подробно изложен процесс углубления противоречий в версальской системе, образования первых очагов войны и консолидации блока фашистских агрессоров, показан рост значения Советского Союза как фактора мира, его неуклонная борьба против агрессии, за подлинный мир и прогресс человечества»²⁷.

Таким образом, история присуждения Сталинской премии в годы Великой Отечественной войны наглядно показывает основной вектор исторической политики в это время. Выделим ее основные черты. В первую очередь заметен акцент на доказательство большой роли народов СССР в мировой истории. Во многом это являлось контрпропагандистским шагом по отношению к нацистским теориям об их исторической ущербности. Популярностью пользовалась военная история, демонстрирующая муже-

²⁶ История дипломатии. Т. 3. М., 1945. С. 1.

²⁷ ИГАНИ. Ф. 3. Оп. 53 а. Ед.хр. 11. Л. 88.

ство русского солдата, а также история дипломатии. Не забывалась и социально-экономическая история и сопутствующая ей история классовой борьбы. Тесная взаимосвязь книг-лауреатов с пропагандой военного времени также очевидна. В дальнейшем многие черты исторической политики, очерченные при помощи Сталинской премии в военные годы, найдут продолжение уже в послевоенное время. Но что-то скорректируется, а что-то радикально изменится.

Синицын Ф. Л.

НАЦИОНАЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1933–1941 ГГ.)

Аннотация. В статье анализируются основные аспекты формирования идеологии Советского Союза в предвоенный период (1933–1941 гг.). Рассматриваются меры, предпринятые руководством СССР в сфере использования национального фактора для морально-политической мобилизации населения страны в преддверии будущей войны. Сделан вывод об эффективности перестройки советской политики и пропаганды, базировавшейся на вновь разработанных концепциях «советско-русского» и «советско-национального» факторов.

Ключевые слова: национальная политика СССР; предвоенный период; советская пропаганда; советский патриотизм.

Sinitsyn F.

ETHNO-PATRIOTIC FACTOR IN THE SOVIET IDEOLOGY DURING THE PRE-WAR PERIOD (1933–1941)

Abstract: In the article, there are analyzed the main aspects of formulating the Soviet ideology during the Pre-War Period (1933–1941). There are considered measures taken by the Soviet Government in the field of using the ethnic factor for moral and political mobilizing the population on the threshold of a future war. There is made a conclusion on efficiency of the reform of the Soviet policy and propaganda, which was built on the newly developed concepts of 'Soviet-Russian' and 'Soviet-Ethnic' factors.

Key words: Ethnic policy of USSR; Pre-war period; Soviet propaganda; Soviet patriotism.

После Октябрьской революции национальная политика в советском государстве стала базироваться на принципах «пролетарского интернационализма». Все нации и расы получили в стране равные права, что, несомненно, было прогрессивным шагом. В то же время те представители большевистского руководства, которые стояли на крайне левых позициях, рассматривали советское государство лишь как плацдарм для экспорта «Мировой революции» в глобальном масштабе. Так, «Декларация об образовании СССР» (1922 г.) провозгласила создание Советского Союза «решительным шагом по пути к объединению трудящихся всех стран в мировую Социалистическую Советскую Республику».

В связи с отбрасыванием властями советского государства преемственности с дореволюционной Россией, охарактеризованной В.И. Лениным как «тюрьма народов», русский народ был лишен государствообразующего статуса, который он имел в Российской империи. В трудах ведущего историка СССР, академика М.Н. Покровского, история дореволюционной России была пересмотрена с акцентом на ее негативных моментах. Историческое образование было сужено и включено в общий курс «общественных наук», исторические факультеты в вузах были ликвидированы. Снижению «русского влияния» в СССР служила кампания по «коренизации», которая заключалась в выдвигении национальных («нерусских») кадров и максимизации использования национальных языков. В рамках кампании по созданию нового латинизированного алфавита для большинства народов Советского Союза, реализованной в 1920-х гг., рассматривались планы по латинизации русской письменности, что, в случае их осуществления, кардинальным образом подорвало бы связь русского народа с дореволюционной Россией. Такие тенденции советской политики отражали «левацкие» настроения, имевшие распространение среди части советской элиты.

Однако к середине 1920-х гг. неудача с распространением «мировой революции» (дружественные СССР режимы были установлены только в Монголии и Туве, которые на мировой арене играли очень малую роль) и другие внешне-

и внутриполитические обстоятельства изменили оценку советским руководством перспектив развития СССР. В 1924-1926 гг. И.В. Сталин и его соратники сформулировали программу построения социализма «в одной, отдельно взятой стране». Политические устремления властей Советского Союза вошли в обычное для традиционного государства русло.

Приход в 1933 г. к власти в Германии НСДАП окончательно подорвал иллюзии, связанные с реализацией идеи «мировой революции»¹ (ранее Германия рассматривалась как одна из наиболее перспективных в «революционном плане» стран мира). В декабре 1933 г. СССР подал заявку на вступление в Лигу наций (был принят в сентябре 1934 г.), что ознаменовало намерение советского государства войти в мировое сообщество на условиях традиционных норм внешней политики. Решения XVII съезда ВКП(б), состоявшегося в январе-феврале 1934 г., обозначили «Мировую революцию» лишь в качестве одного из вспомогательных инструментов внешней политики СССР по обеспечению собственных интересов. В материалах советской пропаганды появились указания на необходимость воспитания преданности каждого гражданина СССР своей Родине².

Таким образом, «национализация» государственных интересов СССР, начатая в середине 1920-х гг., к середине 1930-х гг. переросла в пересмотр доктрины советской национальной политики. В условиях перехода к развитию Советского Союза как государства в его традиционном понимании, руководство страны предприняло шаги по возвращению русскому народу государствообразующего статуса. В мае 1933 г. И.В. Сталин отметил ведущую роль русского народа в Октябрьской революции и назвал его «самым талантливым в мире народом»³. К концу 1930-х гг. руководящая роль русского народа в Советском государ-

¹ *Довгин А.И.* Русские в XX веке: Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С. 83–84.

² За Родину! // Правда. 1934. 9 июня. С. 1.

³ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 619.

стве, как «великого»⁴ и «старшего среди равных»⁵, была закреплена в советской пропаганде (хотя Конституция СССР формально не предусматривала первенство какого-либо этноса). Русским был присвоен статус «великой и передовой нации» и даны другие положительные эпитеты. Советская пропаганда отмечала выдающиеся успехи русского народа в науке, литературе, живописи, архитектуре, музыке. Русская культура была объявлена «единственной пролетарской социалистической культурой»⁶. Признание «первенства» и «величия» русского народа прозвучало из уст представителей национальных регионов СССР⁷.

В системе государственной идеологии Советского Союза была восстановлена преемственность с Российской империей и возвращены некоторые национально-патриотические традиции. В пантеон выдающихся деятелей страны были введены А. Невский, К. Минин, Д. Пожарский, Петр I, в пантеон ее достижений — героические события «имперского прошлого», в том числе победа в Отечественной войне 1812 г. Советский военно-морской флот был назван преемником «славных дел и боевых традиций русского флота»⁸. В Красной армии в рамках политической подготовки военнослужащих проводились лекции на тему «Борьба русского народа за свою независимость»⁹. В мае 1938 г. широко отмечалось 750-летие «Слова о полку Игореве». В августе того же года в Эрмитаже была организована выставка «Военное прошлое русского народа в памятниках искусства и предметах вооружения». 2 апреля 1939 г. в Боль-

⁴ *Волин Б.* Великий русский народ. М., 1938. С. 3.

⁵ РСФСР // Правда. 1938. 14 февраля. С. 1.

⁶ Российской государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 5. Д. 57. Л. 7.

⁷ *Мамедова Ш.* «Чем мы обязаны русскому искусству» // Правда. 1938. 9 апреля. С. 4; *Хрущев Н. С.* Доклад на 14 съезде КП(б)У // Там же. 16 июня. С. 3; XVIII съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1939. С. 74; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1172. Л. 91.

⁸ *Ланцев Л.* Страницы военно-морской истории // Правда. 1938. 21 марта. С. 4.

⁹ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 38324. Оп. 1. Д. 67. Л. 121а. Здесь везде разный шрифт

шом театре состоялась советская премьера оперы «Иван Сусанин». Об историческом подвиге ее главного героя советская пропаганда говорила как об одном из явлений «героического прошлого» страны¹⁰. Одно за другим в СССР были созданы новые патриотически-ориентированные литературные, музыкальные и кинематографические произведения¹¹.

В Советском Союзе осуществилась реабилитация казачества¹², которое издавна было опорой Российского государства, а теперь стало признано «советским не только по государственной принадлежности советской власти»¹³. 20 апреля 1936 г. ЦИК СССР принял постановление «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА». Этот шаг был знаковым, ввиду того, что значительная часть казаков принимала активное участие в Гражданской войне на анти-советской стороне, а советская власть в ответ подвергла казачество репрессиям («расказачивание»).

Власти СССР приняли меры к исправлению перегибов национальной политики 1920-х гг., связанных с умалением «русского влияния» и «коренизацией». Хотя в Конституции СССР отсутствовало положение о государственном языке, такой статус во второй половине 1930-х гг. был де-факто закреплен за русским языком. Он получил статус «первого среди равных»¹⁴ среди языков народов Советского Союза

¹⁰ *Городинский В.* «Иван Сусанин» // Правда. 1939. 4 апреля. С. 4. Шрифт

¹¹ Романы «Петр Первый» А. Н. Толстого, «Дмитрий Донской» С. П. Бородина, «Цусима» А. С. Новикова-Прибоя, «Севастопольская страда» С. Н. Сергеева-Ценского, «Порт-Артур» А. Н. Степанова, историческая трилогия В. Яна «Нашествие монголов», поэмы К. Симонова «Суворов» и «Ледовое побоище», кантата С. С. Прокофьева «Александр Невский», симфония-кантата Ю. А. Шапорина «На поле Куликовом», кинофильмы «Петр Первый» В. Петрова, «Минин и Пожарский» и «Суворов» В. И. Пудовкина, «Александр Невский» С. М. Эйзенштейна, «Богдан Хмельницкий» И. А. Савченко.

¹² Казаки рассматриваются как субэтнос русского народа.

¹³ Советские казаки // Правда. 1936. 18 февраля. С. 1.

¹⁴ *Волин Б.* Указ. соч. С. 18. Шрифт Здесь другой шрифт

и был призван «стать достоянием каждого советского гражданина»¹⁵. В марте 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей»¹⁶. В июле 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) предписало не допускать сокращения числа часов, отводимых на изучение русского языка в национальных школах. Ввиду того, что преподавание русского языка не везде удалось вывести на должный уровень, 6 июля 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об обучении русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную армию и не знающих русского языка». Повысилась официальная роль русского языка на местном уровне — в частности, в ряде союзных и автономных республик началось издание комсомольских газет на русском языке, а также он был признан вторым государственным в Белорусской ССР.

Укреплению статуса русского языка послужил перевод письменности многих народов СССР на кириллицу, который начался в 1936 г. Кириллизация была обозначена как «глубоко политический» вопрос и обособывалась, в том числе, «укреплением братского союза с русским народом» и «распространением знания русского языка» среди «нерусских» народов¹⁷. На кириллический алфавит была переведена письменность почти всех народов РСФСР, а также титульных народов Азербайджанской, Узбекской, Таджикской, Туркменской, Киргизской, Казахской ССР и Молдавской АССР. Введенные ранее латинизированные алфавиты были отвергнуты. В дальнейшем были выдвинуты предложения о полной унификации национальных кириллических алфавитов с целью как можно теснее сблизить их с русским алфавитом (эта инициатива не была воплощена в жизнь ввиду существенных отличий в фонетике разных народов СССР).

¹⁵ Русский язык — достояние советских народов // Правда. 1938. 7 июля. С. 1.

¹⁶ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 89. Пер. 62. Д. 8. Л. 2–6.

¹⁷ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2.: 1933–1945. М., 2009. С. 390, 618.

В рамках программы по возвращению русскому народу государствообразующего статуса советское руководство приняло меры по борьбе с проявлениями русофобии. Еще в декабре 1930 г. Секретариат ЦК ВКП(б) подверг критике поэта Д. Бедного за антирусские настроения, выраженные в его фельетонах («Слезай с печки», «Без пощады»). 14 ноября 1936 г. русофобские произведения поэта были осуждены в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О пьесе “Богатыри” Демьяна Бедного»: указывалось, что поэт «огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главные из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа». В июле 1938 г. было раскритиковано новое издание «Малой Советской Энциклопедии» за то, что в ней «встречается стремление принизить великий русский народ»¹⁸. Особое внимание пропаганды было уделено разоблачению деятельности «буржуазно-националистических агентов фашизма» по противодействию изучению русского языка в национальных регионах¹⁹ и введению обязательности «штудирования немецкого языка» вместо русского языка²⁰.

Историческая наука в СССР заняла важное место в воплощении в жизнь новой концепции национальной политики и пропаганды. В 1934 г. отечественная история была восстановлена в правах учебной и воспитательной дисциплины в школах и вузах. В 1936 г. в структуре Академии наук СССР был создан Институт истории. В Постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» была закреплена линия на дискредитацию научной школы М.Н. Покровского. Советские историки занялись переосмыслением истории России и русского народа, в том числе, издав труды, направленные против взглядов

¹⁸ *Потанов К.* Большие изъяны Малой энциклопедии // Правда. 1938. 7 июля. С. 4.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 5. Д. 57. Л. 7–8; *Фоменко Е.* Русский язык в школах Крама // Правда. 1938. 10 января. С. 3; *Солодий Г.* Главная позиция Наркомпроса Башкирии // Там же. 20 марта. С. 4.

²⁰ *Косых Т., Устинов И.* О преподавании русского языка // Правда. 1938. 29 июля. С. 3. Шрифт

М.Н. Покровского. В июле 1938 г. была опубликована статья академика Е.В. Тарле, в которой говорилось о том, что «Россия оказывала от начала и до конца XIX в. колоссальное влияние на судьбы человечества», а русский народ «властно занял одно из центральных, первенствующих мест в мировой культуре»²¹. В материалах советской пропаганды подверглась ревизии доктрина «Россия — тюрьма народов». Так, известный полярик И.Д. Папанин писал, что, хотя «по справедливости называли царскую Россию тюрьмой народов», но «в этой тюрьме томился и русский народ»²². Историки и пропагандисты были вынуждены объяснить гражданам СССР прежний антипатриотизм большевистской партии. Ее «пораженческие» выступления в 1914–1917 гг. против «защиты буржуазного отечества в империалистической войне» теперь были поданы как «величайший образец интернационализма и вместе с тем — подлинной любви к родине»²³, то есть как своеобразное «проявление патриотизма».

Признание первенства русского народа и возвращение национально-патриотических традиций вошли в качестве составной части в разработанную к концу 1930-х гг. политическую доктрину советского патриотизма, общего для всех народов СССР. Этой доктрине были приданы исторические основы — советский патриотизм был объявлен «прямым наследником творческих дел предков, двигавших вперед развитие нашего народа»²⁴. В материалах пропаганды появились упоминания о проявлениях гражданами СССР советского патриотизма, в том числе в военной сфере. «Воспитание трудящихся в духе советского социалистического

²¹ Тарле Е. «История XIX века»: (Предисловие редактора к новому изданию «Истории XIX века» Лависса и Рамбо, выпускаемому в ближайшее время в свет) // Большевик. 1938. № 14. С. 38, 40.

²² Папанин И. Великий русский народ // Правда. 1938. 26 июня. С. 2.

²³ Каммари М. О пролетарском интернационализме и советском патриотизме // Большевик. 1940. № 15–16. С. 34.

²⁴ Калинин М.И. О коммунистическом воспитании: Доклад на собрании партийного актива г. Москвы 2 октября 1940 г. // Правда. 1940. 30 октября. С. 3–4. Шрифт

патриотизма»²⁵ — в особенности, молодого поколения, — было обозначено в качестве важнейшей государственной задачи. Перед советским кинематографом была поставлена цель создать «фильмы, воспитывающие советского патриота»²⁶, а известный пропагандистский фильм «Если завтра война» (1938 г.) высокую оценку получил именно за то, что «вызывал чувства советского патриотизма»²⁷.

Особенностью доктрины советского патриотизма, ставшей основой государственной идеологии СССР на многие десятилетия, было смещение русской и советской идентичностей и последующее размывание первой среди второй. Культурные, научные и другие достижения русского народа были объявлены «общим достоянием» всех народов СССР²⁸, русская культура — «интернациональной — общечеловеческой культурой»²⁹. Было обозначено, что советский патриотизм «совершенно чужд и в корне враждебен всякому шовинизму, всякому чувству национальной исключительности»³⁰. В первую очередь, это касалось ограничения перегибов в сфере пропаганды «первенства» русского народа. Так, введение обязательного изучения русского языка не являлось русификацией, и его целью было лишь создание условий для формирования билингвизма (двуязычия) и «двойной культуры» (национальной и «общесоветской») у «нерусских» народов СССР³¹. В сентябре 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) дало указание партийным и советским работникам в национальных республиках изучать язык титульной нации. Отсутствие русификационных намерений проявилось в

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1162. Л. 69.

²⁶ Дукельский С. Задачи советской кинематографии // Правда. 1938. 25 марта. С. 3.

²⁷ Мороз Ал. Патриотический фильм // Правда. 1938. 8 февраля. С. 4.

²⁸ Алексеев В. Некрасов и русский народ: (К 60-летию со дня смерти Н.А. Некрасова) // Правда. 1938. 8 января. С. 2.

²⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 5. Д. 57. Л. 7.

³⁰ Любовь к родине и пролетарский интернационализм // Правда. 1938. 10 апреля. С. 1.

³¹ Мартин Т. Указ. соч. С. 627, 630. Шрифт

отказе властей от реализации предложений по обязательному введению полностью русифицированных фамилий и отцовств для коренных народов Азербайджана, Казахстана и Средней Азии. В СССР сохранялось деление страны по национально-территориальному признаку, продолжались поддержка национальных языков и развитие национальных культур.

Несмотря на реабилитацию героических страниц истории России, власти признали недопустимым «чрезмерное» прославление «царского прошлого», которое могло помешать внедрению доктрины советского патриотизма. В особенности, это касалось вопроса о присоединении к России «национальных окраин». Е.М. Ярославский в опубликованной им в 1939 г. в журнале «Историк-марксист» статье указывал на недопустимость «считать наименьшим злом... всю колониальную политику, все колониальные завоевания русского царизма», так как это «тайт опасность развития квансного патриотизма, ничего общего не имеющего с советским патриотизмом». Он призвал «решительно бороться против того, чтобы в качестве героев прославлять людей, которые своей ум, таланты и энергию отдавали на угнетение народов, населяющих Россию» (в качестве примера был указан генерал М.Д. Скобелев)³². Во исполнение таких указаний историки не оставили разработку темы «российского колониализма». История народов СССР и их борьба против российского самодержавия были отражены в произведениях литературы, музыки и кинематографа.

В качестве составной части доктрины советского патриотизма в СССР культивировалась концепция дружбы и братства его народов. Советский Союз был провозглашен «братской семьей»³³, «великим содружеством народов и наций»³⁴. Дружба народов СССР была признана

³² *Ярославский Е.М.* Невыполненные задачи исторического фронта // Историк-марксист. 1939. № 4. С. 5–7.

³³ *Асланова Ч.* Братская семья // Правда. 1938. 14 января. С. 2; *Ибрагимов А.* Дружба народов // Там же.

³⁴ *Равин С.М.* Первая среди равных. Л., 1938. С. 3. Шрифт! Здесь везде разный. Нет ссылки 452

«нерушимой»³⁵ и подавалась в качестве закономерного результата «правильной» национальной политики государства³⁶. Констатировалось «сближение языков» народов Советского Союза, которое происходило на базе их «тесного сотрудничества»³⁷. В перспективе в СССР было запланировано формирование единой «советской нации» (подобно таким политическим нациям как американцы США, канадцы, австралийцы).

Советская пропаганда утверждала, что место международных противоречий, неразрешимых при капитализме, при социализме «занимает национальная свобода и национальное равноправие, братская помощь одних народов другим народам»³⁸. В СССР была поставлена задача по ликвидации социально-экономического неравенства наций, которая легитимировала особую роль «русского фактора» в доктрине советской национальной политики необходимостью использовать потенциал русского народа как «наиболее передового» для оказания помощи другим народам СССР³⁹. Русский народ, получив статус государствообразующего, рассматривался властями Советского Союза как донор для развития всей страны, включая отстающие в социально-экономическом плане национальные регионы.

Для решения задачи по повышению уровня развития этих регионов власти СССР продолжали придавать «огромное политическое и практическое значение... выдвиганию и воспитанию национальных кадров»⁴⁰ и национально-

³⁵ *Нерушима дружба народов СССР* // Правда. 1938. 15 марта. С. 2. На предыдущую страницу

³⁶ *Великая дружба народов СССР* // Правда. 1938. 26 апреля. С. 1; *Речь Г.М. Маленкова на митинге избирателей Красноярского избирательного округа* // Там же. 9 июня. С. 3.

³⁷ *ЦК ВКП(б) и национальный вопрос.* С. 618.

³⁸ *Нация и народность (Консультация)* // Большевик. 1940. № 13. С. 60.

³⁹ *Вдовин А.И.* Русские в XX веке... С. 137–138.

⁴⁰ *Алемасов А.* Выдвижение и воспитание национальных кадров // Правда. 1938. 12 октября. С. 2. Везде шрифт!

культурному строительству (так, в 1939–1940 гг. были проведены «национальные декады» культуры, искусства и литературы, праздновались юбилеи национальных эпосов). Реализация этих программ должна была служить цели сближения народов СССР и взаимного проникновения культур на базе «советской общности». Эту же задачу решало принятое 7 марта 1938 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановление «О национальных частях и формировании РККА», которое предусматривало перформирование национальных частей, военных училищ, школ Красной армии в общесоюзные с экстерриториальным комплектованием, изменение дислокации соответствующих частей и соединений и призыв граждан всех регионов на общих со всеми национальностями СССР основаниях. Формированию единой «советской общности» в стране также служила борьба с «экстремальными уклонами» в сфере национального фактора — «великодержавным шовинизмом» (со стороны русских) и «буржуазным национализмом» (направленным против русского «первенства» или советской общности). В целом массовых фактов национальной розни в СССР в предвоенный период выявлено не было.

Ввиду кардинальных изменений в политике Советского Союза, предвоенный период характеризовался общим повышением значимости национальной принадлежности каждого гражданина СССР, которая отныне стала одним из его самых существенных характеристик с точки зрения государства⁴¹. В 1935 г. в аппарате ЦК ВКП(б) была введена новая форма учета кадров, в которой была впервые предусмотрена графа «национальность». Затем был введен учет национальности работников всех государственных учреждений. С 1937 г. НКВД СССР стал фиксировать сведения о национальности заключенных. 2 апреля 1938 г. вышла директива, установившая новый порядок указания национальности при выдаче или обмене паспортов. Если раньше записывалась та национальность, к которой причислял себя сам гражданин, то теперь следовало исходить исключительно из национальности родителей, предьявляя при

⁴¹ Мартин Т. Указ. соч. С. 614. Шрифт

этом их паспорта и другие документы. Тем самым закреплялось примордиалистское понимание национальности и этничности, как якобы существующих объективно и собственных передаваться по наследству, на основе данного И.В. Сталиным определения нации: «Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁴². Этот подход сохранился на многие десятилетия.

Причиной таких изменений в политике стало фактически введенное в СССР деление всех наций на «лояльные» и «потенциально нелояльные», к которым были отнесены те народы, чья основная этническая территория находилась за пределами Советского Союза. Тем самым предполагалось, что этническая принадлежность оказывает воздействие на политическую лояльность и в определенной степени детерминирует как групповое, так и индивидуальное сознание. В первую очередь, в качестве «потенциально нелояльного» этноса рассматривались советские немцы. После прихода А. Гитлера к власти в 1933 г. руководство СССР стало все более склоняться к мысли, что советские немцы — это «пятая колонна», которая обязательно «проявит себя при начале военных действий»⁴³. В 1937 г. и начале 1938 г. немцы и представители других национальностей, признанных «потенциально нелояльными» (поляки, латыши, эстонцы), были «вычищены» из оборонной промышленности. В июне–июле 1938 г. была произведена аналогичная чистка Красной армии. После прихода в мае 1939 г. В.М. Молотова на пост наркома иностранных дел было уволено значительное число ответственных работников НКВД СССР, многие из которых были представителями «некоренных» национальностей. Были осуществлены депортации по национальному признаку. В 1936 г. из Украины в Казахстан было переселено 45 тыс. немцев и поляков, в 1937 г. с Даль-

⁴² Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. М., 1950. С. 22.

⁴³ Мозговая О.С. Этнические немцы СССР как фактор советско-германских отношений: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 19. Шрифт!

ного Востока в Казахстан и Среднюю Азию — 172 тыс. корейцев, из приграничных районов Закавказья, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана в Киргизию и Казахстан — 2 тыс. курдов. В 1939 г. депортации подверглись польские колонисты («осадники» и «лесники») из Западной Украины и Западной Белоруссии. В 1940 г. из Мурманской области были депортированы «граждане инациональности».

В предвоенной советской национальной политике и пропаганде важную роль стал играть «германский фактор». Приход НСДАП к власти в Германии в 1933 г. был резко негативно встречен в СССР. В Советском Союзе была развернута антифашистская (антинацистская) пропаганда, которая дала самые жесткие эпитеты нацистам и их предшественникам — германским империалистам⁴⁴. Подчеркивались давняя история экспансионистских намерений Германии, противостояние русского и других соседних народов с одной стороны, и германцев с другой. Агрессивные намерения нацистов в отношении СССР разоблачались во вновь созданных произведениях советской литературы. Советская пропаганда выражала солидарность с еврейским населением Германии, регулярно помещая материалы о гонениях, погромах, зверских расправах в отношении евреев. В СССР проводились акции протеста против антисемитской политики нацистов. Обвинение в «шпионаже в пользу Германии» было общим местом кампании репрессий в 1930-х гг. В такой политике прослеживались аналогии с противодействием «пятой колонне» в странах Европы⁴⁵, где НСДАП вела среди местных немецких общин усиленную пропаганду. Однако в СССР возможностей для германских нацистов вести свою пропаганду и вербовать «пятую колонну» фактически не существовало, и поэтому обвинения репрессированных советских граждан в сотрудничестве с нацистами в целом оказывались ложными. Тем не менее,

⁴⁴ *Базилевич К.* «“Псы-рыцари” и их фашистские потомки» // Правда. 1938. 23 мая. С. 4; Флорин В. Союз народов против фашизма // Там же. 1 августа. С. 2.

⁴⁵ *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге: 1918—1941. Ч. 2. Саратов, 1994. С. 293.

антифашистская (антинацистская) пропаганда, осуществлявшаяся в Советском Союзе, не переходила в антинемецкую. Наоборот, народ Германии был записан в союзники СССР как «жертва дикого фашистского изуверства»⁴⁶, «с нетерпением ждущая падения фашистского режима»⁴⁷. В рамках Советского Союза продолжала существовать и развиваться АССР немцев Поволжья.

В 1939 г., в связи с неудачей установления союза с Великобританией и Францией, конфликтами с Японией и другими внешнеполитическими обстоятельствами, советское руководство взяло курс на сближение с Германией. 23 августа 1939 г. был подписан советско-германский Договор о ненападении. 31 августа 1939 г. на внеочередной 4-й сессии Верховного Совета СССР В.М. Молотов торжественно объявил о «конце вражды между Германией и СССР»⁴⁸. В Советском Союзе произошло резкое свертывание антинацистской пропаганды⁴⁹ (в частности, из проката был изъят кинофильм «Александр Невский»⁵⁰). Через Коминтерн компартиям зарубежных стран была направлена директива о сворачивании борьбы против германского нацизма⁵¹.

В 1940 г. в отношениях Советского Союза и Германии вновь наступило охлаждение. С августа этого года деятельность Коминтерна вновь приобрела замаскированную антинацистскую направленность⁵². После визита В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. антинацистские настроения советского руководства усилились, тем более,

⁴⁶ СССР — маяк культуры // Правда. 1938. 28 ноября. С. 1.

⁴⁷ *Варга Е.* Фашистская Германия — ад для пролетариата // Правда. 1938. 13 сентября. С. 5.

⁴⁸ Правда. 1939. 1 сентября. С. 1.

⁴⁹ *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества М., 2006. С. 77.

⁵⁰ *Taylor, Richard.* Film Propaganda: Soviet Russia and Nazi Germany. London — New York, 1979. P. 128.

⁵¹ *Кантор Ю.З.* Заключая дружба: Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920—1930-е годы. СПб, 2009. С. 231.

⁵² Скрытая правда войны: 1941 год: Незвестные документы. М., 1992. С. 50. Везде шрифт и пробелы между строками!

что в декабре 1940 г. в руках советской военной разведки оказались основные положения плана «Барбаросса». В начале 1941 г. в материалы советской пропаганды стали возвращаться антинацистские мотивы. В марте того же года фильму «Александр Невский» была присуждена Сталинская премия, а в апреле он был снова выпущен в кинопрокат. В ТАСС была сформирована новая редакция пропаганды, которая начала подготовку к идеологическому противостоянию с гегельсовским Министерством пропаганды⁵³. 1 мая 1941 г. советское руководство заявило, что в СССР «выброшена на свалку истории мертвая идеология, делящая людей на “высшие” и “низшие” расы»⁵⁴. В этом заявлении содержался ясный намек на нацистскую идеологию.

В преддверии войны «национализация» советской политики была усилена, вылившись в культивирование уверенности в том, что страна живет в условиях «враждебного окружения», подкрепляющейся самой реальностью — конфликтами между СССР с Японией у озера Хасан и на реке Халхин-Гол в 1938–1939 гг., Советско-финляндской войной 1939–1940 гг., исключением СССР из Лиги наций 14 декабря 1939 г. В рамках этой политики в Советском Союзе развернулась борьба с «низкопоклонством» перед иностранной культурой, наукой и техникой, которое официально было объявлено неприемлемым⁵⁵.

В советской военной пропаганде на второй план была отодвинута ранее превалявавшая в ней идеология «пролетарского интернационализма»⁵⁶ (однако, полного отказа от ее использования не произошло). К маю 1941 г.

⁵³ *Невежин В.* «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–х–40–х годах. М., 2007. С. 258, 265, 315.

⁵⁴ Великий праздник международной пролетарской солидарности // Правда. 1941. 1 мая. С. 1.

⁵⁵ *РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 5. Д. 57. Л. 7.*

⁵⁶ *Волин Б.* Великий русский народ. С. 48; Героическая армия великого народа // Правда. 1938. 23 февраля. С. 1; О построении коммунизма в одной стране (Консультация) // Большевик. 1938. № 20. С. 62; Советский патриотизм и интернационализм // Правда. 1938. 5 ноября. С. 1; *РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 6. Л. 2.*

советское руководство, дав органам пропаганды указание расширить публикацию материалов «на тему о советском патриотизме»⁵⁷, склонилось к еще большему усилению «национализации» политики. И. В. Сталин сообщил генеральному секретарю Исполнительного комитета Коминтерна Г. Димитрову, что «нужно развивать идеи сочетания злого, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом. Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм»⁵⁸. В том же месяце была опубликована работа И. В. Сталина «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”», в которой глава Советского государства обрушился на германского «классика марксизма» с жесткой критикой его русофобских высказываний⁵⁹. Хотя эта статья была написана И. В. Сталиным еще в 1934 г., публикация ее стала возможной только теперь, в условиях «национализации» советской политики и отбрасывания догм, противоречащих интересам СССР.

Однако к началу Великой Отечественной войны внедрение новой доктрины советской идеологии, направленной на дарование приоритета национально-патриотическому фактору по отношению к фактору «пролетарского интернационализма», не удалось полностью достичь своих целей. Власти отмечали сохраняющуюся у советских людей уверенность в том, что в случае войны население воюющих с Советским Союзом стран «обязательно и чуть ли не поголовно восстанет против своей буржуазии, а на долю Красной армии останется пройти по стране противника триумфальным маршем и установить советскую власть»⁶⁰. Многолетнее воспитание советских людей в классовой пролетарской идеологии по-прежнему заставляло их вычленять рабочего и крестьянина из общей массы врагов, отдавая от

⁵⁷ Там же. Л. 34. Везде шрифт и пробелы между строками

⁵⁸ *Марьина В. В.* Дневник Г. Димитрова // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 42.

⁵⁹ *Сталин И. В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. № 9. С. 3–5.

⁶⁰ *РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 28. Л. 2.*

«господ-эксплуататоров»⁶¹. Настроения, основанные на «пролетарском интернационализме», были губительны⁶², так как советское руководство осознало, что в будущей войне СССР сможет рассчитывать только на свои силы. Поэтому было предписано форсировать пропаганду среди граждан страны новой политической задачи: «Где [бы] и при каких бы условиях Красная армия ни вела войну, она будет исходить из интересов своей Родины»⁶³.

Таким образом, в предвоенный период в Советском Союзе была разработана и внедрена новая концепция пропаганды, основанная на двух факторах — «советско-русском» и «советско-национальном». Первый фактор включал возвращение русскому народу государственности и статуса и реабилитацию лучших страниц истории России в качестве компонента государственной идеологии, внедрение доктрины советского патриотизма, основанной на «первенстве» русского народа, смещение «русской» и «советской» идентичностей, позиционирование достижений русского народа как общего достояния всех народов Советского Союза. Вторым фактором был основан на внедрении доктрины советского патриотизма как национальной идеологии каждого народа СССР и фактора, объединяющего все народы Советского Союза, пропаганде «дружбы народов» Советского Союза и советизации национальной культуры. Реабилитация лучших страниц истории России и русского народа была воспринята советскими людьми с пониманием, а за рубежом даже думали, что «Сталин занял место Романовых»⁶⁴. Тем не менее, в советской политике и пропаганде в предвоенный период имелось противоречие, обусловленное неполным отказом от доктрины «пролетарского интернационализма», негативной стороной которой было размытие понятия национальных интересов своей Родины. Руководство СССР пыталось решить две

⁶¹ Сенявская Е. С. Противники России... С. 81.

⁶² Невежин В. «Если завтра в поход...»... С. 313. Шрифт и пробы между строками

⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 28. Л. 3.

⁶⁴ РГВА. Ф. 500к. Оп. 3. Д. 242. Л. 311. Шрифт!

противоположные задачи: и перестроить государственную идеологию на национально-патриотических основах (для укрепления страны изнутри), и сохранить международный имидж Советского Союза как оплота коммунизма, «отечества мирового пролетариата». Окончательную перестройку политики и пропаганды на «национальные рельсы» Советскому правительству пришлось реализовать в условиях начавшейся 22 июня 1941 г. Великой Отечественной войны.

Ларионов А.Э.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРОНТОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассмотрены наиболее значимые методологические проблемы изучения фронтовой повседневности Великой Отечественной войны. Делается вывод о диалектическом характере содержания фронтовой повседневности 1941–1945гг., о необходимости учета бинарных оппозиций при ее анализе. Констатируется доминирование традиционалистской модели социальных практик и коммуникаций в Красной армии, о самостоятельном значении фронтовой повседневности как предмета исторического исследования и как фактора достижения победы в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: методология, Великая Отечественная война, Красная армия, фронтовая повседневность, диалектический подход.

Larionov A.

METHODOLOGICAL PROBLEMS IN THE STUDY OF THE FRONT EVERYDAY LIFE THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract: The article considers the most important methodological problems in the study of the front everyday life during the Great Patriotic War. The author stresses a dialectical nature of front-everyday-life contents, outlining main binary oppositions of that days. Moreover, the article states the dominance of the traditionalist model of social practices and communications in the Red Army. This was an important factor in the achievement of victory in the Great Patriotic War.

Keywords: methodology, Great Patriotic War, the Red Army, front-line everyday life, the dialectical approach.

Дуальная структура термина «фронтовая повседневность» подразумевает диалектический характер содержания, что предопределяет наличие оппозиций как обязательных элементов существования и развития системы. В нашем случае правомерно говорить о наличии нескольких пар бинарных оппозиций, каждая из которых отражает определенную грань вне-боевого бытия Красной армии на фронтах Великой Отечественной войны.

Первичный анализ самого понятия позволяет выявить первое противоречие. Исходное понятие *повседневности* в культурологическом и историко-антропологическом дискурсах предполагает стабильность и повторяемость обыденных социальных практик, коммуникаций и стереотипов поведения. Как писал французский историк Ф. Бродель: «Повседневность — это мелкие факты, едва заметные во времени и пространстве <...> какой-либо факт повторяется и, повторяясь, обретает всеобщий характер, становится структурой. Он распространяется на всех уровнях общества, характеризует его образ существования и образ действий, бесконечно их увековечивая. Иной раз бывает достаточно нескольких забавных историй, чтобы высветить и показать образ жизни!»¹ Повторяемость служит важнейшим критерием для включения факта в поле повседневности. Правомерно говорить о предсказуемости, даже бытовой детерминированности как важнейшей характеристике повседневности.

Вторая составляющая нашего термина отсылает нас к проблеме принципиальной непредсказуемости существования человека в хронотопе войны. Повседневность была фронтовой, следовательно — изменчивой. Это отмечалось многими фронтовиками в дневниках и мемуарах как преобладающая черта. Изменения могли происходить внезапно, ломая любые ожидания и прогнозы. Только что человек был жив — и вот он погибает. Опыт переживания смерти как обыденности многократно повторялся для миллионов человек: «Многих товарищей не досчитались возвратив-

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. В 3-х тт. Т. 1. Структуры повседневности. М., 1986. С. 39.

шиеся в гарнизон солдаты... Совсем недавно гарнизон был похож на развороченную муравьиную кучу. Всюду толпы солдат... Десятки молодых и сильных бойцов пытались продемонстрировать свое мастерство на перекладине или брусьях, а толпа подзадоривала... Вот и Петрова нет в строю... Он лежал с перебитой ногой — страшная боль мучила его. Разорвавшаяся рядом мина прекратила его мучения. Похоронили и Иванова — первого рассказчика в группе. Осколок угодил ему в грудь, часы жизни были сочтены...»² Очень точно подметен контраст между многолюдием воинской части до ожесточенных боев и последующими потерями, гибелью людей, которые совсем недавно были полны жизни, надежд, веселья.

Следовательно, фронтовая повседневность существовала и трансформировалась по другим закономерностям, нежели повседневность в условиях мирной жизни. Это справедливо и в отношении армии как социального института. Люди на фронте вынуждены были выстраивать свое существование с учетом высокой доли вероятности собственной гибели в любой момент, либо, в лучшем случае, незначительного изменения условий своего бытия: подъем по боевой тревоге, оставление обжитых землянок, марш сквозь ночь и ненастье на неизвестные рубежи, оставление полевых кухонь и почтовых станций и т.п. Такое состояние было свойственно миллионам красноармейцев на протяжении почти четырех лет войны, было нормой. Константами фронтовой повседневности предстают *экстремальность и непредсказуемость* бытия военнослужащих на войне даже в отсутствие боя.

Существенным моментом является определение социального содержания фронтовой повседневности как самостоятельного исторического феномена. В современной российской исторической литературе можно увидеть разноеобразие научных взглядов на данную проблему. Первоначально в области военно-исторической антропологии применительно к событиям 1941–1945 гг. явилась в России

Е.С. Сеньявская. По ее собственному определению, в центре внимания находится двуединая проблема «человека на войне и войны в человеке».³ При этом основное внимание уделяется анализу духовного фактора в деятельности комбатантов (официальные участники регулярных вооруженных формирований). Само понятие «духовного фактора» толкуется расширительно. В него включаются личные переживания и эмоции военнослужащих-участников войны, мир их ценностей, реакции на официальную идеологию и пропаганду.

Выказывая согласие с такой концепцией духовности военнослужащих, хотелось бы заметить, что повседневность не может быть сведена только к психологическим и аксиологическим элементам. Не менее важным является и материальная жизнь солдат и офицеров Красной армии. Таким образом, в качестве важнейшей бинарной оппозиции следует зафиксировать дуализм духовного и материального компонентов фронтовой повседневности. Следовательно, повседневность РККА в годы Великой Отечественной войны есть предмет более широкий, чем дискурс военно-исторической антропологии. Два этих компонента не находятся в противоречии между собой. Между ними прослеживаются многочисленные обоюдные связи. Например, качество продовольственного обеспечения войск оказывало свое воздействие на их моральное состояние. И, наоборот, высокий уровень ценностной, патристической мотивации служил стимулом к преодолению подчас невыносимых условий материальной жизнедеятельности, повышая порог не только психоэмоциональной, но и чисто физической резистентности. Эта данность нашла свое отражение в эпистолярных источниках: по тонкому наблюдению Е.С. Сеньявской, качественным отличием писем красноармейцев от писем военнослужащих Вермахта является очень малое количество жалоб на трудности и тяготы жизни на фронте в первых сравнительно со вторыми. В

³ Сеньявская Е.С. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М.: ИРИ РАН, 1995. С. 8.

² Савинов А.Б. От лесов Карелии до Борнхольма глазами солдата. СПб., 2012. С. 140–142.

истории Великой Отечественной войны немало эпизодов, когда красноармейцы сохраняли боеспособность в заперделно тяжелых условиях: будь то нехватка питания, длительное пребывание в болотистой местности, в лютую стужу и т.п. Свидетельствуют об этом и документальные источники. Например, отчеты о производительности частей и соединений. В частности, 1-я ударная армия генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова, сыгравшая решающую роль в контрнаступлении на северном участке Западного фронта в декабре 1941г., согласно документам, в первой половине декабря из всех полагающихся по нормам продуктов имела только запас сухарей на 5-6 суток. Близким было в отдельные дни положение с продовольствием в 30-й армии.⁴

В рамках диалектически противоречивого пространства фронтовой повседневности Великой Отечественной войны выделяются следующие пары оппозиций:

Духовное-материальное;
 Официальное-стихийное;
 Публичное-частное;
 Позитивное-негативное;
 Напряжение-релаксация;
 Отсутствие-компенсация;
 Жизнь-смерть;
 Любовь-ненависть;
 Война-мир;
 Свой-чужой, друг-враг;
 Дом-чужбина;
 Россия-Германия;
 Поражение-победа;
 Поощрение-наказание.

Бытие людей на войне, по сравнению с повседневной жизнью мирного времени, было чрезвычайно поляризовано. Максимализм, бескомпромиссность становились нормами межличностных отношений и всей совокупности

⁴ Центральный архив Министерства обороны (далее — ЦАМО). Ф. 208. Оп. 2564. Д. 3. Л. 507, 598, 616.

социальных коммуникаций. Все указанные бинарные оппозиции существовали в едином пространстве военной экстремальности, что порождало их специфику как по форме, так и по содержанию.

Это содержание неоднократно становилось предметом избирательного анализа с разных точек зрения у разных отечественных и зарубежных исследователей. Кроме трудов Е.С. Сеньявской, следует указать на интересные и высокопрофессиональные исследования частной жизни раннего советского общества Е.Ф. Кричко и его коллег в Южном научном центре РАН, в которых рассматриваются и вопросы повседневной жизни, солдат и офицеров действующей армии на фронтах войны в 1941-1945гг.⁵

Сами авторы затрагивают вопрос о степени тождества понятий «частная жизнь» и «повседневная жизнь» как предметов исторического исследования. Приходят к обоснованному выводу, что понятие повседневной жизни выходит за пределы собственно частной, приватной и интимной сферы, хотя и пересекается с ней, совпадая по ряду компонентов. Если все вообще советское общество 1920-1940-х гг. было в высокой степени коммунално, где в силу как объективных условий, так и идеологии, коллективное имело приоритет над личным, то армия была коммунална намного сильнее. Особенно если речь идет об армии военного времени. Таким образом, фронтовая повседневность предстает перед нами как сфера сопряжения частного и публичного, индивидуального и коллективного. И отделять либо противопоставлять эти грани друг другу неверно. Диалектика вовсе не обязательно предполагает конфликт и фрустрационные переживания и рефлексии у участников исторических событий.

⁵ Кричко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону, 2011; Кричко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941-1945). Ростов-на-Дону, 2013.

В то же время возникает вопрос о том, насколько повседневная жизнь фронтовиков была регламентирована сверху. С одной стороны, армия — иерархический и управляемый социальный институт с имманентно присущей ему жесткой регламентацией, с системой санкций и поощрений именно для поддержания субординации. Но представлять себе действующую Красную армию в 1941–1945 гг. как государство, наскавзь пронизанное образами и смыслами официальной пропаганды и управления, как полностью подконтрольное властным импульсам, где полностью отсутствовали возможности для личной самореализации, для проявления индивидуальных чувств и особенностей, для самых простых человеческих чувств, означало бы необоснованно искажать историческую реальность. Элементы стихийности давали о себе знать в самых разных гранях повседневной жизни действующей армии. Это касалось не только сферы интимных переживаний и воспоминаний, но и материального обеспечения. В частности, продовольственное снабжение, нормированное и организованное, нередко становилось пространством для импровизаций — вынужденных, порой драматических, имевших оттенок юмора либо не всегда законных.⁶

Проблема соотношения официального и стихийного начал в фронтовой повседневности обязывает нас обратить внимание на соотношение модерна и традиции⁷ в повседневной жизни Красной армии периода Великой Отечественной войны. Советская власть нередко изображается как анти-традиционалистский актер, который целенаправленно разрушал русскую традицию, всячески

⁶ См. авторскую публикацию: *Ларионов А. Э.* Продолжительность снабжение войск из местных ресурсов как аспект повседневной жизни рабоче-крестьянской Красной армии в 1941–1945 гг. // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.* 2013. № 1-1 (77). С. 129-133.

⁷ Согласно классическому определению Ю. Левады, «традиция — механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних обосновывается, узаконивается самим фактом их существования в прошлом». Цит. по: *Зильберман Д. Б.* К пониманию культурной традиции. М., 2015. С. 61.

ее ретировал.⁸ Подобная точка зрения имела широкую популярность в эмигрантской публицистике и даже философской мысли, что политически и идеологически вполне объяснимо. В постсоветской историографии данный тезис также получил определенное распространение. Примечательно к истории Великой Отечественной войны можно встретить концепты о ней как о «войне современного общества». А. Б. Асташов в качестве обоснования такого подхода указывает на индустриально-технический характер войны, массовость армий, технологии пропаганды, тотальную мобилизацию общества, предельную централизацию власти. Признавая реальными все указанные моменты, хочется указать и на другие, не менее значимые. К ним относятся, в первую очередь, фундаментальные ценности, лежащие в основе существования, деятельности и развития общества, формы и способы социальных коммуникаций, методы организации, убеждения и принуждения субъектов и социальных групп. По данным компонентам следует указать на своеобразный сверхтрадиционализм Красной армии в годы Великой Отечественной войны, который

⁸ Основными компонентами русской цивилизационной традиции следует указать православие, общинность в разных ее проявлениях, примат коллективного над личным, сакрально обусловленного должностования над индивидуальными правами. Важнейшим носителем и выразителем начал традиции выступало русское крестьянство. Русское традиционное общество в его исторической обусловленности есть христиански ориентированная иерархическая социокультурная система, основанная на комплексе сотериологических духовно-нравственных идеалов и принципов бытия социума, воплощенных в определенном семейно-бытовом укладе, стереотипах повседневного и экстраординарного поведения, социальных отношениях, формах хозяйствования и политической организации. См.: Ларионов А. Э. Распад традиционного общества в России как причина системного кризиса русской цивилизации // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., 5–6 апреля 2010 г. Кн. 1. Челябинск: 2010. С. 42–49.

⁹ *Асташов А. Б.* Великая Отечественная война как война современного общества // *Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.: опыт изучения и преподавания.* Материалы Межвузовской научной конференции, посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне. 17 мая 2005 г. М., 2005. С. 121 – 142.

даже превосходил уровень органического традиционализма императорской России.

Вся мощь официальной советской пропаганды, обращенной к чувствам и разуму бойцов, была построена на интенсивной трансляции в массовое и индивидуальное сознание исторически укорененных патриотических образов: национальных героев, героических страниц истории, архетипических ассоциаций. Один из наиболее популярных плакатов «Воин Красной армии, спаси!»¹⁰, с которого на солдата глядела молодая женщина с ребенком, с окровавленным фашистским штыком перед ними, есть реминисценция иконного лика Богородицы. Менее известен плакат, на котором русоволосый юноша буквально распят на кресте в виде свастики. Прикровенная христианская символика в номинально атеистическом государстве есть не что иное, как живое дыхание традиции. В пространстве социальных коммуникаций господствующими были модели братства, единства и жертвенности, столь хорошо знакомые русскому народу по векам христианской проповеди. В реальной социальной практике были нередки вопиющие отступления от идеалов, но они и воспринимались именно как нарушения и подлежали однозначному осуждению с точки зрения не релятивистской, а императивной морали. Эти факты, нашедшие отражение как в официальных документах, так и в источниках личного происхождения позволяют говорить о преобладании во фронтовой повседневноности РККА традиционалистских ценностей и установок.¹⁰

Необходимо учитывать, что идеалы, образы, ценности, транслировавшие официальной пропагандой, не выглядели

¹⁰ Подробнее об этой проблематике см. публикации автора: *Ларионов А. Э.* Противостояние СССР и Германии в Великой Отечественной войне как столкновение двух типов традиционного общества // *Материалы VII Международной научно-практической конференции 25–26 апреля 2011 года «Традиционные общества: неизвестное прошлое».* Челябинск, 2011. С. 212–218; *Ларионов А. Э.* Религиозность Красной армии в годы Великой Отечественной войны: возрождение традиции 1941–1945 гг. // *Материалы VIII Международной научно-практической конференции 23–24 апреля 2012 года «Традиционные общества: неизвестное прошлое».* Челябинск, 2012. С. 219–227.

искусственно. Они вступали в резонанс с мировоззренческими установками большинства солдат и офицеров Красной армии, порождая невиданный по мощи кумулятивный эффект. В этом кроется секрет эффективности советской пропаганды военного времени. Предупреждадая вероятный вопрос о том, какое отношение имеет пропаганда к повседневноности, кратко заметим, что абсолютное большинство пропагандистско-агитационных мероприятий могли осуществляться в перерывах между боями, то есть объективно были частью фронтового досуга и культурной жизни красноармейцев.

Потому можно говорить о том, что цивилизационная традиция России в годы войны была актуализирована и сфокусирована на абсолютной цели спасения страны и народа как субъектов мировой истории. Безусловно, все сказанное имеет силу в том случае, если не интерпретировать традицию как синоним архаичности, отсталости, невосприимчивости к новшествам и т.п. Сохранявшиеся в народной среде и даже усиленные по ряду направлений традиционалистские социальные энергии получили возможность максимального раскрытия именно в условиях милитарного социума Красной армии в 1941–1945 гг. РККА в этот период с полным основанием можно определить как социальный институт, существующий и действующий на основе российской цивилизационной традиции, но исполняющий для своей функциональности и для спасения страны технологии и средства модерна.

Все эти рассуждения проецируются на фактический материал фронтовой повседневноности 1941–1945 гг. как универсальная матрица для ее понимания и дальнейшего изучения. В пространстве социальных коммуникаций Красной армии доминировал традиционалистский тип отношений и социальных практик,¹¹ что придавало ей устойчивости и резистентности в условиях военной экс-

¹¹ Исторически укорененные идеалы и модели поведения преобладали в ментальности и повседневноности подавляющего большинства военнослужащих РККА. Причем, благодаря военной экстремальности, а также аксиологии и семантике официальной пропаганды данные моменты актуализировались.

тремальности. Солидарность семейного типа между военнослужащими с высшим ценностным обоснованием личного и коллективного бытия оказывалась важнейшим средством преодоления жизнеотрицающей реальности войны. Изначально в рамках фронтовой повседневноности солдаты и офицеры Красной армии уже победили саму войну, чем была предпринята собственно победа в войне.

Данные рассуждения ставят нас перед немаловажным вопросом об оценке статуса и роли фронтовой повседневноности в контексте «большой истории». Иными словами, насколько она имела влияние на ход и результаты такого исторического события, каким была в отечественной и всемирной истории Великая Отечественная война? Ведь наличие академического интереса к тому или иному историческому феномену вовсе не означает его подлинной значимости для истории не как социальной памяти, а как жизненного процесса. Только этим может быть обоснована или опровергнута общественная значимость исторических исследований в сфере фронтовой повседневноности Великой Отечественной войны.

Если значение материального снабжения для хода военных действий достаточно очевидно (хотя и не всегда линейно), то вопрос о роли духовной стороны повседневноности в обеспечении функциональности милитарного социума более обширен и сложен. Человеческая духовность¹² в малой степени являет себя в социальном пространстве, огромная ее часть остается в рамках индивидуального сознания.

На основе анализа источников и современной отечественной историографии¹³ автор делает вывод о

¹² Для раскрытия термина используем обобщенное определение: духовность — вся совокупность устремлений и действий человека (общества), не обусловленных раздельно его биологическими и физиологическими потребностями. В качестве основных компонентов духовности выступают религия, культура, нравственность.

¹³ Кроме упомянутых в списке литературы к настоящему докладу, следует указать как на наиболее значимые исследования для данного вопроса на следующие работы: *Алехин А. Н.* Роль воспитательной работы в войсках в ходе выполнения боевых задач во втором периоде Великой Отечественной войны (ноябрь 1942- декабрь 1943гг.): на

материалах и документах Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов. Воронеж, 2009; *Анисков В. Т.* Крестьянство против фашизма 1941-1945: история и психология подвига. М., 2003; *Гаврилов Б. И.* Долина смерти. Трагедия и подвиг 2-й Ударной Армии. М., 2006; *Козлов Н. Д.* Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2008; *Кондакова Н. И.* Духовная жизнь России и Великая Отечественная война, 1941 - 1945 гг. М., 1995; *Михеинков С. Е.* Армия, которую предали: трагедия 33-й армии генерала М. Г. Ефремова. М., 2010; *Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в мировой истории. М., 2003; *Нарочницкая Н. А.* За что и с кем мы воювали. М., 2010; *Синицын Ф. Л.* За русский народ! Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. М., 2010; *Толкач М. Я.* Десантники Великой Отечественной. М., 2010; *Урамыхин А.* Русские на войне. М., 2010; *Юювидов А. С.* Одинокая война. Неизвестный подвиг 385 стрелковой дивизии. М., 2013; *Горлов А. С.* Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: институциональные и организационные аспекты: Дисс. на соиск.уч. степени кандидата исторических наук по спец. 07.00.02 — Отечественная история. Москва, 2009; *Иванов А. Ю.* Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник (по материалам Республики Татарстан). Дисс. на соиск. уч. степени кандидата исторических наук по спец. 07.00.02 — Отечественная история. Казань, 2009.

В числе источников укажем как на архивные неопубликованные и уже выявленные материалы: ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 162. Материалы радиопередач красноармейского радиовещания. 7.07. — 29.08.1943г.; Д. 310. Докладные записки и политдонесения политуправлений фронтов о культурно-массовой и агитационно-пропагандистской работе. 2.01. — 23.05.1945г.; *Батурина Г. Н.* Эпизоды фронтовой жизни. Рукопись // Военно-медицинский музей (ЦВММ). Хранилище 310. Письменные документы. Инв.№ ОФ-81361; *Гнетнев К. В.* Карельский фронт: тайны лесной войны. Петрозаводск, 2011; *Горский С. А.* Записки наводчика СУ-76. Освободители Польши. 1944 - 1945. М., 2010; *Данилова А. А.* Монахиня из разведки. М., 2013; *Жадобин А. Т., Маркович В. В., Сизачёв Ю. В.* Сталинградская эпопея: материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального Архива ФСБ. М., 2000; *Жадобин А. Т., Маркович В. В., Христоворов В. С.* Огненная дуга: Курская битва глазами Лубянки. М., 2003; *Золотов П. В.* Записки минометчика. Боевой путь советского офицера. 1942 — 1945. М., 2007; Мы освободим родную Советскую землю: письма с фронта, письма на фронт. Петрозаводск, 1990.

Безусловно, данный перечень неполон, в рамках примечания к докладу невозможно указать полный список используемых автором в своих исследованиях источников, научной и публицистической литературы. На предыдущую страницу

существовании двух пластов в ментальности комбатантов Красной армии периода Великой Отечественной войны, которые, переплетаясь в различных пропорциях и сочетаниях, создавали единое пространство духовности. Речь идет о взаимодействии официальных и действенных установок и личностных духовных интенций.¹⁴ Они не конфликтовали между собой и не были друг другу противопоставлены. В публичном пространстве воинских коллективов, на политбеседах, при выступлениях агитаторов отчетливо преобладал язык идеологических штампов — скорее, как готовая форма; при личном общении бойцов, в индивидуальных беседах с ними политработников, в переписке с родными явственно доминировал язык обыденный, не всегда грамотный, образно и эмоционально насыщенный. Само содержание писем исполнено забот и тревог военнослужащих о семье и доме, о родных, о хозяйственных трудностях и т.п. Официальная же риторика присутствовала в измененном, значительно упрощенном виде.

С официальной пропагандой пространство личного общения роднило единство телеологии: в обеих сторонах духовности присутствовало отрицание войны как патологии и угрозы жизни и всем тем ценностям, которые составляют ее нормальный смысл. Пребывание на войне и уничтожение врагов оправдывались как необходимое условие восстановления нормальной жизни. Таким образом, при всей видимой семиотической разнице официального и личного языка в описании фронтовой действительности следует говорить как о принципиальном моменте, об их аксиологическом и семантическом единстве.

¹⁴ В целях иллюстрации тезиса можно привести несколько примеров: образ «Родины-Матери» ассоциировался с образом родной матери, плакатные призывы спасти детей напоминали бойцам об их собственных детях, нуждающихся в защите. Растиражированное во многих газетах стихотворение К.М. Симонова «Если дорог тебе твой дом» (1942г.) было одновременно средством официальной пропаганды и, в то же время, обращало мысли и чувства красноармейцев к их личным святыням и ценностям (родной дом, мать, память об отце, любимая женщина).

С точки зрения конечных значений власть говорила с вооруженным народом (каковой и была армия) на одном языке. Эта семантическая гомогенность есть системная характеристика фронтовой повседневности РККА военного времени.

В личном пространстве духовной жизни происходило формирование индивидуального смысла участия в войне, ранений, страданий и возможной гибели. Символы официальной пропаганды через сообщаемую в личной переписке информацию, память, фотографии, сведения о гибели близких в оккупации получали личное и интимное предомление, конкретизировались и усваивались как актуальная и прескриптивная информация. Как отмечали Е.Ф. Кринко и его коллеги: «Переписка с родными людьми, воспоминания о родном доме как ничто другое эмоционально поддерживали красноармейцев, добавляли им стойкости».¹⁵ О том же говорят непосредственные свидетельства фронтовиков, высказанные в годы войны или в позднейших воспоминаниях. Для отдельного военнослужащего имели определяющее значение личное переживание войны, вестей и воспоминаний о доме, мечты о победе, служившие мощными мотиваторами собственнo боевой работы. Но следует учитывать, что официальная пропаганда структурировала дискурс массовой ментальности, обеспечивая поддержание единого пространства ценностей и смыслов, символического языка, которым обуславливалось единство РККА как социального института.

¹⁵ Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941-1945). Ростов-на-Дону, 2013. С. 131.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Васильев Максим Викторович** — член Российской Ассоциации историков Первой мировой войны
- Голубинов Ярослав Анатольевич** — канд. истор. наук, доцент кафедры философии и культурологии ГБОУ ВПО «Самарский государственный медицинский университет» Минздрава РФ, Самара,
- Голубев Александр Владимирович** — докт. истор. наук, Институт российской истории РАН, Россия, Москва, culture_iri@mail.ru
- Гребенкин Игорь Николаевич** — докт. истор. наук, профессор кафедры истории России, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань ggin17.66@mail.ru
- Цветков Василий Жанович** — докт. истор. наук, профессор Московского педагогического государственного университета, г. Москва,
- Гагкуев Руслан Григорьевич** — докт. истор. наук, главный редактор Объединенной издательской группы «Дрофа» — «Вентана-Граф» — «Астрель», г. Москва,
- Васильева Ольга Юрьевна** — докт. истор. наук, заместитель начальника Управления Президента по общественным проектам Администрации Президента Российской Федерации
- Орлов Игорь Борисович** — докт. истор. наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва
- Тихонов Виталий Витальевич** — канд. истор. наук, Институт российской истории РАН, Москва, tihonovvitaliy@list.ru
- Синицын Федор Леонидович** — канд. истор. наук, соискатель при докторантуре Институте российской истории РАН, Москва, retmsavt@gmail.com
- Ларионов Алексей Эдиславович** — канд. истор. наук, Московский государственный областной В подбор технологический университет, г. Королёв, allar71@yandex.ru
- Myagkov, Mikhail** — doctor of history, professor in Moscow State Institute of International relations, advisor to the Minister of culture.
- Мягков Михаил Юрьевич** — докт. истор. наук, профессор МГИМО (У) МИД России, советник Министра культуры Российской Федерации
- Кагарлицкий Борис Юльевич** — канд. полит. наук, директор Института глобализации и социальных движений (ИГСО), Москва, boboka@yandex.ru
- Соловьев Кирилл Андреевич** — докт. истор. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва, kirillsol22@yandex.ru
- Иванов Андрей Александрович** — докт. истор. наук, доцент кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, andri78@yandex.ru
- Нелипович Сергей Геннадьевич** — канд. истор. наук, начальник архивного отдела городского округа Балашиха, dfgaust1963@ya.ru
- Асташов Александр Борисович** — канд. истор. наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета Российской Федерации, Москва, astash@yandex.ru
- Чистяков Олег Вячеславович** — канд. истор. наук, начальник отдела научно-справочного аппарата Российского государственного военно-исторического архива, Москва, wariust1914@yandex.ru
- Пахалюк Константин Александрович** — ведущий специалист научного отдела Российского военно-исторического общества, Москва, kap1914@yandex.ru
- Копылов Николай Александрович** — канд. истор. наук, главный специалист научного отдела Российского военного-исторического общества, Москва, n-kopylov@mail.ru

- Nelipovich, Sergei** — PhD in history, head of archive department in administration of Balashikha, drfaust1963@ya.ru
- Astashov, Alexander** — PhD in history, assistant professor of Russian State University for the Humanities, Russian Federation, Moscow, astashsh@yandex.ru
- Kagarlitsky, Boris** — PhD in political science, Director of Institute for Globalisation Studies and Social Movements (IGSO), Moscow, goboka@yandex.ru
- Solovyov, Kirill** — doctor of history, senior researcher of the Institute of Russian History of Russian Academy of sciences, Moscow, kirillsol22@yandex.ru
- Ivanov, Andrey** — doctor of history, Herzen State Pedagogical University of Russia, St.Petersburg, andriv78@yandex.ru
- Chistyakov, Oleg** — PhD in history, head of the scientific-reference system of the Russian State Military Historical Archive, warius1914@yandex.ru
- Pakhalyuk, Konstantin** — leading specialist of science department, Russian military-historical society, Moscow, kap1914@yandex.ru
- Kopylov, Nikolai** — PhD in history, chief specialist of science department, Russian military-historical society, Moscow, n-kopylov@mail.ru
- Vasilyev, Maksim** — member of the Russian Association of Historians of the First World War
- Golubev, Alexander** — doctor of history, Institute of Russian History, Russian Academy of Science, Russia, Moscow, culture_iri@mail.ru
- Grebenkin, Igor** — doctor of History, professor at the Department of Russian History, Ryazan State University named for S. Esenin, Ryazan, grin17.66@mail.ru
- Tsvetkov, Vasily** — doctor of history, Professor, Moscow State Pedagogical University, Moscow,
- Gagkuev, Ruslan** — doctor of history, Chief Editor, Joint Publishing Group “Drofa” — “Ventana-Graf” — “Astrel”, Moscow,
- Vasylieva, Olga** — doctor of history, Deputy Head of the Presidential Directorate for Public Projects, Presidential Executive Office.

- Orlov, Igor** — doctor of history, National research University «Higher school of Economics», Russia, Moscow6, iOrlov@hse.ru
- Tikhonov, Vitaliy** — PhD in history, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, tihonovvitaliy@list.ru
- Larionov, Alexei** — PhD in history, Moscow region state technological University, Korolev, allar71@yandex.ru
- Sinitsyn, Fedor** — PhD (History), Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Doctorate, Moscow, permcavt@gmail.com
- Golubinov Jaroslav** — PhD in History, Assistant Professor, Chair of Philosophy and Cultural Studies Samara State Medical University, Samara, e-mail: i.golubinov@gmail.com

Научное издание

**ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ИДЕОЛОГИЙ
К СЛУЖЕНИЮ ИДЕАЛАМ:
российское общество в 1914—1945 гг.**

Издатель *Леонид Янович*

Редактор *Ирина Лобановская*

Корректор *Ольга Крулченко*

Верстка и макет *Вера Брызгалова*

Обложка *Наталья Зотова*

Налоговая льгота —

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2;

953000 — книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»

Контактный телефон +7 (916) 651-30-94

по вопросам реализации +7 (985) 427-91-93

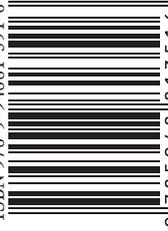
E-mail: nkhronograf@mail.ru

Информация об издательстве в Интернете: <http://www.novhron.info>

Подписано к печати 22.06.2016
Формат 60x90/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 18.0.
Тираж 400 экз. Заказ №

Отпечатано в

ISBN 978-5-94881-351-6

9 785948 813516